

Владимир
Машков
**Последний
день
матриархата**

Владимир Машков

Последний день матриархата

ПОВЕСТЬ

МИНСК
• ЮНАЦТВА •
1985

Бел 2
М 38

Для старшего школьного возраста

Рецензент В. Л. БЕЧИК

Художник Е. А. ЛАРЧЕНКО

Машков В.

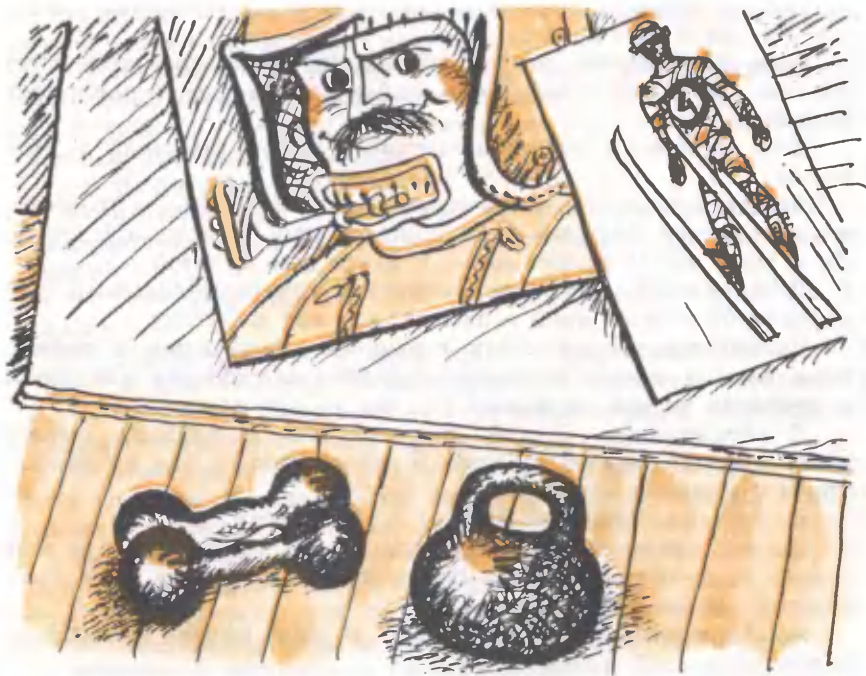
М 38 Последний день матриархата.: Повесть.
[Для ст. шк. возраста / Худож. Е. А. Лар-
ченко].— Мн.: Юнацтва, 1985.—160 с., ил.
40 к.

Прочитав название книги, читатель может подумать, что перед ним историческая повесть, что повествует она о временах давно минувших. Но события происходят сегодня. Семиклассник Кир считает, что и в наше время «матриархат» процветает. Дома всем заправляет мама, в школе — учительница, вожатая, в классе верховодят девчонки. Кир решает покончить с «матриархатом». Что из этого вышло, вы узнаете, прочитав эту озорную, веселую повесть.

4803010200—143
М ————— 80—85
М307(05)—85

ББК84 Бел 7
Бел 2

© Издательство «Юнацтва», 1985.

Часть первая. КИР

НЕОБЫЧНАЯ ПРОЦЕССИЯ

Внезапно я почувствовал, как почва уходит у меня из-под ног. Всего лишь минуту назад я прочно стоял на земле, восторженно глядел в глаза Наташи, держал в своих руках ее руки...

Как вдруг ощутил — с почвой творится что-то неладное. Почва уходила у меня из-под ног. Да что там уходила — почва убегала, ускользала. И не успел я толком ничего сообразить, как в то же мгновение очутился на земле.

Надо мной склонилась Наташа. В длинном до пят белом платье, в широкополой шляпе с голубой лентой она была прекрасна.

Я торопливо поднялся и протянул Наташе руки. Но сегодня почва явно не хотела держать меня. Не успев моргнуть, я вновь грохнулся на землю, задрав вверх ноги в начищенных до блеска ботинках.

Невольно я зажмурил глаза, а когда открыл, то вместо Наташи увидел ее братца, похожего на сестру как две капли воды. Сунув руки в карманы джинсов, он нагло смеялся.

Я вскочил на ноги и бросился на своего обидчика.

Но ему вновь удалось спастись от моей справедливой мести, потому что я проснулся...

Семь дней, вернее, семь ночей подряд мне снится один и тот же сон. Да, с той самой поры, как в нашем классе появилась Наташа.

Как прекрасно сон начинается, и какой ужасный у него конец.

Честно признаюсь, что я обожаю сны. Ведь сны — это кино, которое можно смотреть лежа, с закрытыми глазами и задаром. Да к тому же не просто кино, а какое мне хочется.

По-видимому, догадываясь о моем к ним расположении, сны нередко навещали меня и забирались под подушку.

Разумеется, во всех снах я выглядел богатырем и героем. Едва завидев меня, в панике разбегались разбойники и жулики, а девчонки засыпали меня с головы до ног цветами.

И вот на тебе — такой обидный сон! И главное, ничего общего не имеющий с правдой. Я говорю про то, как у меня из-под ног уходила почва.

Но что сон означает? Может, Саня знает?

На перемене я сбивчиво попытался рассказать, что мне снится семь ночей подряд. Не дослушав до конца, мой друг прервал меня:

— Погоняешь целый день, как я, мяч, ничего снится не будет.

С мячом под мышкой Саня отправился во двор. Мой друг, как он сам говорит, без пяти минут профессионал. Саня тренируется на стадионе «Динамо» у своего папы, в прошлом популярного футболиста. И каждую свободную минуту отдает футболу.

Все ясно — Сане не до меня и вообще не до того, что у нас происходит.

Но кто мне поможет разгадать сон? Говорят, девчонки доки по части снов. Для девчонок никаких загадок не существует.

С девчонками в нашем классе я всегда ладил. Честно говоря, они были моими лучшими друзьями. Кроме Сани, понятно. Наверное, девчонки меня и за мальчишку не считали. Они поверяли мне свои тайны, а я носил их сумки. Я всегда советовался с девчонками и поступал так, как они хотели.

А в Ляльку я был по уши влюблен. Всего лишь семь дней назад до того, как в нашем классе появилась Наташа. В этом не было ничего удивительного. Все мальчишки нашего класса были влюблены в Ляльку и вились вокруг нее на каждой перемене.

— Ляля, девочки, — спросил я у Ляльки и у двух ее закадычных подруг Светы и Аллы, — а вы сны умеете разгадывать?

— А кто тебе снится? — строго, вопросом на вопрос ответила Лялька, бросив быстрый взгляд на Наташу.

Я поразился — Лялька мгновенно разгадала мой сон. Неужели у меня на лице все написано?

— Не кто, а что — отшутился я, — да так, всякая чепуха, не стоит занимать ваше просвещенное внимание.

А может, у Наташи спросить, что означает сон. Вот так взять и спросить напрямик:

— Почему ты мне снишься?

Впрочем, почему Наташа мне снится, я догадываюсь. И вообще, нельзя вот так с бухты-барахты огорошить человека вопросом.

— Тебе сны снятся? — остановив Наташу, начал я издалека.

— Такой ерундой не занимаюсь, — фыркнула Наташа.

— А мне снятся, — с неожиданным вызовом произнес я.

— Ты что — девчонка? — в зеленых глазах Наташи появилась насмешка. — Сны снятся только девчонкам.

Ее ответ сразил меня наповал, и я не решился больше задавать вопросы. На следующей переменке то ли повалил снег, то ли пошел дождь. В общем, была нормальная весенняя погода.

Во двор никого не тянуло, и все мальчишки и девчонки толпились в коридоре, отчего шум стоял невообразимый.

Внезапно наступила оглушительная тишина. Я обернулся и ахнул — по коридору двигалась необычная процессия.

Впереди стремительно шагала Калерия Васильевна, наша классная. Щеки ее были в красных пятнах. Как сказали бы в старину, лицо Калерии Васильевны пылало от праведного гнева.

Рядом с классной, но всем своим видом демонстрируя, что она идет сама и ни в коем случае ее никто не ведет и, более того, она никому и никогда не позволит себя вести, шла Наташа. За ней, опустив головы, плелись Света и Алла.

Это я сейчас вспоминаю, кто за кем шел, а тогда я видел одну лишь Наташу. Мне казалось, что по коридору шла не моя одноклассница, а с гордо поднятой головой шествовала королева, а Света и Алла верноподобно несли ее шлейф и вообще выглядели сопровождающими Наташу лицами. Все, кто был в коридоре, склонились в почтительном поклоне.

Но тут до моего уха долетело:

— Калерия засекла девчонок!

— Дымили в туалете!

— Девчонки? Не свисти.

Я очнулся, и видение сразу исчезло. Моим глазам предстала суровая реальность — по коридору шла Наташа, и вели ее, скорее всего, в учительскую.

— Ты видел? — я дернул за рукав Саню.

— Влип! — неодобрительно поморщился Саня. — Тоже мне придумала — курить!

Как истый спортсмен, Саня сам не курил и презирал тех, кто курит.

А между тем Наташа и сопровождающие ее лица исчезли в учительской.

— Ее же могут исключить из школы, — я испугался за Наташу.

— Ничего страшного, — утешил меня Саня, — увидишь ее во дворе.

Это была правда. Наташа не только училась с нами в одном классе, но и жила в одном доме. Жила очень давно — целых семь дней.

Мой друг с огорчением похлопал по мячу — что там ни говори, а переменка пролетела впустую.

— Пошли в класс, — повернулся ко мне Саня.

Я не сдвинулся с места.

— Ты чего? — не отставал Саня.

У меня пересохло в горле, и я лишь покачал головой.

Саня поглядел на дверь учительской и пожал плечами. Мол, из-за такого пустяка не стоит пропускать урок. Вот если бы это был матч, тогда другое дело.

Мой друг ушел, а я все еще стоял как столб.

Произошла ужасная ошибка! Наташа не виновата. Чтобы такая девочка и курила! Кто-то на нее возвел напраслину. Нет никаких сомнений — Наташу оклеветали. Ее надо спасать, а не раздумывать.

Слома голову я кинулся по коридору. Распахнул дверь учительской и замер на пороге.

Посреди учительской стояли девчонки. Наташа с невозмутимым видом глядела в окно, словно все происходящее здесь не имело к ней ровным счетом никакого отношения.

Зато у сопровождающих ее лиц вид был довольно кислый — они чувствовали, что им попадет по первое число.

Калерия Васильевна, по-видимому, только что завершила свое повествование о том, как она застала девчонок на месте преступления.

Меня заметила Елизавета Петровна, наш директор.

— Вот хорошо, что староста пришел.

В нашем классе всем верховодили девчонки, и они предложили Калерии Васильевне назначить меня старостой.

Я тут же встал горой за девчонок. Сперва сбивчиво, а потом все увереннее стал говорить, что, наверное, произошло недоразумение, так как в нашем классе ни один мальчишка не берет в рот эту гадость — сигареты, даже запаха их не выносит, а уж про девчонок и вовсе не может быть речи.

Слыша мои слова, ожили повесившие было нос Света и Алла. А Наташа глянула на меня с нескрываемой насмешкой, и я замолк на полуслове, как телевизор, выключенный неожиданным нажатием кнопки.

— Кирилл, — обиделась классная, — ты хочешь сказать, что я обманываю? А вот это что, по-твоему?

Калерия Васильевна показала на распечатанную пачку сигарет, лежавшую на столе.

— Я никого не просила меня защищать, — резко сказала Наташа. — Я сама себя сумею защитить... Да, я курила и их уговаривала.

Наташа показала на Свету и Аллу. Девчонки опустили головы.

— Но они не поддались моим уговорам, — продолжала Наташа, — и даже ни разу не затынулись. Они ни в чем не виноваты, и вы их можете отпустить.

Света и Алла с облегчением перевели дух.

Ну и Наташа! Я был уверен, что Света и Алла дымили вместе с ней, а Наташа их выгораживает и берет всю вину на себя. Как же теперь я могу ее защищать, если она сама выбила у меня последний козырь?

Прозвенел звонок. Доселе молчавшие учительницы поднялись, чтобы идти в классы. И каждая, проходя мимо Наташи, считала своим долгом сказать несколько слов о девочке.

— Курение — это последняя капля, — первой начала учительница химии, — Наташа совершенно не работает на уроках...

— Учится еле-еле, — подхватила учительница английского.

— Забывает дома тетради...

— Дерзит учителям...

— Ведет себя вызывающе...

Я все ниже склонялся под тяжестью обвинений, которые обрушивались на Наташу. Мне казалось, что они должны раздавить девочку. Я поднял глаза — а Наташе хоть бы хны! Стоит и улыбается. Завидное спокойствие.

Да, теперь она пропала. Сейчас ей никто и ничто не поможет.

— Как видишь, Кирилл, — вздохнула Елизавета Петровна, — никакого недоразумения нет.

На свете есть лишь один человек, который может спасти Наташу. И этот человек — я. Но и я не знаю, как ей помочь.

Света и Алла переминались с ноги на ногу.

— На первый раз я вас прощаю, — сказала им Елизавета Петровна, — идите в класс... И ты, Кирилл, иди.

Свету и Аллу не надо было долго упрашивать — они в одно мгновение испарились из учительской.

А я не шелохнулся. Я не мог оставить Наташу одну.

— Кирилл, ты не слышал, что я сказала? — спросила Елизавета Петровна.

— Я пойду вместе с Наташей, — твердо сказал я.

Неужели это я говорю? Вот не ожидал от себя такого упрямства.

Впервые Наташа бросила на меня милостивый и любопытный взгляд. Директор и классная переглянулись.

— Нет, Кирилл, Наташа останется,— сказала Елизавета Петровна,— у нас есть еще о чем поговорить с ней.

Я нехотя пошел к выходу, но у двери обернулся.

— Да не бойся,— рассмеялась Елизавета Петровна,— не съедем мы Наташу.

Я почувствовал, что краснею с головы до пят, и выскочил в коридор.

Машинально я сделал несколько шагов по направлению к своему классу, но остановился. Нет, не могу я Наташу оставить одну в беде. Она хорохорится, но я же вижу, я чувствую, как ей плохо!

Ладно, так и быть — пропущу раз в жизни урок. У меня нет иного выхода.

Страх на цыпочках прошелся у меня между лопаток. Что скажут учительницы? Лучший ученик 7 «Б», гордость школы Кирилл Романовский — и прогулял целый урок.

Но я махнул рукой на свои страхи. Ради Наташи на что не пойдешь!

От нетерпения я мерял шагами коридор, правда, не теряя из виду учительскую. В любую минуту по первому знаку Наташи я готов был броситься ей на помощь.

Может, поэтому я не заметил, как появился этот человек. Увидел я его лишь тогда, когда он обратился ко мне с вопросом. Вернее, спросил, не глядя на меня, но поскольку в коридоре никого не было, я справедливо рассудил, что вопрос задан мне.

— Где учительская?

Вот что интересовало высокого, с черной бородой, в кожаном пиджаке человека.

— Пожалуйста, пройдите прямо, потом налево и по правой стороне вторая дверь, это и есть учительская,— подробно и вежливо растолковал я.

Несколько секунд он стоял неподвижно, переваривая услышанное. Мне почудилось, что у него сейчас зажжется лампочка и ровным железным голосом робота он произнесет: «Благодарю за информацию».

Но лампочка не зажглась, и человек зашагал туда, куда я ему указал. А мне не сказал ни здарсьте, ни до свидания, ни спасибо. В отличие от робота его не научили говорить: «Благодарю за информацию». А может, он очень занятой человек, и у него просто нет времени на какие-то лишние слова. Узнал все, что было ему необходимо, и ушел.

Что-то в суровых чертах его лица было мне знакомо, хотя я твердо знал, что никогда прежде его не видел. И только, когда он скрылся в учительской, меня осенило — это отец Наташи. Дочка неуловимо похожа на своего отца, хотя сходства вроде мало, — у Наташи каштановые волосы и зеленые глаза.

По коридору шла женщина и, близоруко щурясь, разглядывала таблички на дверях. Когда она приблизилась ко мне, я увидел, что она совсем маленькая — мне по плечо.

— Здравствуйте,— произнесла женщина и вся засветилась от радости.— Скажите, пожалуйста, а где учительская?

Я молча показал рукой, мол, идите прямо, а потом сверните налево. Женщина, наверное, удивилась, что я так негостеприимно ее встречаю, но вежливо сказала:

— Спасибо.

— Пожалуйста,— буркнул я.

И лишь когда женщина направилась к учительской, я опомнился — это же Наташина мама. Те же каштановые волосы и загадочные зеленые глаза.

Удивительное существо Наташа — похожа сразу и на папу и на маму.

Вероятно, наши учительницы решили, что сами с Наташей не совладают, и позвали на подмогу тяжелую артиллерию — родителей.

Значит, тем более нельзя оставлять одну Наташу. Пока я обо всем об этом размышлял, ноги сами принесли меня к учительской.

За дверью слышался голос Елизаветы Петровны, прерываемый раскатами мужского хохота. Смеялся, естественно, Наташин отец. Любопытно, что там такое забавное рассказывает Елизавета Петровна?

Я отворил дверь и тихонько вошел. Все внимательно слушали директора, поэтому меня никто не заметил, и я мог оглядеться. Вроде бы ничего не изменилось с тех пор, как я здесь не был. Наташа по-прежнему стояла посреди учительской, но поглядывала на всех уже с видом превосходства.

— За семь дней,— закончила свою тираду Елизавета Петровна,— что Наташа учится в нашей школе, она натворила столько, сколько другой не удастся за семь лет.

— И вообще,— добавила Калерия Васильевна,— Наташа ведет себя, как мальчишка.

Тут Наташин отец захохотал неудержимо. Было такое ощущение, что сегодня самый счастливый день в его жизни, что наконец исполнилась его заветная мечта. А ведь Наташиного отца вызвали к директору, чтобы сообщить о безобразном поведении его дочери.

А Наташина мама? Она не смела поднять глаза на учительниц.

— Мы сделаем все, что в наших силах,— неуверенно пообещала Наташина мама.

— Да, да,— ради приличия отец оборвал смех,— мы примем меры.

А сам подмигнул дочке, мол, не трусь, я тебя в обиду не дам. Наташа поймала его взгляд и счастливо улыбнулась.

— Кирилл, почему ты не на уроке? — меня заметила Елизавета Петровна.

— Людмила Ивановна спрашивает, когда Наташа придет в класс, — на ходу сочинил я. — Она начинает объяснять новый материал.

Я, в общем, приврал самую малость. Я был уверен, что Людмила Ивановна, которая вела у нас географию и чей урок я сейчас прогуливал, и вправду беспокоилась, где бродят два ее ученика.

Все воззрились на меня. Наташин отец помигал глазами (так и хотел сказать — лампочками) и все-таки вспомнил, что мы встречались с ним в коридоре. И Наташина мама узнала меня и лишь печально улыбнулась. Мне показалось, что я стою на сцене под лучами прожекторов, и я почувствовал, что весь пылаю.

— Хорошо, — решила Елизавета Петровна, — Наташа, Кирилл, идите в класс.

Когда мы очутились в коридоре, я сочувственно произнес: — Самое трудное позади.

Наташа смирила меня насмешливым взглядом и, ничего не сказав, быстро пошла. Я должен был прибавить шагу, чтобы догнать ее. А когда настиг, убедился, что я ей всего лишь по плечо, сбился с ноги и уныло поплелся следом за Наташей. Что за несправедливость? Стоило целый час ждать, чтобы вместо благодарности тебя смирили насмешливым взглядом? Кстати, до меня только сейчас дошло, что это такое — смерить взглядом. Это значит — посмотреть на тебя сверху вниз, от макушки до пят, чтобы удостовериться, существуешь ли ты на свете. И еще это значит — окатить тебя холодной водой, опять-таки — от макушки до пят.

Но вдруг в моей душе зазвучала музыка, и сразу все переменялось. Мне казалось, что я шел рядом с Наташей, мы держались за руки, и вообще я был на седьмом небе от счастья, и мне совершенно не хотелось оттуда слезать.

Но — пришлось. Потому что мы вошли в класс.

ПАПЕНЬКИН СЫНОЧЕК

Последнее время меня не оторвать от зеркала. Верчусь возле него, как девчонка. Могу часами глядеться в зеркало, правда, если никого нет дома.

Раньше, чем больше я гляделся в зеркало, тем больше сам себе нравился. Я строил перед зеркалом рожи и воображал себя то знаменитым певцом, то популярным футболистом.

Сегодня я посмотрел на себя всего лишь минуту и тут же отвернулся. До чего малосимпатичная упитанная физиономия, а еще очки, а еще длинные, вьющиеся, как у девчонки, волосы.

Просто удивительно, как я мог совсем недавно сам себе нравиться.

Другие мальчишки, и особенно девчонки, под благодатным дождем акселерации растут не по дням, а по часам, стремительно тянутся вверх, перегоняя телеграфные столбы и пожарные каланчи. На меня акселерация действовала странным образом — я рос в ширину.

Как говорят, с такой внешностью было весьма опрометчиво рассчитывать, что Наташа обратит на меня внимание. Девчонкам нравятся высокие и стройные мальчишки.

Я вспомнил, как дважды бросался очертя голову на помощь Наташе, и поразился — неужели это я? Я сам себя не узнавал.

Я тихий, послушный, учусь на одни пятерки. Мама и папа не нарадуются на меня, потому что я приношу им одни радости и ни одного огорчения. Я не гоняю допоздна невесть где на улице, а смиренно сижу в кресле и читаю книгу.

Таких, как я, обычно называют маменькими сыночками. Но это неправда, я — папенькин сыночек.

Не подумайте, пожалуйста, что у меня нет мамы. Ничего подобного — у меня самая умная, самая красивая, самая лучшая в мире мама. Вот только я редко ее вижу. Потому что моя мама чрезвычайно занятой человек. Она — ученый, биолог, и пропадает в своей лаборатории допоздна.

Поэтому моим воспитанием занялся папа. Мой папа — театральный критик. Он работает по вечерам — смотрит спектакли в театрах. А по утрам он стучит на машинке рецензии на эти самые спектакли. А еще папа выступает по телевизору и тоже рассказывает о театре. Последнее время его физиономия все чаще появляется на голубом экране.

Мой папа в одно мгновение стал чрезвычайно популярным. Его узнавали на улицах, в магазинах, оборачивались в его сторону, шептались, показывали на папу пальцем.

Папе льстило, что он стал знаменитым человеком. В молодости папа был актером, сыграл Ромео, мечтал об успехе, о славе. Успех был, но в единственном числе. На одном спектакле папу увидела мама. И мама полюбила папу, а папа полюбил маму. Это, конечно, было до моего рождения.

Короче говоря, днем папа обычно обитал дома. И волей-неволей он вынужден был готовить обеды. Ведь мама возвращалась домой поздно и без задних ног, то есть совершенно усталая, да еще в выходные умудрялась ставить опыты. А поскольку папа ничего не делал наполовину, он проштудировал десятки книг о вкусной и здоровой пище и вскоре стал искусным кулинаром. И такие обеды готовил, что пальчики оближешь.

Вот и сегодня папа встретил меня в мамином переднике — голубые цветочки по желтому полю.

— Все, разговоры потом, — предостерегающе поднял руку папа, хотя я и рта не раскрывал, — сперва — трапеза.

Я помыл руки и сел за стол. Папа не любил, когда прием пищи назывался слишком просто — поесть, пообедать, перекусить, или, хуже того, — перехватить, заморить червячка. Для папы каждый обед был священнодействием.

Все разговоры за столом были категорически запрещены, и потому обед обыкновенно проходил в молчании. Разрешалось, правда, восторгаться папиными блюдами, но и тут были дозволены лишь междометия и восклицания. Сам папа не обедал, а только пил кофе.

— Папа, сегодня ты превзошел себя, — похвалил я папу, когда обед окончился.

Как истинный талант, папа был скромн. Он застенчиво потупил глаза.

— А теперь можно поговорить, — оживился папа. — О чем ты хотел меня спросить?

И я рассказал папе о сне, который не дает мне покоя целых семь дней. Папа страшно обрадовался, услышав мою исповедь, и заговорил стихами:

— Пора пришла, она влюбилась.

А потом добавил уже прозой:

— Это прекрасно, сын мой!

Мой папа был весь напичкан цитатами. На всякий случай жизни у него было наготове мудрое изречение, стих или сентенция. Сейчас ему, наверное, просто не подвернулась подходящая цитата. Вот почему в стихах было слово «она», хотя речь шла обо мне.

— А почему почва уходит у меня из-под ног? — спросил я, неудовлетворенный папиным толкованием моего сна.

— А ты считал, что путь к счастью усыпан розами? — воскликнул папа. — Нет, за любовь надо сражаться.

Папа, как всегда, был прав. Но чего-то в его словах мне не хватало. Я решил — поговорю с мамой.

Мне повезло — мама пришла сегодня раньше обычного.

— Кир, пора обедать! — позвал меня папа.

Какой кошмар — снова обедать. Папа и так меня раскормил. Но нельзя маму огорчать.

В прихожей папа снимал у мамы пальто и при этом исполнял некий ритуальный танец. Так, должно быть, отплясывают индейцы Огненной Земли, радуясь, что после долгой разлуки вновь увидели лица своих родных. Но папа не только танцевал вокруг мамы — под слышимую одному ему музыку приговаривал речитативом:

— Устала, мамуся? Не говори ни слова! Я все вижу, устала дьявольски! Сейчас я тебя покормлю, а потом отдохнешь, и все будет отлично...

Я подхожу к маме поздороваться. Мама запечатлевает на моем челе поцелуй и виновато улыбается, словно просит прощения, что у нее нет сил вымолвить хоть слово — так она, бедная, устала.

Папа расставил тарелки, нарезал хлеб. Мама села за стол, помешала ложкой суп и, наконец, произнесла первые за сегодняшний вечер слова:

— Газеты есть?

— Одну минуточку, — папа сорвался с места, метнулся в комнату и вернулся с кипой свежих газет и журналов. Наша семья выписывала их целую уйму.

Между прочим, мама была единственным человеком в нашем доме, кому разрешалось за обедом разговаривать. Вернее, мама просто не знала, что во время трапезы должна царить тишина.

Мама развернула газету, которая лежала сверху, и, глядя в нее, медленно понесла ложку ко рту. Затаив дыхание, мы с папой следили за необыкновенным полетом ложки. Вот ложка благополучно прибыла к месту назначения, не пролив по пути ни капли драгоценной влаги.

Мы с папой облегченно вздохнули и усиленно заработали ложками.

Мама вновь зачерпнула ложку, и мы с папой замерли. И на этот раз все обошлось, и третий раз, и четвертый... Что ни говори, а у мамы был большой опыт. Без газет мама никогда не обедала. На их чтение у мамы просто не было иного времени.

Наконец мама расправилась с супом и принялась за второе. Одновременно мама дочитала одну газету и взялась за другую. На мгновение мама оторвалась от газетной страницы и спросила у папы:

— Как дела дома?

— Отлично, — бодро ответил папа.

Четкий и быстрый ответ подействовал на маму успокаивающе. Она снова уткнулась в газету.

Мы с папой переглянулись. Папа соорудил потешную рожицу. Кажется, пронесло.

Мама быстро прочитала газету и обратила на меня внимание:

— Как дела в школе?

— Нормально, — не задумываясь, ответил я.

Вместо того чтобы снова уткнуться в газету, мама сосредоточенно глядела на меня, точно впервые видела.

— Что-то сегодня ты плохо выглядишь, бледный, похудел, — мама повернулась к папе за разъяснениями. — Как ребенок питается?

Папа беспокойно заерзал на стуле. Когда мама задавала ему подобный вопрос, папа чувствовал себя школьником, которому приходится отвечать за то, что натворил не он сам, а другой.

Папа бросал на меня умоляющие взгляды о помощи. И я кинул ему спасательный круг.

— Я хорошо ем,— ответил я с полным ртом.

Ну, действительно, куда лучше — два обеда за день!

— Ребенок получает полноценное питание,— папа вновь обрел потерянный было дар речи.

Теперь мама услышала то, что хотела, но сомнения не оставляют ее.

— Но он все-таки бледноват...

— Весна,— легкомысленно ответил папа.

Мы пообедали и перешли в большую комнату. Мама вновь принялась за чтение газет и журналов, а мы с папой последовали ее примеру — взяли в руки книги.

Я сегодня был сам не свой, и мне совершенно не читалось, а поэтому я поглядывал на родителей.

Мама просматривала одну газету за другой, но по лицу ее нельзя было догадаться, нравится ей то, что написано, или нет.

Я не знал, какую книгу читал папа, но лицо его, словно голубой экран, рассказывало обо всем. Вот папа опечалился — наверное, герой попал в переделку. А вот папа просиял — значит, герой выпутался из чертовски затруднительного положения. А вот папа беззвучно захохотал, слезы потекли из его глаз — судя по всему, герой отмочил ужасно смешную шутку. Сомнений быть не может, папа читает «Трех мушкетеров».

Но когда папа поднял книгу повыше, я, наконец, узрел, что его так веселит и печалит — это была «Книга о вкусной и здоровой пище».

Мама отложила в сторону последнюю газету и спросила у папы:

— А что, спектакль и вправду так плох, как ты о нем пишешь?

Папа радостно пунсовеет — мама заметила в ворохе газет его рецензию и даже прочла ее.

— В одном акте пересолили, в другом недосолили, а всему спектаклю не хватает остроты, перца,— объяснил папа, а я совершенно не мог понять, о чем он говорил — то ли про обед, который нам приготовил, то ли про спектакль, на который он написал рецензию.

— В общем,— заключил папа,— испортили хорошие продукты, то есть хорошую пьесу.

— Все это очень интересно,— согласилась мама,— но, похожему, ты не рационально используешь свои способности.

Папа виновато улыбнулся.

— Вместо того чтобы писать свои...

Мама сделала паузу. Папа не сводил глаз с мамы — как она обзовет его творения?

— ...статейки,— мама наконец нашла обидное слово, и папа застонал, как от зубной боли.

— Если бы ты бросил писать свои рецензии, — на ходу исправилась мама, — а также прекратил легкомысленные выступления по телевидению, ты бы давно мог сделать диссертацию. Была бы польза и людям и тебе.

— Ма-а-мо-о-чка! — капризно надув губы, протянул папа. — Ты делаешь уже вторую диссертацию. Неужели не хватит двух диссертаций на одну семью?

Моя мама очень хочет, чтобы мой папа занялся серьезным делом. Хотя бы таким, каким занимается она.

— Ну хорошо, не хочешь диссертацию, напиши книгу. Книга — это солидно, — не отставала мама.

Папа съежился в кресле, он хотел, чтобы его вовсе не было видно.

Моя мама очень любит папу, но так глубоко прячет свои чувства, что папа, наверное, о них и не догадывается.

— Мама, — прервал я проходящую в дружеской обстановке беседу родителей, — можно я попечатаю на твоей машинке?

— Нельзя, — покачала головой мама, — я еще немного отдохну и сама сяду за машинку.

— Бери мою, — охотно предложил папа, благодарный, что я вовремя пришел к нему на выручку.

— А что ты собираешься печатать? — спросила мама.

— Сочинение, — неопределенно ответил я.

— По-моему, сочинение пишут ручкой, — высказала сомнение мама.

— Когда это было? При царе Горохе! — папа встал за меня горой. — Сейчас домашние сочинения печатают только на машинке.

Мама пожала плечами, но спорить больше не стала, а раскрыла журнал.

В нашем доме было две машинки — папина и мамина, и каждая имела свой характер.

Мамина машинка стучала ровно, без пауз, делая остановки лишь для того, чтобы мама могла поменять лист бумаги.

Папина машинка начинала робко, неуверенно, а потом замолкала, и я знал, что папа или меряет шагами комнату, или лежит на тахте, глядя в потолок. И вдруг машинка оживала, начинала лихорадочно, взхлеб стучать. Значит, папу посетило вдохновение. В такие минуты к нему не рекомендовалось совать нос, а то папа мог бы его откусить.

А потом у папиной машинки пропадал голос, и она замолкала на день, два, а то и больше. Вероятно, вдохновение перепутало адрес и не могло найти папу. Но это длилось недолго. Вдохновение вновь посещало папу, и тогда машинка стучала азартно и весело.

Я пошел в папин кабинет и сел за машинку. Конечно, я и не думал печатать сочинение. Я хотел напечатать письмо Наташе.

Мне почему-то казалось, если я напишу ей от руки, она меня тут же разгадает. Хотя Наташа совершенно не знала моего почерка. Она и меня, если говорить откровенно, не замечала.

Характер папиной машинки передался и мне. Я стал колебаться.

Вообще, со мной сегодня творилось что-то неладное. Да разве только сегодня? Все семь дней, как в нашем доме появилась Наташа. Я говорил одно, а делал другое.

Еще минуту назад я не собирался печатать Наташе письмо. С какой нескладицей? Она на меня ноль внимания, а я ей письмо. Но внутренний голос твердил мне: «Напиши ей, вспомни, как тяжело ей было сегодня».

И я, повинувшись своему внутреннему голосу, застучал на машинке. И вот что у меня вышло.

«Ты мне понравилась в ту же минуту, как я тебя увидел. И с тех пор (уже целых семь дней!) я только о тебе и думаю. Ты ко мне являешься даже во сне. Значит, я вижу тебя и днем и ночью. Поэтому я самый счастливый человек.

Тебе было сегодня нелегко. Но ты держался мужественно. Я восхищался тобой. Знай, у тебя есть верный друг. В трудную минуту ты можешь на него, то есть на меня, опереться».

Я перечитал свое послание, исправил ошибки и запечатал конверт. Потом спустился вниз и бросил письмо в Наташин почтовый ящик.

А вскоре разразилась гроза — пришел Наташин отец.

ПЕРЕХВАЧЕННОЕ ПИСЬМО

Я неточно выразился. Наташин отец не пришел, а ворвался в нашу квартиру, сметая все на своем пути.

Собственно, на его пути был один мой папа.

Папа вертелся у зеркала, примеряя новый галстук-бабочку. Хотя папа чуть ли не ежевечерне отправлялся в театр, все равно каждый поход в храм искусства был для него праздником, и потому папа облачался соответственно этому торжественному событию.

Папа посмотрел на себя в зеркало и остался собой доволен. Потому что вполголоса замурлыкал легкомысленную песенку Герцога из оперы «Риголетто»: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая...»

Поскольку мой папа был влюблен в мою маму, я понял, он надеется, что мама к нему переменится, и у нас снова все будет хорошо. А вполголоса папа мурлыкал потому, что не хотел мешать маме, которая сидела за своей машинкой.

А я сидел за уроками. Правда, сегодня ничего не лезло мне в голову. Я представлял, как Наташа распечатывает конверт. Письмо приводит ее в восторг. Ей ужасно хочется узнать, кто его написал, но послание не подписано. Наташа терзается в до-

гадках. Ей ни за что не докопаться, что я написал письмо. А тогда зачем было огород городить, то есть отправлять ей послание. Ведь я хотел, чтобы она узнала обо мне.

И в это время раздался нетерпеливый звонок. Чувствовалось, что тот, кто стоит за дверью, вовсе не намерен ждать, пока папа причешет остатки своих некогда пышных кудрей.

А я сразу похолодел. Вероятно, седьмой, неизвестный еще науке орган чувств подсказал мне: «Это по твою душу».

— А где Ромео? — раздался знакомый голос.

Я выглянул из комнаты. Это был действительно Наташин отец. Он потрясал перед носом моего папы распечатанным письмом. Я узнал конверт — это было мое письмо. Но каким образом оно оказалось в руках Наташиного отца? Неужели Наташа сама отдала? Нет, ни за что не поверю.

— Добрый вечер, может, вы объясните причину вашего визита, — с изысканной вежливостью произнес мой папа, и только тот, кто его хорошо, вроде меня, знал, мог догадаться, что папа едва сдерживает гнев.

— Добрый вечер, — вынужден был поздороваться Наташин отец, и глаза его зажглись — он увидел меня. — А, вот и Ромео. Между прочим, я вычислил, что это твоя работа.

— Простите, — мой папа был недоволен, что его бесцеремонно оттерли в собственной квартире, но законы гостеприимства были для него превыше всего, — простите, я не понял, кто вам нужен?

— Автор этого душещипательного романса, этого стихотворения в прозе, — Наташин отец поднял вверх разорванный в спешке конверт. — То есть ваш сын. Вот тут черным по белому напечатано, кто автор и где он живет.

Ну и растяпа я! Нарочно печатал на машинке, чтобы Наташа не узнала меня, а сам взял и на конверте, там, где ставится адрес отправителя, напечатал всю правду — и как меня зовут, и где я живу. Теперь понятно, почему Наташин отец так быстро меня разыскал. Но зачем Наташа отдала ему письмо? Неужели она ни во что меня не ставит, неужели я для нее нуль без палочки?

Между тем мой папа взял письмо, пробежал его глазами.

— Кир, это ты писал?

Я молча кивнул.

— Какой слог! — восхитился папа, перечитывая письмо. — Кир, твоей рукой водило вдохновение!

Наташин отец выхватил у моего папы письмо и потряс им уже перед моим носом.

— Я запрещаю тебе писать моей дочери и забивать ей голову всякой сентиментальной ерундой.

Я бросился, чтобы вырвать у него письмо. Но он был начеку и поднял руку с разорванным конвертом вверх, так, что я не мог достать.

— Вы не можете мне запретить писать вашей дочери,— с удивлением услышал я свой дрожащий от волнения голос.— Хочу и буду.

— Как у вас оказалось письмо, адресованное вашей дочери?

На поле боя появилась моя мама.

— Проще простого,— невозмутимо ответил Наташин отец.— Я увидел в почтовом ящике письмо, распечатал его, и вот я здесь.

— Значит, ваша дочь письма не видела и даже не знает, что оно ей отправлено? — моя мама любила точность, хотя и я и она уже догадались, что до Наташи письмо не дошло.

Затаив дыхание, мы с папой следили за их перепалкой.

— Не хватало еще, чтобы она его увидела,— ухмыльнулся в бороду Наташин отец.

Мама протянула руку, недвусмысленно требуя, чтобы Наташин отец отдал письмо. Наташин отец покорно вернул распечатанный конверт. А мама отдала письмо мне и тем самым восстановила справедливость. Ведь если письмо не попадает тому, кому оно написано, значит, оно должно оставаться у того, кто его написал.

— А сейчас потрудитесь оставить дом, куда вы явились незванным гостем,— мама глядела прямо в глаза Наташину отцу.

Мой папа подбежал к двери и картинно распахнул ее.

— Ну смотри, Ромео, еще одно письмо увижу, руки-ноги оторву и спички вставлю.

Наташин отец повернулся и пошел к выходу.

— Ну и награди! управдом соседом — питекантроп, пещерный житель.

Папа захлопнул за Наташиным отцом дверь, подлетел к маме и бухнулся перед ней на колени.

— Ма-а-ть! Ты была великолепна! Как Ермолова в роли Марии Стюарт!

— Ну что ты, встань! — мама зарделась, как девчонка.— Значит, это наш новый сосед? Но у него, по-моему, мальчик. Я видела его в джинсах, с боксерскими перчатками.

— У него девочка,— папа в одно мгновение очутился на ногах.— Угловатая, похожая на мальчишку. Очаровательное существо.

— У него и мальчик и девочка,— подал я голос.

Папа повернулся ко мне. В его глазах появился странный блеск, и папу неудержимо понесло:

— Страшный людоед заточил в замке красавицу, держит ее взаперти, на хлебе и воде, но отважный рыцарь,— папа положил мне на плечо руку, словно благословляя на подвиг,— преодолел все преграды и вырвал красавицу из лап людоеда...

Кир,— вострепнулся папа,— доверь мне свое письмо, клянусь тебе, я доставлю его ей, чтобы это мне ни стоило.

— Кирюша сам решит, что ему делать,— прервала мама папин монолог.

— Была бы честь предложена,— папа обиженно пожал плечами.

— По-моему, ты опаздываешь в театр,— уже мягче напомнила мама.

— Как сказал Шекспир, жизнь — театр, и все люди — актеры. Нутром чувствую, тут заваривается нечто настоящее.

Папа надел плащ, взял берет, поцеловал маму и пошел в театр.

— Ты вырос, а я и не заметила.

Мама виновато улыбнулась и пошла к своей машинке. А меня неудержимо потянуло на улицу.

— Мама, я пойду погуляю,— крикнул я и, схватив куртку, выскочил во двор.

Едва я очутился на улице, как сразу отыскал на седьмом этаже Наташино окно. Хотя в нем не горел свет, я почувствовал, как забилося у меня сердце. Я прикоснулся рукой — под моими пальцами зашуршала бумага. Я вынул письмо, которое так и не увидела сегодня Наташа. И когда она его увидит?

Под чьими-то ногами захрустел ледок. Я поспешно спрятал письмо в карман куртки.

Ко мне подошла женщина в лыжном костюме. Из-под вязаной шапочки выбивались седые коротко стриженные волосы. Во рту у нее торчала незажженная папироса.

Бабушка подняла голову и тоже посмотрела, как мне показалось, на Наташино окно.

— Спички у тебя есть? — ошарашила меня бабушка вопросом.

— Ну что вы! — искренне возмутился я. — Я не курю.

— Молодец,— похвалила меня бабушка и спросила: — Я, знаешь, что делаю, чтобы бросить курить?

— Что? — меня заинтересовала забавная бабушка.

— Не ношу с собой спичек,— выпалила бабушка и сообщила шепотом, точно по секрету: — Между прочим, она уехала с отцом на автомобиле.

— Кто? — Я сделал вид, что не понял, о ком говорит бабушка.

Бабушка глянула на часы и спохватилась:

— Ой, через пять минут передача начинается...

И бабушка припустила со всех ног через двор.

Любопытно, что за передача, ради которой бабушка забыла о спичках и так резво помчалась домой?

А потом мои мысли снова вернулись к Наташе. Что за ерунда получается? Никак мне не удастся встретиться с Наташей! Во сне мешает ее братец, а наяву — отец. Что делать?

Тут я заметил, что наш двор опустел. Наверное, все пошли глядеть ту самую телепередачу. Я заторопился домой.

Не сбрасывая куртки, я включил телевизор. Еще не появилось изображение, а я уже услышал родной голос — по телевизору выступал папа. А вот он и сам собственной персоной.

Папу не узнать — на нем нет маминого передника.

— Сделай тише, — услышал я голос мамы. — И вообще тебе пора ложиться спать.

Я уменьшил громкость. Папа зашептал:

— Любовь — это самое сильное человеческое чувство. Именно она, любовь, и делает человека человеком, в конце концов.

Да, ради такой передачи можно забросить все дела. Я придвинул кресло поближе к телевизору и стал слушать и смотреть папу. Вместе с миллионами телезрителей.

ПОВЕРЖЕННАЯ КОРОЛЕВА

Когда на следующий день я пришел в класс и увидел Наташу, то обрадовался и успокоился. Ну уж в школе мне никто не помешает с ней встречаться.

Но не тут-то было. На первой же перемене Наташу окружили мальчишки. После вчерашнего происшествия Наташа сразу стала популярной личностью. Забегали мальчишки и из других классов. Слава Наташи стала поистине общешкольной.

В общем, каждую перемену возле Наташи вились мальчишки. Наташа благосклонно принимала знаки внимания со стороны мужской половины класса, а женская половина ее просто не интересовала.

Я, естественно, оказался в женской половине, и меня Наташа вовсе не замечала. Я для нее был человеком-невидимкой.

Я очень хотел виться вокруг Наташи, но не вился. Потому что я хотел видеться с ней наедине, а не вместе с классом.

А тут еще меня взяли в оборот девчонки. Их разбирало любопытство. Судя по всему, из Светы и Аллы они вытянули всю информацию, какую можно было извлечь. Но она показалась девчонкам недостаточной. К Наташе они не осмеливались лезть с расспросами — знали, что получают от ворот поворот.

Значит, единственным источником информации оставался я. На перемене девчонки вцепились в меня, вытащили в коридор и, прижав к окошку, отрезали все пути к отступлению. Я попытался вырваться, но где там! Не знаю, как в других школах, но в нашем классе все девчонки как на подбор — на две-три головы выше мальчишек. Поэтому из-за девчонок меня и вовсе не было видно, и я не мог подать сигнал бедствия. Всякий, кто проходил по коридору, наверное, думал, что девчонки уединились и шушукаются, и никто не догадывался, что они меня допрашивают.

Правда, одна возможность удрать у меня все-таки была — сигануть в окошко. Но я вовремя вспомнил, что наш класс находится на третьем этаже, и предпочел отвечать на вопросы.

— Выкладывай, что там было, — кивнув головой на учительскую, строго спросила Лялька.

Как пишут в ученых книгах, Лялька была в нашем классе неформальным лидером у девочек, а если попросту — заводилой. К тому же совсем недавно вокруг нее вились мальчишки. Короче говоря, Лялька была королевой. Причем правящей. Я, хоть и считался старостой, никакой властью не обладал.

— Где? — я прикинулся непонятливым, чтобы выиграть время, потому что не знал, как выкручиваться.

— В учительской, — Лялька даже топнула ногой, от нетерпения ее лицо вдруг сделалось злым и некрасивым.

Неужели я когда-то был в нее влюблен и при том по уши? Это было сто лет тому назад, еще до появления Наташи. Вспомнив Наташу, я вновь обрел твердость духа.

— А я там не был, — ответил я.

— А где ты был? — словно с ножом к горлу, пристала ко мне Лялька.

— Я прогулял урок, — чистосердечно признался я.

— Ты, маменькин сыночек? — не поверила Лялька, а за ней и другие девочки. — Не ври! Врать стыдно!

— Я не вру, я говорю правду, — крикнул я.

Вероятно, за плотной стеной девочек мой крик прозвучал, как мышиный писк.

— Чтобы ты, пай-мальчик, и прогулял урок, такого быть не может, — не унималась Лялька. — Не виляй хвостом, отвечай, эту задачку собираются вытурить из школы?

Ах, вот оно что! Лялька увидела, что все мальчишки переметнулись к Наташе. Девочки пока держатся. Но Лялька сама была девочка и знала, как ненадежны ее подруги. И потому Лялька была бы рада избавиться любым способом от соперницы. Даже с помощью педсовета.

— В нашей школе, — произнес я директорским голосом, — просто так, за здорово живешь, ученицами не бросаются. Их, если надо, перевоспитывают.

Лялька почувствовала, что моими устами глаголет директор, то есть истина, и, фыркнув, удалилась. За ней потянулись Света, Алла и остальные девочки.

Я вздохнул с облегчением. Хотя понимал, что девочки мне этого не простят. Особенно Лялька.

Не успели девочки отойти, как меня взяли в плен мальчишки. Хотя мальчишки в нашем классе не были такими дылдами, как девочки, а некоторые вообще с меня ростом, однако одноклассников я боялся больше, чем одноклассниц. С девочками всегда можно договориться, на них слова действуют. К сожалению, у мальчишек самый весомый аргумент — кулак.

— Слушай, Наташка так и сказала, что она одна виновата? — мальчишки оказались более любопытными, чем девчонки. — Это правда?

— Правда, — подтвердил я.

— И ни на кого не валила, не выкручивалась?

Я покачал головой.

— Вот это по-мужски, — услышал я голос Сани.

Мальчишки расступились и пропустили моего друга. Теперь я спасен. Когда со мной Саня, меня никто и пальцем не тронет.

— Ну и девчонка! — восхищенно цокали мальчишки и один за другим исчезали.

Я благодарно посмотрел на Саню. От дальнейших расспросов я был избавлен.

— У тебя сегодня тренировка? — спросил я.

— Сегодня и ежедневно, — ответил Саня.

Мимо нас в окружении мальчишек прошла Наташа. Я проводил веселую компанию завистливым взглядом.

— А на сборы когда?

— Через две недели, — Саня даже не покосился на Наташу. — Билеты уже заказаны.

На некотором отдалении за мальчишками проследовала Лялька. Ну и ну! До чего унизилась королева! Бегает за мальчишками, словно обыкновенная девчонка.

— Счастливый, — протянул я. — Мы будем учиться, а ты станешь загорать на южном солнышке.

Через две недели Санин папа вез команду юниоров на Черное море, на сборы. Вместе с папой, естественно, летел и сын.

А на следующей перемене произошло событие, которое потрясло всю школу, и как ни удивительно, оказалось мне на руку.

Как и вчера, по коридору двигалась необычная процессия. Снова наша классная Калерия Васильевна вела нарушительницу покоя. На сей раз ею была Лялька.

На лице у нашей классной уже не было красных пятен — оно все пылало праведным гневом. А Лялька гордо шествовала рядом, не забывая, впрочем, стрелять глазами по сторонам — все ли мальчишки ее видят? Она добилась своего, в коридоре было полно мальчишек, и они провожали Ляльку взглядами, в которых недоумение смешивалось с восторгом.

Когда шествие исчезло за дверью учительской, Саня развел руками:

— Сбесились девчонки...

А я задумался. Увидев, что мальчишки один за другим покидают ее и переходят к Наташе, Лялька решила на отчаянный шаг — она закурила. До сего дня не бравшая в рот сигареты, Лялька задымила — явно в пику Наташе.

Вскоре стало известно, что Лялька перестаралась. Пороху ей хватило лишь на то, чтобы с независимым видом продефили-

ровать по коридору. А в учительской ей стало плохо. Прибежала доктор, приехали родители и отвезли дочку домой.

Вот так печально закончился выход Ляльки в новой для себя роли.

Наташа слушала, как девчонки ахают и охают, обсуждая происшествие с Лялькой, и загадочно улыбалась.

Вместо последнего урока состоялось собрание.

От перенесенных волнений в лице у нашей классной не было ни кровинки.

— Каждый день чепе! — негодовала Калерия Васильевна. — Девочки, опомнитесь! Вы же будущие матери!

Наташа решительно поднялась:

— А кто видел, чтобы я курила после этого?

И села, и по своей привычке уставилась в окно, словно пережидая, когда вся эта кутерьма закончится.

— Никто не видел, — согласилась Калерия Васильевна. — Кто еще хочет сказать?

Одна за другой поднялись Света и Алла. Они промямлили что-то о вреде курения и обещали никогда больше не прикасаться к сигаретам.

Классной понравились выступления девочек, и она принялась тормозить мужскую половину класса.

— А что же мальчики молчат?

— Потому что мальчики не курят, — бросил с места Саня, задетый за живое.

— Я скажу, — я поднялся и поправил очки. — Вы можете себе представить Мону Лизу Джоконду с сигаретой в зубах?

Как учил меня папа, я сделал паузу. Я глядел в затылок Наташи. Она медленно повернулась ко мне.

— Или Василису Прекрасную? — ободренный вниманием Наташи, я продолжал свой монолог. — Вот почему женщин боготворили поэты и художники, в их честь слагали стихи и писали картины. А сейчас? Про нынешних девчонок разве напишешь стихотворение или нарисуешь картину?

На губах у Наташи появилась загадочная улыбка — точь-в-точь как у Джоконды.

Я запнулся и сел. Мою мысль подхватила и развила Калерия Васильевна — она говорила о красоте истинной и мнимой.

Потом встал Саня. Мой друг был, как всегда, краток.

— Пусть попробует курильщик поиграть в футбол два тайма. Ручаюсь, что за десять минут он превратится в мокрую курицу.

Наташа, задумавшись, слушала Саню и не улыбалась. Это не ускользнуло от внимательного взгляда классной.

— Саня верно сказал, — похвалила Калерия Васильевна. — Спорт и курение не дружат.

Мы дали слово, что не будем курить нигде, никогда, ни за что и ни при какой погоде.

Когда мы шумно поднялись, классная сказала:

— Кирилл, я тебя попрошу остаться.

Я посмотрел с огорчением вслед Наташе и вздохнул:

— Хорошо.

— Я буду говорить с тобой без предисловий,— сказала Калерия Васильевна, когда мы остались вдвоем в классе.— Кирилл, мне нужна твоя помощь.

Наша классная преподавала математику, а математика, как известно, наука, которая довольствуется малым количеством слов. Вот и Калерия Васильевна не любила ходить вокруг да около, а сразу выкладывала то, что думает, излагала суть дела.

— Я готов вам помочь,— предложил я.

— Другого ответа я от тебя и не ждала,— Калерия Васильевна встала из-за стола.— Будь добр, проводи меня, по дороге все и обсудим.

Когда мы очутились на улице, я завертел головой по сторонам. У поворота на стадион мелькнула знакомая голубая куртка. Наташа сегодня была в гордом одиночестве. Ага, значит, мальчишки не знают, чью сторону — Наташи или Ляльки — им брать. А пока посчитали за лучшее держаться нейтралитета. Что за непостоянные существа, эти мужчины!

— Что нам делать с Наташей? — прямо поставила вопрос Калерия Васильевна.

— А что случилось? — испугался я и только сейчас заметил, что классная несет тяжелую сумку.— Позвольте, я возьму...

— Спасибо,— улыбнулась Калерия Васильевна, отдавая мне сумку.— Дело в том, что о Наташе и Ларисе надо ставить вопрос на педсовете.

— Не надо,— попросил я.

Мне пришлось увеличить скорость, потому что голубую куртку заслонили коричневые плащи. Чтобы не отстать от меня, классная тоже прибавила шагу.

— А как мне быть? — спросила Калерия Васильевна.— Мне кажется, что Наташа славная, интересная девочка...

— Это правда,— с удовольствием согласился я.

— Но сколько в ней глупой бравады, вообще наносного, курение, например,— продолжала классная.— Кто-то должен повлиять на нее в положительную сторону. Родители не в счет. Подруги у нее в классе есть?

— Пожалуй, нет,— я сбавил скорость, потому что голубая куртка замерла у витрины спортивного магазина.

— Я и сама знаю,— классная тоже зашагала помедленнее.— Да и тут необходимо мужское влияние. Вот если бы Саня согласился взять над Наташей шефство — лучшей кандидатуры не найти.

— Это почему не найти? — обиженно протянул я.

— Я видела, как Наташа внимательно его слушала,— объяснила Калерия Васильевна и вздохнула.— Но, это нереально... У Сани ежедневные тренировки.

— У него ни капли свободного времени,— поддакнул я.

— К сожалению, Саня отпадает,— задумчиво произнесла классная,— но другой кандидатуры я не вижу.

Мы остановились друг против друга, и Калерия Васильевна некоторое время пристально разглядывала меня.

— Нет, не вижу,— покачала она головой.

— А я?

— Ты? — обрадовалась Калерия Васильевна.— А и правда, ты. Если ты согласен, Кирилл, лучшего я бы ничего не желала.

— Я согласен,— торопливо произнес я, боясь, как бы классная не передумала.

— Ну и чудненько! — классная забрала у меня сумку и показала на голубую куртку, которая маячила впереди.— Тебе прямо? А мне направо. До свидания, спасибо, что поднес сумку. И помни — не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

Мы распрощались с классной. Вот везет так везет. О такой удаче я и не мечтал. Теперь я могу видеть Наташу каждый день не только в школе, но и дома. Пускай попробует пещерный житель, ее папочка, выгнать меня. Кишка тонка!

Я помчался вдогонку за Наташей, но ее и след простыл.

У витрины спортивного магазина я притормозил. Ключки, шайбы, мячи, гантели, гири... Интересно, что могло тут привлечь внимание Наташи?

ТРИ ИСПЫТАНИЯ

Не откладывая дела в долгий ящик, я решил сегодня же навестить Наташу.

Видя, в каком бешеном темпе я поглощаю пищу, папа поинтересовался:

— Куда мы торопимся?

— Никуда,— я замер с полным ртом, словно застигнутый на месте преступления.

— Ты даже не заметил, какой сегодня я приготовил соус,— в папином голосе отчетливо прозвучала нота обиды.

— Ну что ты, папа,— спохватился я.— Совершенно потрясающий соус, настоящее произведение кулинарного искусства.

— Вообще-то я догадываюсь, куда ты торопишься,— папа смягчился, и его потянуло на воспоминания.— Но я в свое время, когда шел на свидания, совершенно ничего не ел. Я был худой как щепка, как палка. На мне пиджак болтался, как на вешалке...

Глядя теперь на упитанного папу, нелегко было вообразить, что некогда пиджак на нем болтался, как на вешалке.

— Погоди, в каком я тогда классе учился? — продолжал вспоминать папа, — по-моему, в третьем... Или во втором? Нет, скорее всего в третьем... Итак, мне десять лет, она живет в соседнем доме... Как же ее звали?

— Папа, извини, я и вправду тороплюсь, — вставил я реплику в монолог папы и прежде чем он опомнился, выскочил на лестничную площадку.

Я понимал, что поступил невежливо, не дослушав папиных воспоминаний. Но я также понимал, что если сейчас не пойду к Наташе, у меня не будет собственных воспоминаний и мне нечего будет поведать своим детям.

Я поднялся на два этажа выше и остановился у двери, обитой черным дерматином. Здесь она живет. Сейчас я ее увижу. «Тебе чего?» — спросит она меня. А я отвечу, что выполняю поручение классной.

Эх, была не была! Дрожащей рукой я нажал на кнопку звонка. Звонок робко дзинькнул, и я поспешно, точно обжегшись, отдернул руку. В квартире слышались быстрые и решительные шаги.

Дверь отворилась. На пороге стоял мальчишка в джинсах, в рубашке с закасанными рукавами. Был он здорово похож на Наташу. Прямо как вылитый. Я и забыл, что у нее есть братец. Он мне снился, а я надеялся, что его на самом деле не существует. А он существует. Да, третий всегда лишний.

— Тебе чего? — хмыкнул братец.

— Здравствуйте, а Наташа дома? — вежливо приветствовал я брата и объяснил, что я одноклассник его сестры.

В продолжение всей моей тирады братец стоял совершенно ошеломленный и лишь вымолвил:

— Наташа?

— Ну да, твоя сестра, — терпеливо втолковывал я ему, хотя его тупость меня уже начала порядком бесить.

И с чего это я взял, что он похож на сестру? Абсолютно ничего общего. Братец мрачноватый малый, а сестра, а Наташа — самая красивая девочка в нашем дворе, в нашей школе и, конечно, во всем мире.

— Некогда мне с тобой трепаться, — я сердито поправил очки, съехавшие на кончик носа. — У меня поручение от классной.

— От Калерии? — переспросил братец.

— Да, от Калерии Васильевны.

— Ну заходи, — смиловился наконец братец и фыркнул: — Пойду скажу сестре.

Я зашел в прихожую. Только брата мне еще не доставало. Одного отца, по-моему, вполне достаточно.

В прихожую заглянула Наташа. Была она в светлом платье, очень похожем на то, в котором мне снилась.

— Привет! Так что от меня надо Калерии?

— Привет! Я могу войти? — Я отважно посмотрел ей в глаза. Действительно, куда братцу до нее! Наташа — сама доброта, а братец — одно недоразумение.

— Ну, конечно, входи, садись,— пригласила меня Наташа в большую комнату.— Так что вы там с Калерией задумали?

Я сел в кресло и покосился на приоткрытую дверь, которая вела в соседнюю комнату.

Наташа перехватила мой взгляд и махнула рукой.

— Да там никого...— она осеклась, подошла и закрыла дверь.

— Ну что за тайны Мадридского двора? — произнесла Наташа с нескрываемой насмешкой.— Любите вы с классной напускать тумана.

Странное дело — сегодня ее насмешки не выводили меня из себя, я не терял самообладания. А Наташа, наоборот, бросала на меня настороженные взгляды. Ее заинтриговало, с чем я пришел.

Я нарочно тянул кота за пупок. Так любит говорить папа про тех, кто тянет время. Моему нетерпеливому папе такие люди, которые не очень ласково обращались с котом, были в высшей степени неприятны.

Я попытался начать издали и спросил, где Наташа жила до того, как переехала в наш дом.

— Говори, зачем пришел или...— Наташа на мгновение стала похожей на своего отца, и я испугался.

— Никакой тайны нет,— протянул я, стараясь сохранить спокойствие.— Классная поручила мне взять над тобой шефство.

— Я в шефах не нуждаюсь,— как отрезала Наташа.

— Ну не шефство,— смутился я,— а просто помощь тебе оказать...

— Еще чего придумали,— вскипела Наташа,— никакой помощи мне не нужно. Я сильная, сама кому хочешь могу помочь.

Наташа поднялась, отворила дверь, ведущую в соседнюю комнату, и с загадочной улыбкой поманила пальцем меня.

Я помялся, не зная, что мне делать. За той дверью явно скрывался ее братец, а видеть его и тем более общаться с ним у меня не было никакого желания.

— Не трусь,— по-своему поняла мои колебания Наташа.

— Я не трушу,— громко сказал я и на негнувшихся ногах вошел вслед за Наташей в комнату. На мое счастье, ее братца здесь не было. Но дух его витал в комнате. И не только дух — во всем ощущалось его присутствие. Казалось, что он на минутку вышел из комнаты и вот-вот вернется.

Чуть ли не посредине комнаты стоял турник. На тахте валялись две пары боксерских перчаток. Стены украшали фото-

графии мотогонщиков, хоккеистов, боксеров. Ясно, что это комната Наташиного братца — в ней нет ничего девчоночьего.

— Ну,— ехидно подначила Наташа,— сколько ты раз подтянешься?

Разными правдами, а точнее неправдами мои родители добились того, что я был освобожден от уроков физкультуры. Поэтому я имел смутное представление о турнике. Я знал, что на нем крутят не то луну, не то солнышко и еще подтягиваются. Но сам, так сказать, собственными руками я ни разу в жизни не проделывал этого упражнения.

Я попытался дотянуться до перекладины — так, кажется, она называется? Не получилось. Я встал на цыпочки — не хватало пару сантиметров. Тогда я подпрыгнул, но руки проскочили мимо перекладины.

Я старался не глядеть на Наташу, но все равно видел, что она едва сдерживается, чтобы не покатиться со смеху.

Тогда я разбежался, подпрыгнул и — на этот раз мне повезло — уцепился за перекладину. Полдела было сделано. Остались пустяки — подтянуться.

Но — удивительная вещь. Как я ни пыжился, как я ни лез вон из кожи, мне не удалось подняться ни на миллиметр. Замечательный у меня папа, но перекормил он меня сверх всякой меры. Наконец, устав бороться с собственным весом, а заодно и с законом всемирного тяготения, я плюхнулся на пол.

— Смотри, как надо!

Наташа легко, играючи, подтянулась десять раз.

— А теперь вот это!

Она нагнулась и выкатила из-под тахты гирю.

Я глянул и обомлел — пуд, не меньше. Но я ошибся. Когда я попробовал оторвать гирю от пола, я понял, что в ней все два пуда.

Тогда я вспомнил, как поступают тяжелоатлеты — они долго и упорно глядят на штангу, и та им покоряется. Я усиленно гипнотизировал гирю, но мне удалось лишь оторвать ее от пола, и то двумя руками.

Снисходительно хмыкнув, Наташа подняла гирю пять раз правой, а потом столько же левой рукой. Потом бросила мне перчатку, и я понял, что Наташа вызывает меня на дуэль, хотя перчатка была боксерская.

— Одевай! — велела Наташа.

Она помогла мне зашнуровать перчатки, потом вооружилась сама. Наташа приняла боксерскую стойку — выставила левую руку вперед, правой прикрыла подбородок. В одно мгновение она стала удивительно похожа на своего братца — свирепое лицо, стеклянные глаза.

— Ну что ты, драться с девочкой,— пробормотал я,— это против моих правил, это подло.

— А ты забудь, что я девочка,— воскликнула Наташа и сердито приказала: — Защищайся!

Я поспешно закрыл лицо перчатками.

— Очкиними,— протянула Наташа.— Ну где ты видел боксера в очках?

Мне не приходилось лицезреть боксера-очкарика, а потому я покорно и неловко стащил перчатками с носа очки и положил их на стол. Я обернулся к Наташе — девочка исчезла. Вместо нее на меня нацелились черные перчатки, похожие на пудовые гири.

— Защищайся! — долетел издали голос Наташи.

Во время дуэли один из соперников, тот, кто не желал проливать кровь, палил из пистолета в воздух. Так поступил и я — выставил руки вперед и закрыл глаза. Будь что будет!

Первый удар пришелся в перчатку, второй угодил прямо по носу, а третий... А третьего не было, потому что к тому времени я благополучно потерял сознание...

Очнулся я, когда на меня теплым летним дождиком полилась вода. Наташа брызнула мне в лицо, а потом помахала полотенцем. Точно так делает тренер на ринге в перерыве между раундами.

— Живой? — обрадовалась Наташа.

— Живой,— прошептал я.

Я огляделся — оказывается, я уже лежал на тахте. Надо мной склонилась Наташа. Я вижу ее ласковые, встревоженные глаза.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно,— ответил я совершенно искренне. Потому что о таком только мечтать можно. Со мной рядом Наташа, она перевязывает мои раны.

— Но почему ты не защищался? — Наташа укоризненно покачала головой.— Пропустил такой легкий удар.

— Это был нокаут? — спросил я.

— Нет, у тебя из носа пошла кровь...

Я потрогал нос и ойкнул.

— Больно? — пожалела меня Наташа.— Не шевелись, я сменю тебе примочку.

Наташа оставила меня одного. Я повернул голову. Со стены на меня осуждающе смотрели настоящие мужчины — мотогонщики, боксеры, хоккеисты. Эх ты, говорили их взгляды, а еще парнем называется — девчонка уложила его на обе лопатки, а он радуется. Я показал настоящим мужчинам язык, мол, не суйте свой нос куда не надо.

В комнату вошла Наташа, положила примочку и села рядом. Если бы так продолжалось всю жизнь.

— Этому,— я показал, что боксирую,— тебя брат научил?

— Брат? — поразилась Наташа, а потом звонко расхохоталась.— Ну, конечно, брат.

Веселой я Наташу видел в первый раз, и мне она очень понравилась. Серьезной Наташа иногда напоминала своего братца. Вот же, кажется, брат и сестра, одна кровь, а до чего разные люди.

Кстати, куда он испарился? Если он сейчас сюда заглянет, то позубоскалит вволю... Надо уходить...

Я стянул примочку с носа и сел.

— Ты знаешь, я, пожалуй, пойду. Хорошего понемножку.

— Как видишь, я ни в чьей помощи не нуждаюсь,— гордо сказала Наташа и водрузила на мой побитый нос очки.

— Вижу,— я встал на ноги и снова оглядел комнату. Теперь я понял, чего мне здесь не доставало — книг. Лишь пяток учебников ютилось на маленькой полке между эспандером и теннисными ракетками. Нет никаких сомнений, это комната ее братца, тут Наташа жить не может.

— Сам дойдешь или тебе помощь нужна? — Наташа вновь стала прежней — ехидной и задиристой. Стоило мне подумать о ее братце, как его дух тут же вселился в Наташу.

— Я сам,— я протянул Наташе руку,— спасибо за приятно проведенное время.

Наташа крепко, по-мальчишески пожала мне руку, но я сдержался и не ойкнул.

Я собрал всю силу воли и побрел к выходу.

— Снега приложи, а то нос опухнет,— посоветовала на прощанье Наташа.

К моему удивлению, силы воли у меня оказалось достаточно, чтобы спуститься по лестнице и добраться до нашей квартиры.

Дверь мне отворил папа и застыл, как в немой сцене из «Ревизора».

— Папа, я жив и здоров,— объявил я с порога.— И если можно, без вопросов.

— Как это без вопросов? — прорвало папу.— На тебе лица нет. Ты похож на тень отца Гамлета из одноименной трагедии. А кровь на рубашке? Кир, ради всего святого, что случилось?

Я опустил глаза и увидел на рубашке темное пятно. Меня зашатало, и я вынужден был приземлиться в кресло.

Для папы это было сигналом. Он заметался по комнате, заламывая на ходу руки.

— Кир, скажи мне, кто тебя так? Я отомщу твоему обидчику, я расправлюсь с этим негодяем, от него останется мокрое место.

Я хотел сказать, что сам расправлюсь со своим обидчиком, но вместо слов у меня вырвался стон.

Папа прекратил бессмысленную беготню по комнате и кинулся к телефону, лихорадочно набрал номер.

— Скорая? Почему квартира? Мне нужна скорая?

— Папа,— позвал я.

— Кирюша, я здесь, — папа опустился на колени подле моего кресла.

— Папа, что ты собираешься мне подарить на день рождения?

— Но, Кир, я хотел сделать тебе сюрприз.

— Папа, не надо сюрпризов, подари мне боксерские перчатки, — попросил я.

— Что???

— Боксерские перчатки, — повторил я и закрыл глаза.

Я не видел, каким было лицо у моего папы в это мгновение, но я могу себе представить — мой папа был в нокауте.

ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ

К утру мой нос распух и выдал меня с головой.

Первой его узрела мама. Утром она газет не читала и потому могла меня разглядеть. Естественно, что вчера вечером мама ничего не заметила.

— Что у тебя с носом? — озабоченно спросила мама.

Я шмыгнул носом и застенчиво соврал:

— Наверное, простыл.

Поскольку я никогда не лгал маме, она сразу мне поверила и стала маленькими глотками пить кофе. Общение с Наташей явно пошло мне на пользу — я становился мальчишкой. Кстати, мальчишки при первой возможности пропускают уроки в школе. Может, и мне попробовать?

— Мам, — я еще старательнее пошмыгал носом, — может, не стоит рисковать, и я денек посижу дома. Весной такая неустойчивая погода. А я все-таки простужен.

Мама поцеловала мне лоб:

— Температуры нет, собирайся без разговоров в школу.

Мама оделась и ушла на работу. А папа еще спал. Вчера в театре была премьера, а потом обсуждение спектакля, и папа вернулся поздно. Конечно, папу я б уговорил в два счета, тем более что он был свидетелем моего ранения, но я пожалел его будить и пошел в школу.

Чтобы взять и просто так не пойти в школу, мне и в голову не пришло. Нет, все-таки тогда я еще не был настоящим мальчишкой.

В школе мой опухший нос первой заметила Наташа и сама подошла ко мне.

— Надо было снег приложить — я же тебя предупреждала.

— Ничего — до свадьбы заживет, — лихо ответил я, польщенный, что Наташа сама ищет со мной встречи.

Благодаря своему носу я стал популярным. Каждый считал долгом подойти ко мне и осведомиться, почему мой нос так неожиданно увеличился. Странно, почему беда вызывает такой прилив веселья?

Мне уже надоело отбиваться от жалких потуг на юмор, как ко мне приблизилась Лялька.

— О чем вы шептались с Наташенькой?

Кроме Наташи, Лялька сейчас ничего на свете не видела и даже проглядела мой нос. Я был ей благодарен за чуткость и выложил всю правду.

— Мне классная поручила взять шефство над Наташей.

— Это прекрасно, — обрадовалась Лялька. — Если тебе понадобится моя помощь, можешь всегда рассчитывать на меня.

— Спасибо, — я был тронут словами Ляльки. — Как ты себя чувствуешь?

— Еще не совсем оправилась, — ответила Лялька.

После вчерашнего происшествия на румяной Лялькиной мордочке появилась бледность, но это пошло ей на пользу. Непостоянные мальчишки вновь переметнулись на сторону Ляльки и каждую переменку увивались вокруг нее. Все, кроме нас с Саней. Саню просто нельзя было вообразить увивающимся, а я увивался вокруг Наташи.

Саня тоже заметил мой распухший нос. Мой друг оглядел его со всех сторон:

— Профессиональная работа, — оценил Саня и деловито добавил: — С кем надо расплатиться?

— Спасибо, не надо, — невнятно пробормотал я, чем нескладно удивил Саню, всегда готового за меня заступиться.

Классная покосилась на мой нос, но спросила о деле:

— Был у Наташи?

— Был.

— Молодец Кирилл, — похвалила меня Калерия Васильевна. — Я всегда знала, что ты не подведешь. И каковы успехи?

— Мы провели с ней дискуссию, так сказать, обмен взглядов, — я показал руками, что обмен был весьма оживленным.

— Отлично, — заметила классная. — А результаты?

Как математичке, Калерии Васильевне было мало общих фраз. Ей нужен был четкий ответ, как в задачнике.

— Пока перевес на ее стороне, — я задумчиво почесал нос.

— Продолжай в том же духе, — подбодрила меня классная. — Я не сомневаюсь в успехе.

В том же духе мне, честно говоря, продолжать не хотелось, но и отступать я был не намерен.

— А что у тебя с носом? — все-таки спросила классная.

— Простыл, — я не стал вдаваться в подробности.

Мой ответ удовлетворил любопытство Калерии Васильевны, которая, как и моя мама, кстати, тоже представительница точных наук, превыше всего ценила краткость и ясность.

Дома папа многозначительно посмотрел на мой нос, но от вопросов удержался. Зная папин темперамент, я оценил, чего это ему стоило.

Пообедав, я рассыпался в похвалах папиному новому блюду, но папа молча ждал, когда я расскажу ему о вчерашнем происшествии.

От объяснений с папой я не мог отвертеться — факты, как говорится, были на лице.

Мой рассказ о том, как трогательно меня встретила Наташа, привел папу в восхищение.

— Ну и женщины пошли, — в восторге завертел папа головой. — Это что-то новенькое. А впрочем, погоди... Новое — это хорошо забытое старое. Вспомни сказки. Претенденты на руку принцессы или отгадывали три загадки, или подвергались трем испытаниям. У тебя было как раз три испытания — турник, гиря, бокс.

— И все три я бездарно провалил, — уныло произнес я.

— Утешайся тем, что жив, — философски заключил папа и, заметив недоумение на моем лице, с потешной свирепостью добавил: — В сказках неудачливым претендентам обычно отрубали голову.

— Выходит, что я неплохо отделался, — погладил я свой нос.

Мы засмеялись. Вот какой у меня папа. С ним веселым становится самое нелегкое дело.

— Ну и что ты намерен теперь предпринять? — осторожно спросил папа.

— Как что? Сейчас же пойду к ней снова, — твердо объявил я. — Пока голова на плечах...

— Хвалю, мой сын, отступать постыдно, — папа обнял и прижал меня к широкой груди, словно провожал свое единственное чадо за тридевять земель на битву с заморскими чудищами.

Как и вчера, дверь мне открыл Наташин братец. Его хмурая физиономия не предвещала ничего хорошего. Между прочим, где Наташин братец учится? В нашей школе я вроде его не встречал. Наверное, ездит в старую школу, где они раньше учились с Наташей.

— Здравствуй, — улыбнулся я. — Наташа дома?

— Нету, — буркнул он.

Я попытался протиснуться в квартиру, но братец захлопнул дверь перед самым моим носом, едва не прищемив его.

— А когда она придет? — крикнул я.

Я вспомнил, что Наташа сегодня незаметно улизнула из школы, и я не смог ее догнать. Наверное, где-нибудь бродит.

— Это не твое дело, — ответил брат и приоткрыл дверь, — и еще она передала, чтобы ты больше к нам не приходил. Вообще и никогда.

— Я бы хотел это услышать от самой Наташи, — неожиданно для себя я проявил упорство.

— Мало, что девчонка тебе расквасила нос? — братец показал язык и захлопнул дверь.

Вот тогда я и отступил. Как она могла ему все рассказать? Этому вредному типу. Вот кого бы я с удовольствием поколотил, вот кому бы врезал как следует. Но — стоп. Он — персона нон грата, неприкосновенная личность. Он может сколько угодно изгаляться надо мной, а мне нельзя его даже пальцем тронуть, потому что он ее брат. На все его оскорбительные выпады я не могу отвечать, и даже волос не должен упасть с его головы, потому что он ее брат.

Но зачем она ему все рассказала? Это же предательство...

По моему несчастному виду папа понял все.

— От ворот поворот?

— Брат сказал, что она и видеть меня не хочет, — я чуть не ревел от обиды.

— Наглая ложь, — убежденно произнес папа. — Я не верю ни одному его слову.

— Ты думаешь? — слабая надежда мелькнула у меня и тут же погасла. — Нет, он не врет. Она ему похвасталась, что разбила мне нос.

Папа задумался и тут же нашел объяснение.

— Ее вынудили, заставили признаться.

— Как? — удивился я.

— Как, как, — папа махнул рукой. — Это уже мелочи, детали. Под пыткой, например. От ее родителя все можно ждать.

— Папа, ты же не в театре — какая пытка?

— Ну, хорошо, слушай, как было на самом деле, — папа принялся излагать новую версию. — Мать увидела пятно крови, переполошилась, а дочка, не подумав, брякнула, что сия драгоценная жидкость из твоей носопырки, брат услышал и присочинил потом, что сестра разбила тебе нос. Ну как, похоже на правду?

— Вроде, — неуверенно произнес я.

— Кстати, я ни разу не видел Наташиной мамы. Интересно, какова она? — папа на мгновение отвлекся, но тут же вернулся к своей версии. — Так что Наташа ни в чем не виновата. Это мне совершенно ясно. Ее оклеветали. Она жаждет с тобой встречаться, но отец и брат день и ночь стерегут ее. Прекрасная девушка томится в замке. Шекспир, типичное средневековье.

— Папа, — прервал я. — Какое средневековье? Завтра я увижу Наташу в школе и все у нее узнаю.

— Ну вот и отличный выход, а ты уже впал в отчаяние, — папа никогда не терял оптимизма. — Главное, не сдаваться...

Наташу в школе я увидеть увидел, но вот поговорить с ней не удалось. Она меня избегала. Едва я к ней приближался, Наташа демонстративно уходила.

На большой переменке я пустился за ней в погоню. Обежал полшколы, а Наташу не догнал, лишь столкнулся нос к носу с Лялькой.

— Что, подшефная не желает перевоспитываться? — почувствовала Лялька.

— Да вот, понимаешь, удирает, — тяжело дыша, признался я с огорчением.

— Она после уроков на стадион ходит, — шепнула мне на ухо Лялька, и не успел я опомниться, как она исчезла.

Ну теперь я догоню Наташу. Интересно, а откуда Лялька знает, где Наташа бродит?

СВИСТ КРЫЛЬЕВ ЗА СПИНОЙ

После уроков Наташа вновь незаметно улизнула. Но теперь я знал, куда она направила свои стопы.

Возле массивных ворот стадиона я настиг знакомую голубую куртку. Ловким движением выхватил у Наташи сумку. Наташа резко обернулась, приняла боксерскую стойку и увидела меня.

— Я понесу, — я спокойно повесил ее сумку через плечо.

— Я и забыла, что ты богатырь, — насмешливо протянула Наташа скорее по привычке, а сумку не забрала.

Ладно, смейся, богатырь я или слабак, а сумку понесу. К тому же мне показалось, что Наташе это было приятно.

Так я и потопал с двумя одинаковыми сумками, на которых было написано «Аэрофлот» и был нарисован самолет. У нас весь класс такие сумки таскает, да что там класс — вся школа. Наверное, одни первоклассники еще носят за плечами ранцы.

— Знаешь ли ты сказку про кошку, которая гуляет сама по себе? — вдруг спросила Наташа.

— Знаю, — ответил я. — Я ее читал, когда маленьким был.

— А я на пластинке люблю слушать, — сказала Наташа. — Так вот, я — кошка, которая гуляет сама по себе. Понял?

— Понял, — кивнул я. — А я думал, что твой братец меня обманывает.

— Как видишь, не обманывает.

Я снял Наташину сумку и хотел уже вернуть ее девочке, но передумал.

— Понимаешь, раз уж мне выпало проводить тебя, так я должен выполнить свой долг до конца. У дома мы расстанемся. Ты уж потерпи, пожалуйста.

— Ладно, потерплю, — смирилась Наташа.

Мы шли вдоль чугунной ограды стадиона. Вокруг не было ни одной живой души. Наташа брела чуток впереди, а я плелся сзади, сгибаясь под тяжестью сумок. Не знаю, что на меня нашло, но я набрал в легкие побольше воздуха и заговорил стихами:

В оконном стекле отражаясь,
По миру идет не спеша
Хорошая девочка Лида.

Наташа шла, не оборачиваясь, но по тому, как напряглась ее спина, я чувствовал, что она вслушивается в каждое слово.

Так Пушкин влюблялся, должно быть,
Так Гейне, наверно, любил.

Срывающимся от волнения голосом я дочитал стихи до конца.

— Знакомые стихи,— Наташа обернулась и, может, впервые посмотрела на меня без насмешки.— Но в школе мы их не проходили. Верно?

— Не проходили,— согласился я.

— А я их откуда-то знаю, хотя уверена, что никогда не слышала,— задумалась Наташа.— Ведь так не может быть?

— Все может быть,— уклончиво ответил я.— Загадочная история.

Наташа покачала головой. Я понял, что все неясное, загадочное ей не по душе, вернее, оно просто для нее не существует.

— И вообще мой папа говорит, что стихи никому не нужны, что это все болтология.

— Твой папа ошибается,— возразил я.

— Мой папа всегда прав,— произнесла Наташа таким тоном, что я не решился с ней спорить.— Айда на стадион!

Я не представлял, чего нам так уж спешно понадобилось на стадионе, но согласился. С Наташей я пошел бы куда угодно, хоть к черту на рога... Правда, некоторое смущение вызывал у меня чуть ли не двухметровый забор. Как его преодолеть?

Похоже, что на Наташу это препятствие не произвело никакого впечатления. Возле столба она нашла лазейку. Там чугунные прутья отходили друг от дружки на расстояние, достаточное, чтобы проскользнуть ловкой и верткой девочке. Что Наташа и сделала, и уже с той стороны протянула мне руку.

— Давай сумки.

Вслед за Наташей наши сумки благополучно оказались на той стороне. Я сделал попытку протиснуться между прутьями, но у меня ничего не вышло. В который раз я недобрым словом помянул своего папу, из-за чудесных обедов которого я не мог пролезть сквозь чугунную ограду.

— Ну чего ты? — удивилась Наташа и показала глазами вверх.

Я понял — через этот треклятый забор я должен перелезть во что бы то ни стало. Умереть, но перелезть. Я не могу позволить, чтобы этот чугунный равнодушный забор разделил нас с Наташей. Если я не перелезу, Наташа уйдет, и я ее больше никогда не увижу.

Говорят, что любовь делает чудеса. Наверное, это было одно из ее чудес. Я почувствовал, как за спиной у меня что-то трепещет. Это крылья, догадался я.

Наверное, с помощью крыльев я взлетел на самый верх. Оседлав забор, я решил чуток отдышаться. И тут какой-то нехороший человек дернул меня осмотреться. Я глянул вниз и похолодел. Как это меня угораздило забраться на такую высоту? Сколько же тут метров над уровнем моря? Передо мной все поплыло, я судорожно вцепился руками в перекладину, а ноги мои словно приклеились к прутьям решетки — и ни туда ни сюда. А самое главное, я не ощущал за спиной крыльев.

— Чего ты там расселся? — услышал я комариный писк, в котором с трудом различил голос Наташи. Ее крохотная фигурка голубела далеко внизу.

Но — странное дело! — голос Наташи возымел на меня магическое действие, и я вновь почувствовал свист крыльев за спиной.

Как я спустился вниз и очутился на земле, рядом с Наташей, честное слово, не помню. Но помню, что был несказанно счастлив.

— Ну и видик у тебя, — присвистнула Наташа, и в ее голосе, кажется, было больше восхищения, чем насмешки.

Я оглядел себя — ржавые прутья решетки отпечатались на моей оранжевой куртке и синих школьных брюках. Вероятно, во время спуска я слишком нежно сжимал в объятиях прутья решетки.

— Ерунда, — беспечно махнул я рукой, а сам подумал: «Бедный папа. Его хватит удар, когда он увидит меня».

Мы уселись на трибуне. Сегодня здорово припекало солнце, и мы зажмурили глаза, как коты, только что не мурлыкали. Я снял очки.

— Ты плохо видишь? — спросила Наташа.

— Тебя я вижу с закрытыми глазами, — ответил я.

— Как это? — не поняла Наташа.

— Очень просто — во сне.

— Ты хочешь сказать, что я тебе снюсь? — недоверчиво хмыкнула Наташа.

— Ага, — кивнул я.

Мы еще немного молча погрелись на солнышке, а потом Наташа поднялась:

— Пора домой.

Мы спустились вниз и пошли по гаревой дорожке. Футбольное поле было закрыто брезентом.

— Скоро земля подсохнет, в футбол постучим, — мечтательно протянула Наташа. — Ты где играешь — в нападении или в защите?

— Я? — растерялся я и вдруг ляпнул: — Я вообще не играю в футбол.

— Ну что ты за мальчишка? — поразилась Наташа.

— Недостатки гуманитарного воспитания, — туманно объяснил я.

— Чего-чего? — переспросила Наташа и сама же догадалась: — А, это стишки?

— Стихи, — поправил я ее.

— Стихи, — согласилась Наташа.

Привыкшая ходить сама по себе, Наташа вновь вырвалась вперед, а я еле поспевал за ней. С каждой минутой сумки становились все тяжелее.

У выхода со стадиона я замешкался, нагнул, чтобы завязать шнурок на ботинке. Когда выскочил за ворота, чуть не ахнул — Наташу взяли в кольцо трое рослых мальчишек.

Впервые я не ощутил страха. Вернее, я испытывал страх, но не за себя, а за Наташу. А еще я почувствовал свист крыльев за спиной. Размахивая сумками, я бросился на помощь Наташе и при этом вопил нечто ужасно воинственное — больше для того, чтобы воодушевить себя, чем напугать хулиганов.

А те и не думали трустить. Один из них отделился от компании, чтобы встретить меня. С разгона я напоролся носом на его кулак и упал. Очки слетели на землю. Парень взял меня за шиворот и окунул в лужу.

— Охладись, Ромео! — воскликнул он под хохот приятелей.

Но хохот неожиданно смолк. Я выбрался из лужи и не поверил своим глазам, может, потому, что на них не было очков.

Один из мальчишек уже лежал на земле. Вскоре к нему присоединился и второй, которого ловким молниеносным приемом повалила Наташа. Третий — я узнал его, то есть он искупал меня в луже — поспешил унести ноги, то есть попросту удрал. За ним, сломя голову, улепетывали и его дружки.

Наташа вытерла мне платком лицо, приложила к носу кусок льда.

— Кровь не идет, — похвалился я.

— Твоему носу везет — через день достается, — огорчилась Наташа и вдруг сказала: — Ты знаешь, а за меня сегодня в первый раз заступился мальчик, то есть ты.

— Ага, и угодил в лужу, — уныло подхватил я.

— Это не считается, — Наташа подняла очки и осторожно надела мне на нос. — Какие у тебя красивые волосы — мечта любой девчонки.

Я поскорее натянул на голову вязаную шапочку.

— А ты здорово с ними расправилась, — перевел я разговор.

— Для меня это пустяки, — Наташа махнула рукой. — Я знаю приемы самбо, дзюдо, джиу-джитсу...

И здесь мы с Наташей поспорили. Она повесила на плечо свою сумку и мою.

— Тебе нельзя ничего нести, — Наташа была непреклонна. — Ты пострадал, ты ослабел.

Вот так мы и появились во дворе — Наташа тащила две сумки да еще поддерживала меня под руку.

К нам бросилась странная бабушка. Во рту у нее торчала незажженная папироса. С бабушкой я познакомился в тот вечер, когда нас посетил с не очень дружественным визитом Наташин отец. Она еще спросила, есть ли у меня спички. Неужели с тех пор бабушке так и не удалось прикурить?

Кстати, чего я ее называю бабушкой. И вовсе она не бабушка. Только волосы у нее седые, а носится по двору, как школьница.

— Что случилось? — подбежав к нам, всплеснула руками бабушка и тут же сама себе ответила: — Все ясно — ты защищал девочку, у тебя, Кирилл, отважное сердце. — И неожиданно спросила: — Наташа, спички есть?

Наташа достала из кармана куртки коробок. Бабушка прикурила и затянулась. Выпустив дым, она внезапно накинута на Наташу:

— А почему у тебя спички? Может, ты куришь?

— Курю, — вызывающе ответила Наташа. — А вы что делаете?

Бабушка на наших глазах совершила подвиг, она решительно сломала папиросу:

— Давай бросим курить вместе, с сегодняшнего дня? Возьмем пример с мальчишек.

Бабушка показала на меня.

— Ой, заговорила я вас. Наташа, быстрее води его домой.

У моей двери мы простились. Я хотел проводить Наташу до ее двери, то есть подняться еще на два этажа, но она была против и повторила вновь, что я пострадал, что я ослабел...

— Приходи ко мне, — Наташа протянула мне руку.

— А твой брат? — я ответил ей крепким рукопожатием.

— Я с ним договарюсь, — рассмеялась Наташа.

Как здорово она смеется! Я думаю, что брата Наташа быстро усмирит. Если она трех хулиганов одолела, то неужели не справится с одним и притом близким родственником?

Я ИЗМЕНЯЮ ВНЕШНОСТЬ

На мое счастье, папы дома не было. Наверное, пошел на студию. Мне кажется, что на телевидении он нашел себя. Папу хлебом не корми, а дай потрепаться. А на телевидении люди, которые умеют говорить, ценятся высоко.

Я отнес грязное в ванную, умылся и посмотрел на себя в зеркало. И ничего хорошего там не увидел — упитанная физиономия, очки на многострадальном носу, который, кажется, стал еще больше, длинные вьющиеся волосы.

Я посмотрел на себя глазами Наташи. Ну чего, спрашивается, я к ней пристаю? Правда, она сказала, чтобы я к ней

приходил, предложила свою дружбу. Но Наташа добрая девочка, она просто меня пожалела.

И сегодня выставила меня героем, а на самом деле я несчастный трус. Когда она рядом со мной, я слышу свист крыльев за спиной и становлюсь отважным.

А без нее я самый обыкновенный трусишка. Я очень боюсь темноты. Если меня остановят в слабо освещенном переулке жулики, я и не подумаю сопротивляться и безропотно отдам все, что они вежливо и настойчиво попросят, и еще от себя добавлю впридачу, лишь бы они поскорее от меня отвязались. Я даже не подумаю спастись от них бегством, то есть, попросту говоря, не сумею задать лататы. И все потому, что жулики в два счета меня догонят. Одно утешает, что такая встреча в обозримом будущем мне не грозит и вот почему — меня днем с огнем не затанешь в темный переулок, не говоря уже про вечер...

Да что там жулики! Я боюсь любой собаки в нашем дворе. Особенно этих маленьких, визжащих от злобы, брызгающих слюной болонок, у которых злости больше, чем веса. Я знаю, что они не укусят, может, они вообще не умеют кусаться, может, у них и зубов нет. Но все равно при виде их раскрытых пастей у меня противно начинают дрожать колени, словно я не повстречался в полном людей городском дворе с безобидной комнатной собачонкой, а столкнулся в джунглях нос к носу со свирепым тигром.

И я хочу, чтобы на такого труса обратила внимание такая девочка, как Наташа? Да никогда этому не бывать! Надо становиться другим, надо срочно все изменять в своей жизни!

А с чего начать? Как Наташа сказала про мои волосы? Мечта любой девчонки? Вот именно — совершенно девчончьи кудри.

Итак, решено. Я становлюсь мужчиной и первым делом изменяю внешность.

Я взял ножницы, расческу и бросил решительный взгляд в зеркало на свои кудри. И тут моя рука, державшая ножницы, предательски задрожала.

Я вспомнил, как два года назад пришел домой и объявил:

— Дайте мне рубль!

— Зачем тебе деньги? — спросила мама, любившая во всем порядок.

— Мне Калерия Васильевна сказала, что если я не постригусь, как положено ученику, она меня завтра в школу не пустит, — объяснил я.

— Безобразие, — возмутилась мама, обращаясь к папе. — Мне кажется, что у ребенка прекрасная прическа.

— Они еще не знают, с кем имеют дело, — загадочно произнес папа, взял ребенка, то есть меня, за руку и повел в школу.

В учительской папа увидел классную и осведомился, почему его ребенка заставляют уничтожать такие прекрасные кудри.

Калерия Васильевна смутилась и робко пробормотала, что таково правило, а правила, как известно, одинаковы для всех, и они, учителя, не могут, к сожалению, сделать исключение даже сыну такого популярного человека. Папа тогда уже пару раз появился на голубом экране и сразу привлек симпатию телезрителей и особенно телезрительниц.

Классную поддержал дружный хор учительниц. Папа дождался паузы и вставил свою реплику:

— Это возмутительно — всех стричь под одну гребенку!

От волнения папа пустил петуха. Хор прервался на самой высокой ноте.

Тогда на авансцену, то есть вперед, выдвинулась директор, у которой волосы были безо всяких затей гладко зачесаны назад, а на затылке стянуты в пучок. Чутье подсказало папе, что надо перехватить инициативу, иначе после приговора директора уже ничего изменить не удастся.

Он взял меня за руку и вывел на середину комнаты, как раз туда, куда падал из окна сноп солнечных лучей.

— Я согласен, — вздохнул папа, — правила для того и создаются, чтобы их выполнять.

Елизавета Петровна кивнула, мол, золотые слова.

— Но разве вам не жалко губить такую красоту? — папа взъерошил мне волосы.

Я почувствовал, как солнце запуталось в моих кудрях, заиграло, засверкало в них.

Елизавета Петровна повторила слова классной о правилах, обязательных для всех, но уже без прежней уверенности.

Папа обвел безумным взором учительскую. По-видимому, он решился.

— Вы меня убедили, — папа взял со стола ножницы, — и я хочу совершить сие действие собственными руками.

Папа взмахнул над моей головой ножницами, сверкнувшими в лучах солнца.

Ножницы щелкнули, учительницы ахнули и подались вперед, чтобы предотвратить непоправимое, но было уже поздно.

Я схватился обеими руками за голову. Мне показалось, что папа переборщил и снял с моей головы скальп.

— Зачем вы, право, поспешили, — первой опомнилась директор. — Я думаю, что в порядке исключения вашему сыну можно было оставить его прическу.

— Нет, не уговаривайте меня, я должен исполнить свой долг до конца, — папа поднял над моей головой ножницы.

Я отпрянул от него. На папу набросились учительницы и в мгновение ока обезоружили его, то есть отобрали ножницы. Впрочем, мне показалось, что папа не особенно сопротивлялся.

Ножницы Елизавета Петровна спрятала в шкаф, а шкаф заперла на ключ.

Папа тяжело опустился на стул, закрыл лицо руками.

— Что я натворил,— сдерживая рыдания, восклицал папа.— Нет мне прощенья...

Я глянул в зеркало и ахнул. Не пострадало ни единой пряди волос.

Как говорится, ни один волос не упал с моей головы.

Елизавета Петровна и Калерия Васильевна принялись торжествовать совершенно убитого горем папу. Папа вскочил и увидел меня.

— Наверное, в последний момент дрогнула рука,— искренне огорчился папа.

— Ну и прекрасно, ну и чудесно,— обрадовались учительницы, обступили папу и стали расспрашивать его о театральных премьерах, об актерах и актрисах.

По дороге домой папа не преминул похвастаться:

— Качалов не сыграл бы лучше.

Теперь я знал, что в папе погиб великий актер.

Так я и остался со своей прической, и с того памятного дня больше никто из учителей не покушался на мои кудри.

Я вспоминал во всех подробностях эту историю, а сам безжалостно кромсал волосы.

Я уже почти справился с девчоночьей прической, когда появился папа.

— Кир, побойся бога, если ты не боишься отца,— взмолился папа.

— Папа, это чей монолог? Из какой трагедии? — огрызнулся я, не прерывая успешно начатого дела.

— Это мой монолог, из моей трагедии,— ответил папа.— И ты виновник всему.

— Папа, я хочу стать настоящим мужчиной,— гордо произнес я.— И это первый шаг.

— А каким будет второй? — озабоченно спросил папа.

— Не знаю,— я опустил руку, сжимавшую ножницы, и внимательно поглядел в зеркало.

Папа прав — что я натворил?

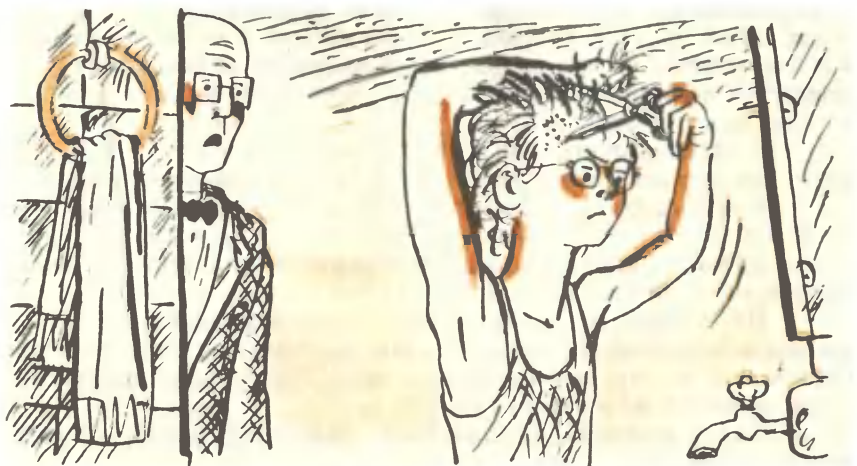
Сейчас я был очень похож на ощипанную курицу, которую собрались лишить жизни, но она вырвалась и носится, испуганно кудахтая, по двору.

Между тем папа проник в ванную и вытащил куртку и брюки.

— Мне кажется, второй шаг ты уже совершил,— голос папы дрожал.

— Папа, я тебе сейчас все объясню...— попытался я оправдаться.

— Ты обедал? — остановил меня папа.

— Не успел,— я показал на голову.

Папа застонал, а потом усадил меня перед зеркалом и, молча орудуя ножницами и расческой, привел в порядок то, что осталось от моих кудрей.

— Спасибо,— восхитился я.— Отлично постриг.

— Какая голова, такая и прическа,— мрачно бросил папа.— А сейчас обедать.

За столом у нас принято молча есть, но сегодня папа нарушил свой собственный запрет. Он не мог так долго томиться в неизвестности.

— Это все она? — папа многозначительно показал рукой на потолок.

— Ага,— кивнул я, уминая картошку.

— Ну, рассказывай,— велел папа тоном, который не предвещал ничего хорошего.

Я привык говорить папе правду, и только правду, и ничего, кроме правды, потому, как он и просил, рассказал ему все. К тому же я не забывал уплетать очередной папин шедевр, усердно похваливая его при этом.

В другой раз папа расцвел бы от похвал, а сейчас он все больше и больше мрачнел.

— Берегли тебя от дурного влияния улицы,— вздохнул папа,— а тут появилась эта амазонка, и все полетело вверх тормашками...

— Папа, не смей оскорблять Наташу,— вскричал я,— она спасла мне жизнь.

— Она сперва втравила тебя в историю,— стоял на своем папа,— а потом, согласен, спасла. А сон-то оказался вещим!

Я вспомнил, что мне снилось семь ночей подряд. Я протягиваю руки Наташе, как вдруг почва уходит у меня из-под ног, и я оказываюсь на земле. Но ведь там, во сне, эти каверзы подстраивает ее братец, а не Наташа. И вообще последние ночи я сплю как убитый.

— С сегодняшнего дня я против твоих встреч с этой особой, — пылко воскликнул папа. — И категорически против.

— Я и сам не буду больше с ней видаться, — сказал я.

Я поблагодарил папу за вкусный обед и напомнил:

— Давай не будем ждать дня рождения, подари мне сейчас боксерские перчатки.

— Ни сейчас, ни после, — папу всего передернуло. — Кир, все эти дни я мучительно думал. Да, мы живем в суровом веке. Но вся моя жизнь, мои принципы протестуют, я бы сказал, вопиют против боксерских перчаток.

— Папа, в твоем гуманитарном образовании есть существенные пробелы, — поддел я папу.

— Ты считаешь, что добро должно быть с боксерскими перчатками?

— Я считаю, что я должен быть с боксерскими перчатками.

Папа приуныл. Его система воспитания дала трещину.

— Я дал обет, пока не стану самым сильным в нашем дворе, до тех пор не взгляну на даму своего сердца.

Я заразился от папы любовью к пышным фразам и невольно перешел на его язык, думая, что это будет ему приятно, но папа был сегодня не в духе.

— Это чистейшее донкихотство.

— Папа, — не отставал я, — а у нас есть книги о самбо, дзюдо, джиу-джитсу?

— Нет и не будет, — папа был непреклонен.

В нашем доме было полно книг. Каждая комната была буквально завалена книгами. Книги стояли на полках, лежали на столах. Но среди этого книжного половодья не было книг, которые бы помогли мне стать самым сильным.

О том, что со мной произошло, мама, конечно, ничего не узнала. Мы с папой старались не беспокоить маму мелкими житейскими хлопотами. Школьные брюки я отнес в срочную химчистку, а папа постирал куртку.

Вечером мы с папой наблюдали за тем, как медленно движется к маминому рту ложка. Дошла благополучно — можно перевести дух и самим подкрепиться.

— Как дела дома? — не отрывая глаз от газеты, поинтересовалась мама.

— Отлично, — бодро и четко отрапортовал папа.

Еще одна ложка с супом завершила свое путешествие.

— А в школе? — задала новый вопрос мама.

— Превосходно, — я ни секунды не промедлил с ответом.

— Кир, что с тобой? — мама отложила газету и взглянула на меня.

Папа вскочил и засуетился возле мамы.

— Мамочка, пожалуйста, не принимай близко к сердцу.

— Ты постригся, — наконец догадалась мама.

— Да, — на всякий случай я изобразил на своем лице раскаяние, прекрасно зная, что повинную голову меч не сечет.

— Мамочка, не волнуйся, — утешал папа маму, — они быстро отрастут.

— Я совсем не волнуюсь, — спокойно сказала мама. — Наоборот, мне нравится твоя прическа, Кир.

— Мне тоже нравится, — вставил я.

— У тебя стал мужественный вид, — похвалила меня мама. — Да, а как простуда?

— Проходит, — небрежно бросил я.

— Ты хочешь сказать, — просиял папа, — что кудри ему не шли?

— Я хочу сказать, — растолковала мама, — что кудри хороши пятилетнему малышу, первоклашке, а мальчику, почти юноше — в самый раз короткая стрижка.

Но папу такие объяснения не устраивали. Он пыхтел, обиженный.

Я подумал, снова не пронесло. Кстати, в последнее время это случается довольно часто.

Я тихонько вышел из кухни, чтобы не мешать родителям выяснять отношения.

ВСЕОБЩЕЕ ПОСМЕШИЩЕ

Утром я посмотрел на свой нос и остался доволен. Нос сохранил статус-кво, то есть не уменьшился, к сожалению, и не увеличился, к счастью. А короткая стрижка сегодня мне шла еще больше, чем вчера.

В хорошем расположении духа я потопал в школу. Чудак, если бы я знал, что меня ждет, я бы уехал, куда очки глядят, или еще дальше.

На первом же уроке я стал замечать неладное. То и дело кто-нибудь из моих одноклассников оборачивался и бросал на меня выразительные взгляды. Честно скажу, что поначалу мне это любопытство было приятно. Ведь я никогда, к сожалению, не был популярной личностью, не купался в лучах славы. Я быстро понял, почему стал пользоваться всеобщим вниманием. Я изменил внешность, и, по существу, в классе появился новый человек, и всем захотелось с ним познакомиться.

Но вскоре назойливое любопытство одноклассников стало меня раздражать, а к концу урока и тревожить. Дело в том, что взгляды, которые бросали на меня ребята, были весьма стран-

ные. Если оборачивался мальчишка, он строил рожу. А если девчонка, то зажимала рот, чтобы не прыснуть со смеху.

На переменке все стало ясно. Мою новую прическу никто и не заметил. Меня окружили девчонки и с деланным сочувствием стали ощупывать, словно врачи безнадежно больного.

— Косточки вроде целы.

— Глазоньки еще видят.

— А головка варит или нет?

Я рассвирепел и отпихнул их.

— Что вы пристали к человеку?!

Девчонки отпрянули, а потом снова взяли меня в кольцо.

— Смотрите, — ехидно протянула Лялька, — он дерется, как лев.

Девчонки дружно засмеялись, а Света пожалела меня:

— Бедный носик — ему больше всего досталось.

Я в испуге схватился за свой нос. Что за ерунда — столько дней подряд изгаляться над моим носом.

— Ха-ха! — передразнил я девчонок. — Так смешно, что плакать хочется.

— Как тут не заплакать, — с постным лицом промолвила Алла, — если девчонка, в которую ты безумно влюблен, расквасила тебе нос.

Я похолодел. Девчонки так и покатались со смеху и быстро разбежались. Так вот оно что! Девчонки узнали, что Наташа разбила мне нос. Но кто им сказал? Наташа? Нет, никогда не поверю.

Ее братец — больше некому. Да, он единственный человек, который знал тайну разбитого носа. Но каким образом братец мог рассказать девчонкам?

Так я стал всеобщим посмешищем. То есть буквально все надо мной смеялись. Мальчишки показывали на меня пальцами и хохотали. Девчонки шушукались и хихикали.

А мне хотелось одного — удрать из школы сломя голову, не разбирая дороги. Но я удержался, хотя мне было очень плохо.

Раньше каждую перемену Наташа исчезала от меня, а я носился за ней как угорелый по школе, рыскал во дворе. Теперь все было наоборот. Едва звенел звонок, я срывался с места и удирал. Мне не хотелось видеть никого из одноклассников, а больше всего Наташу.

Я преодолел не одну сотню метров, я опускался и взлетал по лестницам. Попутно я узнал, какая большая наша школа. Если сложить все коридоры вместе, получится половина экватора.

Теперь мне надо было придумать, как улизнуть от Наташи после уроков. А что она увяжется за мной, я ни капельки не сомневался.

Я промучился весь урок в поисках выхода. Минут за пять до конца урока меня осенило. Вы смеетесь надо мной, какой я побитый. Так я из этого извлеку для себя выгоду.

Последний урок была история, а историчкой у нас была директор.

— Елизавета Петровна, — я поднял руку. — Я плохо себя чувствую, наверное, заболел. Отпустите меня домой.

Чтобы придать достоверность своим словам, я застонал. По классу побежали смешки.

— Ребята, не вижу повода для веселья, — строго сказала директор. — Вашему товарищу больно, а вы...

Лучше бы Елизавета Петровна этого не говорила, потому что весь класс так и покатился со смеху.

— Иди, Кирилл, — отпустила меня Елизавета Петровна, — а с вами, ребята, я вынуждена буду поговорить...

Я быстро сложил книги в сумку и покинул класс. На улице я вздохнул полной грудью. Наконец-то этот кошмар кончился.

Куда мне податься? Домой неохота. На стадион? Только не туда. Не очень веселые воспоминания связаны у меня со стадионом. Пойду в парк. Там сейчас мало народу, а мне как раз никого не хочется видеть.

Я свернул на покрытую булыжником улицу и направился к мостику, перекинутому через речку. На мостике я остановился и поглядел на рыбаков, сидевших на льду.

Неожиданно кто-то ловким движением стащил у меня с плеча сумку. Я обернулся — передо мной стояла смеющаяся Наташа.

— Как ты здесь очутилась? — я был ошеломлен.

Наташа вдоволь полюбовалась произведенным эффектом, а потом объяснила:

— Я испугалась, у тебя был такой несчастный вид, и попросила Елизавету Петровну: «Можно я провожу Кирилла, а то он сам не дойдет».

— Ты так и сказала: «... а то он сам не дойдет»? — едва дыша, прошептал я.

— Так и сказала, — ответила Наташа и спросила: — Тебе плохо?

— Лучше не бывает, — мрачно заметил я, — а что было после того, как ты сказала?

— Ничего, Елизавета Петровна меня отпустила, и вот я здесь.

Нет, Наташа определенно с Луны свалилась — ничего не понимает. Представляю, что там было после того, как Наташа вызвалась проводить меня. Какой поднялся хохот. Правда, Елизавета Петровна не дала им разгуляться, но потом, когда урок кончился, мальчишки и девчонки позубоскалили всласть, перемыли наши косточки.

Мы брели уже по аллее. Наш парк когда-то был самым настоящим лесом. А потом город окружил лес и превратил его в парк. Лесные дорожки стали асфальтированными аллеями, вдоль которых были расставлены скамейки.

Мы с Наташей очутились на дикой аллее. Она была совсем как лесная тропинка. Мы шли, спотыкаясь о корни деревьев, вдоль и поперек исполосовавших аллею. Под нашими ногами хрустел ледок.

Наташа как взяла у меня сумку, так и несла сразу две — мою и свою.

— Отдай, — попросил я. — Я сам понесу.

— Ты сегодня больной, — напомнила Наташа и добавила: — И совсем неразговорчивый.

Я ничего не сказал, а, сунув руки в карманы, пошел вперед.

— И вообще удираешь от меня целый день, как заяц, — в Наташином голосе прозвучала обида. — А мне надо с тобой поговорить, — Наташа повернулась ко мне боком. — Я не знаю, что со мной происходит. Я сегодня другая, чем была вчера. А завтра я буду совсем иной... Мне кажется, что я меняю кожу.

— Кошки не меняют кожу, — буркнул я.

— Я знаю, — сказала Наташа, и в ее зеленых глазах появились слезы, — но мне больно и хочется плакать.

Я растерялся и не знал, что ответить Наташе.

— Ой, мама, — воскликнула Наташа, плюхнула сумки прямо на землю и кинулась к аллее, на которую выходила наша тропинка.

Не сделав и двух шагов, Наташа остановилась. Я подошел к ней.

Наташина мама прогуливалась не одна. С нею был мужчина в светлом плаще и коричневом берете.

— Кто это? — спросила Наташа у меня, словно я и вправду обязан был знать все. Но на этот раз Наташа не ошиблась. Мужчина в берете показался мне удивительно знакомым. А когда я навел на мужчину свои подозрительные трубы, свои бинокли, а попросту очки, я узнал папу.

— Это мой папа, — не то сообщил, не то с некоторым недоумением произнес я.

— И правда, похож, — подтвердила Наташа, но навстречу маме не побежала.

Мой папа галантно держал Наташину маму под руку. И, не умолкая, говорил. До меня долетел ровный, точно шум водопада, гул папиного голоса. Свободной рукой папа беспрерывно жестикулировал, живописными мазками рисуя перед взором своей собеседницы воздушные замки. Как замороженная Наташина мама внимала моему папе.

Они прошли буквально в десяти шагах от нас и не заметили собственных детей.

Насколько мне известно, мой папа до сегодняшнего дня не был даже знаком с Наташиной мамой. Что же произошло?

— А кто твой папа? — Наташа проявила любопытство к моему родителю.

— Мой папа выступает по телевизору,— гордо объявил я и удивился: — Неужели ты его ни разу не видела?

Наташа покачала головой:

— А мой папа называет тех, кто работает на телевидении, болтунами, но твоего папу он не упоминал.

— Что ты все — папа да папа,— сказал я,— а мама кто у тебя?

— Библиотекарь.

— Мечта, а не работа,— протянул я.

Я вдруг вспомнил, что в комнате, где мне были устроены трехсерийные испытания, я не заметил ни одной книжки. Конечно, это комната Наташиного братца. Все правильно, сын в папу, а дочка в маму.

— Скажи,— спросил я Наташу,— а твой братец не ябеда?

— Он дерзкий, задиристый, драчливый,— Наташа с лукавой улыбкой перечисляла недостатки своего братца,— но не ябеда. Я ручаюсь.

Наташа подняла руку, словно давала клятву. Внезапно лицо ее изменилось. Наташа снова стала похожей на своего братца.

— Мне это уже начинает действовать на нервы,— Наташа глядела поверх моей головы.— Сейчас я им задам.

— Кому? — спрашиваю я и оборачиваюсь, хотя уже догадываюсь, кого сейчас увижу.

И точно. Притаившись в кустах,— одни лишь шапочки на виду — за нами наблюдают девчонки. Вспугнутые Наташей, они с визгом убежали. Наташа помчалась за ними, но вскоре вернулась.

— Не хочется руки марать,— презрительно бросила она.

— Кто там был? — спрашиваю я шепотом, хотя девчонок и след простыл.

— Лялька и ее подпевалы — Светка и Алка, они шпионят за нами от самой школы.

Я похолодел. Чего Наташа увязалась за мной? Кто ее просил?

— За что я не люблю девчонок? — бушевала Наташа.— За то, что сплетничают, шушукаются, ябедничают, а вот мальчишки другое дело — честно и открыто говорят правду.

— Ты извини меня,— бормотал я, не подымая на Наташу глаз,— я только сейчас вспомнил, что меня ждет Саня. Мы с ним договорились. Важное дело. Очень приятно было провести с тобой время. Извини, до свидания.

Я подхватил сумку и, очертя голову, помчался прочь из парка.

Девчонки следили за нами от самой школы. Сегодня я был выставлен на всеобщее посмешище. А что будет завтра?

Но завтра ничего не произошло, потому что начались каникулы. Все-таки мне повезло. За неделю Лялька забудет, что видела нас с Наташей в парке. Мой нос придет в норму, и исчезнет повод меня дразнить. И вообще все будет хорошо. Мы с Наташей помиримся. Впрочем, чего нам мириться, если мы не ссорились? Но пока лучше с ней не встречаться.

Пару раз папа сводил меня в театр, а все остальное время я провалялся на диване, читая книги. Когда однажды я совсем одурел от чтения, я вспомнил о Сане. Мой друг на каникулах тренировался с утра до вечера — ведь не надо было ходить в школу.

Я поехал на стадион. Под трибунами был зал, и там гоняли мяч мальчишки. Саню я увидел сразу. Он был, как и все, в синих трусах и белой майке, но чуточку поменьше ростом. Вместе с мальчишками бегал невысокий юркий тренер в спортивном костюме с буквой «Д» на груди. Он был всегда там, где оказывался мяч. Я узнал его — это был Санин папа.

Я присел на низкую скамейку у стены и решил подождать, пока кончится тренировка.

Санин папа свистнул, и все мальчишки сгрудились вокруг него.

— Я хочу показать вам редко исполняемый прием — удар через себя в падении. Это очень коварный для противника удар.

Санин папа стал спиной к воротам.

— Саня, пасни, — велел он сыну.

Саня мягко, щеточкой, набросил мяч отцу на ногу. Санин папа подпрыгнул, взлетел над площадкой, взмахнул ногами. Вратарь даже не шелохнулся, а мяч очутился в сетке.

Я не утерпел и захолопал. Великолепный удар! По телевизору ничего подобного не увидишь.

Санин папа повернулся ко мне с недовольным видом. Мол, кто пустил на тренировку посторонних? Может, они отработывают домашние заготовки, а посторонние могут выдать их секреты командам противника.

Я уже хотел объяснить Саниному папе, что я вовсе не посторонний, а, наоборот, сосед и друг его сына, и, по-видимому, он меня просто не узнал и что я вовсе не собираюсь выдавать их тайны соперникам. Но за меня уже вступился Саня и все растолковал отцу. Санин папа улыбнулся и помахал мне рукой, из чего я заключил, что могу сидеть на скамейке, сколько угодно, а также могу аплодировать, сколько захочется.

Саня подбежал ко мне:

— Что случилось?

— Пришел посмотреть, как ты тренируешься, — ответил я.

Ребята принялись разучивать оригинальный прием, а Санин папа подошел ко мне. Сверкнув золотыми зубами, он крепко пожал мне руку.

— Не узнал, редкий гость в нашем зале.

— Николай Иванович, возьмите меня в свою команду,— выпалил я.

Теперь я понял, для чего пришел на стадион — ну ясно, для того, чтобы записаться в команду Санинного папы, чтобы стать сильным, смелым и ловким, короче говоря, чтобы стать настоящим мужчиной.

Моя просьба смутила Санинного папу.

— Видишь ли, Кирилл, это не так просто,— замялся Санин папа и за подмогой повернулся к сыну.

— Это же динамовские юниоры,— объяснил мне Саня то, что я и так прекрасно знал.— Я же сам тут на птичьих правах.

— Я понял, что ты хочешь заняться спортом? — спросил Санин папа.— Мы через три дня отправляемся на сборы. А вот когда вернемся, потолкуем. Я тебе обещаю свою помощь.

— Значит, через три дня на берегу Черного моря? — спрашиваю я.

— Да, билеты у меня в кармане,— похлопал себя по груди Санин папа.

— А мама — как? — осторожно поинтересовался Саня.

— При чем тут мама? — хорохорился Санин папа.— Я тебя беру, и весь разговор.

Воспользовавшись тем, что тренер не следил за ними, мальчишки лениво перебрасывали мяч друг дружке. Санин папа свистнул и побежал на поле. Все сразу закипело и закрутилось.

— Я тебя подожду,— сказал я Сане, и мой друг тоже включился в тренировку.

Мальчишки стали отрабатывать удар через себя в падении. Но ни у кого толком этот коварный для соперника удар не получался. То один зафутболит мяч под самую крышу, то второй вообще промажет по мячу, а третий подпрыгнет, упадет и растянется на земле.

Санин папа был терпелив и уже, наверное, десятый раз демонстрировал, как надо провести этот коварный для противника прием. После каждого удара Санинного папы мяч, естественно, оказывался в сетке.

Я подымался и аплодировал. Моему примеру следовали и футболисты. Они хлопали бесшумно. Так стучат смычками по пюпитрам артисты оркестра, приветствуя выступление солиста.

Санин папа сдержанно раскланивался, а потом решительно свистел. Мол, тренировка продолжается.

Недавно Санин папа играл в команде нашего города, его приглашали в сборную. Особенно его любили мальчишки. Иг-

рал он азартно, смело, не щадил себя. В общем, играл, как мальчишка.

Наконец, на ударную позицию вышел Саня. Папа набросил мяч сыну, но ударить тому не пришлось. Потому что раздался свисток. Почти у меня над ухом.

Санин папа сердито повернулся — кто мешает ему проводить тренировку? Но тут же его лицо расплылось в улыбке. У входа в зал стояла Санина мама. Во рту у нее торчал судейский свисток, а в руках она держала битком набитые сумки.

Я встал и поздоровался с Саниной мамой. Она была удивлена, что увидела меня здесь.

— Пришел поболеть за Саню,— объяснил я.

Подбежал к маме и Саня.

— Повторял пройденное? — строго спросила мама.

— Само собой,— махнул рукой Саня.

— Когда? — не отставала мама.

— В перерыве между таймами.

— У нас вся жизнь в перерыве между таймами,— пожаловалась мне мама и снова взяла в оборот своего сына.— Вот бери пример со своего друга — отличник, гордость школы, родители не знают с ним забот.

— Беру,— Саня выудил из маминой сумки яблоки, одно протянул мне, а от другого тут же откусил.

— Они же грязные, немедленно помой,— возмутилась Санина мама, которая была хоть и спортивным, но все-таки врачом, а потому панически боялась всякой заразы.

Саня побежал мыть яблоки. К маме подошел папа. С появлением мамы, как я понял, тренировка окончилась.

— Мы сейчас, только переоденемся,— сказал папа и попробовал поцеловать маму. Его первая попытка не увенчалась успехом. Мама — дородная женщина — была на голову выше папы. Но папа не сдался. Со второй попытки он дотянулся и запечатлел поцелуй на маминой щеке.

Потом Санины родители сели в «Жигули» и поехали домой, а мы с Саней, пожевавывая яблочки, пошли пешком.

— Саня, а вашей команде подавальщики мячей не нужны? — с надеждой спросил я.

— Нет, не нужны,— Саня разочаровал меня.— Мы хоть и без пяти минут профессионалы, но мячи подаем сами.

— Жаль, я бы здорово подавал мячи.

— Не хочется в школу идти? — догадался Саня.

— Не хочется,— признался я другу.

— Из-за Наташки? — напрямую спросил Саня.

Мне было известно, что Саня знает меня как облупленного. Но сейчас он попал в самую точку, то есть в девятку.

— Почему из-за Наташки? — смутился я.— У нас с ней нормальные отношения.

— Ничего себе — нормальные отношения, — Саня дожевывал яблоко и выбросил огрызок в урну. — Она тебя лупит почему зря, а ты улыбаешься.

— Откуда тебе известно?

— Слухами школа полнится, — Саня повертел по сторонам головой и перешел на шепот. — Нельзя им поддаваться, а то знаешь, что будет...

— Не знаю, — невольно я тоже зашептал.

— Матриархат, — с трудом выдавил из себя Саня.

— Что? — поразился я.

Тогда впервые было произнесено это слово, казалось, навсегда погребенное в пыли веков и оставшееся лишь в учебниках по очень древней истории.

— Ма-три-ар-хат, — раздельно, по слогам, словно несмышленишу, повторил Саня.

— Это когда всем заправляли женщины? — переспросил я.

— Они, бабы.

— Так когда это было? — присвистнул я. — При царе Горохе.

— Матриархат возвращается, — стоял на своем Саня. — Ну-ка Расскажи, как тебя отдубасила Наташка?

— Ну уж отдубасила, — обиделся я, но все-таки рассказал Сане, какие испытания мне устроила Наташа, как она храбро одолела трех хулиганов.

Саня не разделял моих восторгов.

— Вот до чего дошло, — мрачно заключил он. — Видишь, как они готовятся? А мы? Где рыцари? Я спрашиваю, где настоящие мужчины? Где?

— Полным-полно, — я был оптимистом.

— Назови мне хоть троих, — спокойно произнес Саня и поднял вверх руку, готовый загибать пальцы.

— Пожалуйста, номер один — твой папа, — быстро сказал я. — Чем не настоящий мужчина?

Саня поколебался, но палец все-таки не загнул. Как сын, он не комментировал свое решение.

— Номер два, мой папа, — продолжал я.

Саня проделал у меня перед носом какие-то манипуляции с пальцами, и когда через мгновение глянул на его руку, то убедился, что мой друг и не собирался причислить моего папу к лику настоящих мужчин.

— Наташин папа, — наконец вспомнил я.

Саня с удовольствием загнул на руке палец.

— Как видишь, всего один. А мальчишки? Настоящие пацаны, где они? В нашем классе, например?

Я уже хотел показать на него, но Саня, как и подобает настоящему мужчине, был скромным.

— О присутствующих умолчим.

Я перебирал одного за другим мальчишек из нашего класса, и у каждого находился какой-нибудь недостаток. Наконец, в растерянности я уставился на Саню.

— Правильно, Наташа, — Саня высказал вслух мои мысли. — Единственный пацан в нашем классе — это девчонка. Вот до чего мы дожили.

Подавленный Саниной логикой я позорно молчал.

Остаток пути до нашего дома мы прошагали не разговаривая.

Я не мог до конца поверить Сане. Слишком мрачную картину он нарисовал.

Но совсем скоро я убедился, насколько был прозорлив мой друг.

ЗАГОВОР РОДИТЕЛЕЙ

У моего папы было семь пятниц на неделе.

— Ты Наташу видел на каникулах? — спросил папа, обнаружив, что я вновь лежу на пузе и читаю книгу.

— Нет, — ответил я.

— Почему? — удивился папа.

— Но ты же мне сам запретил, — напомнил я. — И притом — категорически.

— Ах, да, — папа покраснел.

К сожалению, нет ничего приятного в том, что тебя уличают в непоследовательности.

— Впрочем, я был уверен, что ты нарушишь мой запрет, — папа склонил голову, предоставив мне возможность полюбоваться лысиной, обрамленной рыжими волосами, словно картина багетовой рамкой. — Каюсь, я был неправ.

А потом папа вскинул голову:

— Спешу, она тебя ждет.

Я, конечно, знал, откуда ветер дует. Ведь неделю назад мы с Наташей встретили в парке наших родителей. Вероятно, мой папа и Наташина мама о чем-то договорились. О чем? Вот это я и хотел узнать и потому даже не пошевелился, когда папа произнес очередное мудрое изречение.

— Она меня не хочет видеть, — нарочно передразнил я папу.

— У меня совершенно другие сведения, — растерялся папа. — Наташа не ест, не пьет, тоскует без тебя.

— Откуда у тебя такие сведения? — напрямик спросил я.

— Неважно, — папа вновь ушел от ответа. — Главное, что девочка с утра до вечера твердит твое имя... А ты прилип к дивану, лентяй ты этакий. Да я в твои годы готов был день и ночь стоять у дома любимой девочки и ловить мгновение, когда она появится в окне. Да я...

— Она с Саней хочет дружить, — я вставил реплику в папин монолог и тем самым бесцеремонно прервал его воспоминания.

— Да при чем тут Саня? — вновь вскипел папа. — Галина Константиновна мне сказала, что Наташа впервые произнесла имя мальчика, и это твоё имя.

— А кто такая Галина Константиновна? — невинно поинтересовался я, и папа тут же попался на мою удочку.

— Наташина мама...

Папа спохватился, но было поздно. Он понял, как мудра поговорка, утверждающая, что слово не воробей...

Я не наслаждался своей победой, я терпеливо ждал, когда папа поведаёт чистую правду.

— Нет, хранить тайну — это выше моих сил, — рассмеялся папа. — Вытянул ты из меня ценные сведения. Ладно, слушай, все тебе расскажу.

Огорченный сверх всякой меры тем, какие мучения терпит его единственное чадо (то есть я), папа решил поставить точки над «и», или, проще говоря, выяснить отношения.

Сперва папа хотел нанести ответный визит Наташиному папе и поговорить с ним как мужчина с мужчиной. Но потом передумал. Папе показалось, что его доводы Наташин папа не поймет. А потому папа решил встретиться с Наташиной мамой. Он знал, что пользуется особой популярностью у телезрительниц.

Папа позвонил Наташиной маме в библиотеку, и они договорились о встрече в парке. Там мы их с Наташей и видели.

Наташина мама и мой папа оказались одного поля ягоды. Больше всего на свете они любили театр и поэзию. Естественно, что Наташина мама читала все папины статьи, не пропускала ни одного его выступления по телевизору.

И потому поначалу разговор вертелся вокруг театральных новостей. Но вскоре мама наступила на горло собственной песне, то есть она спохватилась, что такой занятый человек, как мой папа, выкроил из своего драгоценного времени часок вовсе не для того, чтобы поболтать о милых пустяках, вероятно, его привела серьезная забота.

Папа согласился, но, может, впервые в жизни не знал, с чего начать. Ведь он шел, чтобы пожаловаться маме на дочку, которая расквасила нос его сыну и вообще пыталась толкнуть его на кривую дорожку.

Папа ожидал увидеть маму, очень похожую на Наташиного отца, а встретил тонкую поэтичную натуру.

Начал папа с того, что у него есть сын. Оказалось, что мама меня знает, так как она тут же воскликнула: «Милый, славный юноша».

Ободренный маминой поддержкой, папа поведал своей слушательнице душераздирающую историю о том, что его сын

безнадежно влюблен в ее дочь, что он сохнет, чахнет, а также тает на глазах, одна кожа да кости остались.

В этом месте своего правдивого рассказа папа глянул на мою пухлую физиономию и запнулся. Да-а, переборщил. Вот уж действительно, ради красного словца папа не пожалел и родного сына.

Наташина мама была в восторге от того, что слышала от моего папы. Разумеется, она не ликовала от того, что я сохну и чахну. Наташина мама со слезами на глазах произнесла загадочную фразу: «Я ждала этого мгновения всю жизнь».

На что папа со всем присущим ему тактом подхватил, что он тоже рад этому, но тут же вспомнил про Наташу, которая не только не проявляет никакого восторга, а, наоборот, встречает меня с боксерскими перчатками наперевес.

Для мамы в этом не было никакой тайны. Правда, она не подозревала, что дело зашло так далеко. Но, к сожалению, мама на дочь не имеет никакого влияния.

Наташина мама поведала моему папе историю своей жизни, в которую папа не стал меня посвящать из-за педагогических соображений. Он сказал лишь, что эта женщина заслуживает лучшей судьбы.

По моим глазам папа догадался, что до меня дошло не все, а потому попытался объяснить попроще, как разжевывают маленьким детям:

— Злой волшебник заколдовал прекрасную принцессу и превратил ее в спящую красавицу. Снять с нее заклятье может лишь отважный принц, то есть ты. Короче говоря, вставай и иди, она ждет тебя.

— Кто? — переспросил я.

— Принцесса, то есть Наташа.

Папа сам запутался и запутал меня. Но я сразу раскусил, кто такой злой волшебник. Конечно, это Наташин братец. Вот с кем настал черед сразиться по-мужски.

Папа прав. Хватит валяться на диване. Пора действовать.

Я вскочил на ноги и необыкновенно ярко представил себе, точно это было вчера, как я улепетывал, не разбирая дороги, от Наташи в парке. Что я натворил?! Я бросил Наташу одну, в лесу темной ночью на растерзание диким зверям! И это после того, как она вызвалась меня проводить, искренне считая, что сам я не дойду. Конечно, из-за Наташи я стал всеобщим посмешищем. А впрочем, почему из-за Наташи, а не из-за себя? Если бы я перестал обращать внимание на насмешки, они тут же бы прекратились.

Нет мне никаких оправданий! И не смягчает мою вину то обстоятельство, что я оставил Наташу среди бела дня в парке, который находится в центре города и в котором водятся одни безобидные белки.

А что, если она до сих пор не выбралась оттуда?

Я кинулся к телефону и набрал Наташин номер. На мое счастье, трубку взяла Наташа.

— Ты жива? — от радости я поглупел.

— Жива, — сдержанно ответила Наташа.

— Это Кирилл говорит, — сообщил я.

— Я узнаю, — Наташа все еще не оттаивала.

— Слушай, — крикнул я в трубку. — Я поступил по-свински. Прости меня.

Наташа не умела долго таить обиду.

— Ладно, чего там, — я почувствовал, что Наташа улыbnулась. — Мама с тобой хочет познакомиться. Приходи к нам в гости.

— Спасибо, — я обрадовался, что мы помирились с Наташей, но добавил повелительно: — А теперь позови своего брата!

— А зачем он тебе? — фыркнула Наташа.

Наташу забавляло всякое упоминание о ее братце. Добрая душа, она и не догадывается, что тот ее околдовал.

— Мне надо поговорить с ним как мужчина с женщиной, — в моем голосе зазвучал металл.

— Ой, как страшно, — рассмеялась Наташа.

— Передай ему, что, если он не трус, пусть выйдет во двор, — решительно произнес я и повесил трубку.

Когда я одел куртку, папа протянул мне белые и алые гвоздики.

— Зачем? — удивился я.

— В дом, где есть женщины, — сказал папа, — без цветов не ходят.

Я не сказал папе, что, прежде чем я войду в дом, где есть женщины, я должен спуститься во двор, чтобы выяснить отношения с одним малосимпатичным мальчишкой.

С трех сторон наш двор окружали высокие дома, а с четвертой раньше было свободное пространство. А теперь стояли гаражи. Мальчишки любили это место, здесь пахло бензином и дальними дорогами. Кстати, тут был гараж Наташиного отца.

Возле гаражей с букетом цветов я и ждал Наташиного брата. Небо заволкло тучами и стало темно.

Наконец, тот появился. Даже куртку сестры надел, чтобы меня разжалобить. Нет, все-таки удивительно, до чего они похожи. Одно лицо.

— Чего тебе? — привычно буркнул он и вдруг увидел цветы. — Это мне?

— Нет, — я спрятал гвоздики за спину. — А как тебя зовут?

Я и вправду не знал его имени. Мой вопрос почему-то застал его врасплох.

— Меня? — переспросил он. — Н... Николай, Коля...

— Кирилл,— я пожал ему руку и машинально добавил: — Очень приятно познакомиться.

— Ты что, позвал меня знакомиться? — подковырнул меня братец.

Точно так ехидно спрашивала и Наташа. Так вот откуда у нее эти замашки. Все дурное у Наташи от ее братца.

— Нет, я позвал тебя сказать, что, если ты будешь распускать сплетни про меня и твою сестру, я не погляжу, что ты ее брат и... — я остановился, так как и сам не знал, что с ним сделаю.

— Что и...? — скривился он.

— Я вызову тебя на дуэль,— выпалил я.

— Ой, напугал,— до братца, похоже, ничего не доходило.

— Я понимаю, тебе наплевать, что позорят мое имя,— я удержался и не наkostenял ему,— но ты подумай о своей сестре, неужели она тебе не дорога?

— Дорога,— братец перестал кривляться.— Пстой, а про какие сплетни ты говоришь?

— Не прикидывайся, сам знаешь. В общем, я тебя предупредил...

Я гордо кивнул и отправился домой к Наташе. Братец налетел на меня сзади, заломил руку и прошипел:

— А ну рассказывай, что за сплетни...

— Отпусти,— занял я от боли. Вот остопоп, вызвал на свою голову братца.— Весь класс смеется, что Наташа расквасила мне нос.

— И это все? — братец тут же отпустил руку.

— А тебе мало? — я потер руку.— Девчонки хихикают, мальчишки ржут...

— И поэтому ты в тот день убежал от... нее? — протянул братец.

— Я не хотел давать лишнего повода для насмешек,— попытался я объяснить.

— Ты трусил, и нет тебе оправданий,— разозлился братец.— Теперь понятно, почему ты бросил... ее одну, когда увидел девчонок.

— И это ты знаешь? — поразился я.

— Двинул бы тебе по роже, да руки марать не хочется. Что за мальчишки пошли, в сто раз хуже девчонок!

Он плюнул, повернулся и ушел. Я огляделся по сторонам — не видел ли кто-нибудь нашу стычку. Но вокруг не было ни души.

И чего братец так взъярился? Я ощущал в его гневе правоту. Мне он даже понравился сегодня, хотя я его и обещал покотить.

К счастью, цветы не пострадали. Я освободил гвоздики от целлофана и пошел спасать Наташу.

Теперь я понимаю, что мой папа и Наташина мама устроили против собственных детей заговор. Если вы видели в театре или по телевизору «Ромео и Джульетту» или слышали о повести, печальней которой нет на свете, вы поймете, что затеяли заговорщики. Но если средневековые родители запрещали свидания влюбленным, наши мама и папа, наоборот, устроили дело так, чтобы мы могли видеться.

Ну что ж, новые времена — новые песни.

ТАИНА БРАТЦА

Папа оказался прав — меня ждали. Дверь мне открыла Наташина мама.

— Кирилл? Какой сюрприз! Заходите, мы рады вас видеть.

Что за страсть у родителей устраивать театральные представления? Ведь мой папа договорился с Наташиной мамой, что я приду сегодня в гости, и даже цветы по этому случаю приобрел. При чем же тогда сюрприз?

— Вам, — я протянул маме цветы.

— Спасибо, — зарделась мама. — А Наташа сейчас придет, побежала за тортом. Вы проходите в комнату.

Я вошел в большую комнату и увидел шкафы с книгами. Интересно, почему я их не заметил в прошлый раз? Наверное, Наташа слишком быстро утащила меня в комнату своего брата.

Я вспомнил, что Наташина мама библиотекарь. Я тоже хотел бы стать библиотекарем. Какая прекрасная работа — сам читай книги и давай читать другим. Но я ни разу не встречал, чтобы хоть один мужчина был библиотекарем. Так что, наверное, моя мечта никогда не сбудется.

Резко хлопнула входная дверь. Послышались быстрые шаги. Я напрягся, но продолжал глазеть на корешки книг и ничего не видел.

— Наташа, посмотри, какой у нас гость!

Я обернулся — в комнате была только Наташина мама.

— Тоже мне — гость! — фыркнула Наташа (или ее братец?) за дверью комнаты, которая стала свидетелем моего позора.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге возникла Наташа.

Я открыл рот от удивления. В длинном до пят светлом платье, в том самом, в котором она мне снилась, Наташа была прекрасна. Она сделала несколько шагов по направлению ко мне и остановилась. То ли от смущения, то ли с непривычки — не каждый же день облачаешься в длинное платье.

Полюбовавшись произведенным эффектом (у них с моим папой общая страсть ко всякого рода театральным штучкам), Наташина мама пригласила:

— Кирилл, садитесь за стол, будем пить чай. А ты, Наташенька, принеси варенье, клубничное, на верхней полке стоит. Кирилл, вы любите клубничное варенье?

— Люблю.

Я покорно сел, и мама налила мне чаю.

— С вашим отцом я познакомилась всего неделю назад.

Кирилл, вы любите покрепче?

— Да, пожалуйста,— кивнул я.

На кухне раздался грохот. Я вздрогнул, а мама даже ухом не повела.

— Конечно, заочно я знала вашего отца очень давно.

В комнату, неуклюже топая, ввалилась раскрасневшаяся Наташа и бухнула банку с вареньем на стол.

— Эта? — спросила Наташа и раздраженно добавила: — В этом платье я шагу не могу ступить.

— Спасибо, доченька,— с той же невозмутимостью мама принялась раскладывать варенье по вазочкам.— Вы знаете, Кирилл, мне кажется, что на телевидении ваш отец нашел себя. Ведь он не только о театре беседует, он страстно говорит о самом главном в жизни человека, о его духовном мире, о том, что делает человека человеком.

— Кстати, скоро его выступление,— прихлебывая чай, сообщил я.

— Я помню,— кивнула мама,— мы обязательно включим.

— Мам,— подпустила шпильку Наташа,— а чего ты его на «вы» называешь, мы же с ним в одном классе учимся?

Какая ее муха сегодня укусила? А если братец выдал ей тайну нашего разговора? Нет, это невозможно. Кстати, где он? А вообще хорошо, что его нет.

— Угощайтесь, Кирилл,— мама пропустила мимо ушей ехидное замечание дочери и придвинула ко мне вазу с пряниками.— К сожалению, Наташа не достала торта.

— А потому лопай пряники,— брякнула Наташа.

На этот раз не выдержала терпеливая мама и неодобрительно покачала головой.

— Я очень люблю пряники,— подал я реплику, чтобы разрядить обстановку и храбро отправил пряник в рот, но укусить его не смог, как ни старался — булыжник и тот мягче.

— Что, зубки шатаются? — поддела Наташа.

Нет, определенно братец настрополил ее против меня. Эх, ябеда несчастная! Но когда он ушел? Я сразу после разговора с ним отправился домой к Наташе, а она в это время бегала за тортом.

Я опустил пряник в чашку. Пряник размяк и уже был мне по зубам.

— Ваш папа сказал мне, что вы любите стихи,— мама бросила взгляд на дочку.

— Люблю,— я тоже посмотрел на Наташу.

— Вы знаете, я появилась на свет в маленьком старинном городке,— неожиданно предалась воспоминаниям Наташина мама,— где в минувшем веке родился великий поэт. Там прошло мое детство. Мы знали все стихи нашего земляка на память. Мы окунались в поэзию, как в воды озера, на берегу которого стоял наш городок. Сам воздух у нас был напоен поэзией. И мне кажется, что люди в нашем городке были добрее, ласковее друг к другу. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь совершил подлость, обидел человека.

Подперев руками голову, Наташа слушала маму. И хотя мама вроде бы обращалась ко мне, я понял, что все это предназначено для Наташиных ушей. Нет, разумеется, и мне о своем детстве мама рассказывает, но, главным образом, ей, своей дочери. Я еще тогда удивился, неужели Наташа не знает, где родилась ее мама.

— Мам,— подала голос Наташа,— а ты знаешь эти стихи?

В оконном стекле отражаясь,
По миру идет не спеша
Хорошая девочка Лида.
Да чем же она хороша?

Мама кивнула и, полузакрыв глаза, продекламировала до конца:

Так Пушкин влюблялся, должно быть,
Так Гейне, наверно, любил.

Удивительное дело — достаточно было прочесть одно стихотворение, как в комнате что-то неуловимо изменилось. То ли в форточку проник ветер, то ли сунуло свой любопытный нос бредущее на закат солнце, но в комнате посветлело.

И Наташа переменилась на глазах. Вернее, в ней исчезло все, похожее на ее братца, и она вновь стала прежней Наташей.

— Мам,— позвала Наташа и сама вздрогнула — до того тихо стало, как в лесу, ни машин, ни людей не было слышно.

— Ау,— откликнулась мама.

— Мам,— спросила Наташа,— а откуда я знаю это стихотворение? Я уверена, что никогда не читала и не слышала его, а знаю.

Мама счастливо рассмеялась:

— Оно передалось тебе по наследству... от меня,— мама встрепенулась: — Ой, передача уже началась. Доченька, включи, будь добра, телевизор.

Ставшая послушной Наташа нажала кнопку, и, словно по мановению волшебной палочки, на экране возникла папина физиономия.

— Добро победит зло,— говорил мой папа,— почти как в сказке... Но сколько еще синяков и шишек получают наши герои, борясь за правду, защищая добро.

В замке щелкнул ключ, и в комнату шумно вошел Наташин отец.

— Папа! — бросилась к нему Наташа.

На лице у пещерного жителя появилось человеческое выражение — губы его растянулись в подобие улыбки. Я подумал, что сейчас он обнимет горячо любимую дочку, нежно прижмет к груди, а Наташа повиснет у него на шее и задрыгает от радости ногами. Ничуть не бывало. Наташа лишь на мгновение уткнулась носом в кожаный пиджак отца, а тот похлопал ее по спине. И на этом закончились все телячьи нежности.

— А, у нас гость?! — пещерный житель, наконец, узрел и меня.

Я неожиданно почувствовал, что очутился на необитаемом острове среди людоедов. Сейчас они разожгут костер, поджарят меня и съедят. Или не будут разводить канитель и слопают в сыром виде. Что для меня удобнее? В сыром виде, наверное, предпочтительнее — меньше буду мучиться.

У пещерного жителя, очевидно, сегодня было несварение желудка — есть меня ему расхотелось.

— Что вы смотрите? — полюбопытствовал отец.

— Папа Кирилла выступает, — объяснила Наташа.

— Согласитесь, — вещал между тем мой папа, — что это не так уж мало, простые человеческие чувства — доброта, участие, любовь, — в наш механизированный век.

— А футбола нет сегодня?

Наташин отец стал нажимать на кнопки. По второй программе пели, по третьей танцевали. Тогда отец совсем выключил телевизор, сказав, что он устал от шума на работе.

— Я пойду, — вскочил я. — Спасибо за угощение.

— Куда ты торопишься? — отец силой усадил меня.

Мама молча налила мужу чай. У пещерного жителя сегодня было изумительное настроение. Он не только не слопал меня, но и захотел со мной поговорить.

— О чем у вас шла беседа?

— О стихах, — ответила Наташа.

— Ты любишь стихи? — обратился ко мне отец. — Хорошее занятие для бездельников. О твоих спортивных успехах я уже слышал. А вот что ты умеешь делать? Гвоздь в стенку забьешь? Утюг починишь? Машину ты водить можешь?

Пещерный житель в два глотка осушил чашку чая, достал из кармана пиджака брелок с ключами помахал ими перед своим носом.

Наташа уставилась на ключи с восторгом, наверное, так глазели дикари на бусы, которые им привозили белые колонизаторы. Как она была похожа на своего братца и как я ненавижу ее в это мгновение! Значит, она всем растрезвонила о том, как я лежал в нокауте.

— Покатаемся? — предложил отец Наташе.

— Я мигом, — девочка метнулась в свою комнату, но на пороге остановилась: — Папа, давай возьмем Кирилла.

— Спасибо, мне пора домой, родители беспокоятся,— поспешил я решительно отказаться, потому что мне совсем не хотелось с ними кататься.

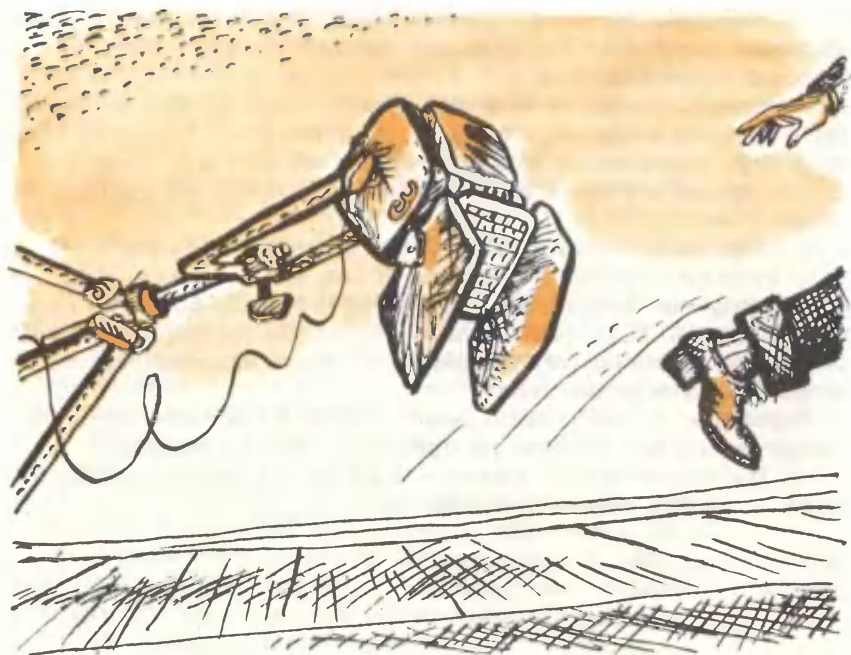
Наташа скрылась в комнате, а через минуту оттуда выскочил ее братец в джинсах и кедах. Или это была Наташа? Проскользнув мимо меня, она (или он?) показала мне язык.

Пещерный житель с Наташей (или с ее братцем) укатали на автомобиле.

И вдруг мне стало не по себе. Кошмар пополам с ужасом! Не было никакого братца у Наташи! Я сам его выдумал. Я не хотел верить, что Наташа бывает грубой и резкой, и потому сочинил ее братца. И, значит, только что самой Наташе я говорил о сплетнях, которые распространяли о нас в классе. Было ей от чего взбелениться на меня!

Вероятно, я побледнел, потому что Наташина мама, по своему поняв мое состояние, принялась меня утешать:

— Не отчаивайтесь, Кирилл! Еще не все потеряно. Мы победим — за нас мировая литература.

Часть вторая. САНЯ.

РАЗБИТОЕ ОКНО

Это случилось перед вторым уроком.

В класс влетела Лялька. Она ревела, закрыв лицо руками. Следом за Лялькой вошла Наташа и велела Ляльке:

— А теперь расскажи всем правду.

Лялька отняла руки от заплаканного лица, и мы ахнули. Под глазом у Ляльки темнел синяк. Я сразу все понял — Наташа отомстила Ляльке.

— Наташа и Кирилл гуляли по стадиону, — словно повторяя заученный урок, занудливо затянула Лялька, — а я за ними наблюдала.

— Ты за нами шпионила, — перебила ее Наташа.

— Я за ними шпионила, — покорно согласилась Лялька. — К ним пристало трое хулиганов. Кирилл защищал Наташу, и они вдвоем прогнали хулиганов. Один из хулиганов ударил Кирилла по лицу. Вот такая правда. А раньше я говорила неправду, распространяла сплетни.

— Вот такая правда, — повторила Наташа, — а вы сплетничали, как старые бабы.

Девчонки и мальчишки молчали. Всклипывая, Лялька села на свое место. С сознанием исполненного долга Наташа глянула на меня. Видишь, говорил ее взгляд, я восстановила справедливость. Вижу, ответил я, но что ты натворила?

Едва начался урок, Ляльку и Наташу вызвали к директору. Я сидел как на иголках. По всем законам вместо Наташи на скамье подсудимых должен был находиться я. Я один во всем виноват. Я рассказал Наташе о сплетнях, которые кружили вокруг нас, и тем самым подбил ее на драку, так сказать, вложил ей в руки оружие.

До конца урока ни Лялька, ни Наташа так и не появились.

На перемене я вертелся возле кабинета директора. Я хотел поговорить с Елизаветой Петровной наедине, но у нее было полно народу.

Я видел, как в кабинет директора прошли Наташины родители. Мама была совершенно расстроена, и даже хладнокровный отец вроде бы задумался.

Девчонки и мальчишки всюю обсуждали происшествие. Как нередко бывает в таких случаях, возникали самые невероятные слухи.

Говорили, что Ляльку в тяжелом состоянии отвезли домой, а ее родители подали на Наташиных родителей в суд. Рассказывали также, что состоялся экстренный педсовет, который единогласно исключил Наташу из школы.

Лялька и вправду не появилась больше в классе, а Наташа, как ни в чем не бывало, сидела на следующем уроке.

Тогда родилась новая версия — родители Наташи упростили директора не портить характеристику их дочери и перевели ее в другую школу.

— Что там говорили у директора? — спросил я, когда мы с Наташей вышли на перемене во двор.

— Ничего интересного, — махнула рукой Наташа.

— Зачем ты ее кулаками? — я отвел глаза в сторону.

— А чем прикажешь? — разозлилась Наташа.

— Словами, — доказывал я.

— Ляльку словами не проймешь, — убежденно произнесла Наташа и ехидно добавила: — Между прочим, я отомстила той, которая порочила твоё честное имя.

Наташа вспомнила почти слово в слово мое обвинение ее братцу, то есть ей самой. Вот накачала мускулы, накопила силу и не знает, что с ней делать.

— Но ты понимаешь, что тебя могут исключить из школы? — чуть не крикнул я.

— Когда я вступалась за честь мальчишки, я не думала о том, что мне за это будет, — вскипела Наташа. — Папа сказал, что ты написал мне письмо.

— Написал, — я похлопал по карману пиджака.

С тех пор я письмо всегда носил с собой. Может, представится удобный случай и я отдам свое послание Наташе.

— Ты обещал в письме, что ради меня своротишь горы, повернешь реки вспять, достанешь звезды с неба, и вообще пойдешь за меня в огонь и в воду? — тихо спросила Наташа.

— Обещал, — кивнул я, хотя я писал, что в трудную минуту она может на меня опереться. Если подумать, это и означает — своротить горы, повернуть реки вспять, достать звезды с неба и, конечно, пойти в огонь и в воду.

— Можешь порвать свое письмо на мелкие кусочки.

Наташа гордо удалилась. Обиделась, огорчился я. А того не знает, что я единственный на свете человек, который ей в состоянии помочь.

Елизавету Петровну мне удалось застать лишь после уроков.

— Наташа ни в чем не виновата, — выпалил я, не поздоровавшись. — Это я толкнул ее на преступление.

Елизавета Петровна поглядела на меня усталыми глазами:

— Расскажи все по порядку и, главное, спокойно.

Не знаю, говорил ли я спокойно, вряд ли мне это удалось, но я, ничего не утаивая, поведал директору о Наташе и Ляльке да и о себе самом.

— Девочка защищала мальчика, — удивилась Елизавета Петровна. — В наше время все было наоборот.

На мгновение ее усталые глаза загорелись. Наверное, Елизавета Петровна вспомнила то время, когда она была девочкой и когда ее защищал мальчик.

— Сейчас я вижу проступок Наташи в ином свете, — задумчиво продолжала директор. — Но это не снимает ее вины. Она избрала свою одноклассницу. Я тебе могу обещать одно — мы взвесим все «за» и «против».

В школьном дворе меня ждали Саня и Наташа.

— Ну что сказала Елизавета? — спросил Саня.

— Что надежда есть, — объявил я.

Так говорят врачи родственникам тяжелобольного, когда те спрашивают о его здоровье.

— Наша директриса во всем разберется, — ободрил нас Саня.

По привычке Наташа повернулась к нам вполоборота так, чтобы мы могли полюбоваться ее профилем. Этим она давала нам понять, что все наши разговоры ее не касаются.

— Ну что носы повесили? — прервал тягостное молчание Саня. — Давайте сегодня поиграем в футбол — на прощанье...

— Давайте, — обрадовалась Наташа, а я вместе с ней.

И мы втроем заторопились домой.

Я долго копался в памяти, перебирал страницы своей жизни, но ни на одной из них не нашел репортажа о футбольном матче с моим участием. Потому что такого не было и в помине. Но ни за какие коврижки я не признаюсь Наташе, что сегодня

первый раз в жизни собираюсь играть в футбол. В ее глазах я хочу выглядеть настоящим мужчиной.

Меня обычно держат в запасе. А если кого-нибудь из игроков подкуют, то есть ударят ему по ноге так, что он не может продолжать игру (выражаясь языком спортивных комментаторов, игрок получил травму), то тогда меня выпускают на поле. А поскольку у нас редко били по ногам, мне так ни разу и не удалось погонять в футбол.

Но каждую весну, едва сойдет снег и подсохнет рыжая земля, у меня в ногах появляется странный зуд. Мне хочется прорываться по флангу, сильно бить по мячу — короче говоря, неудержимо тянет поиграть в футбол.

— Сними очки и становись на левый край, — велел мне Саня, когда я появился во дворе.

Саня для нас был непререкаемый авторитет, капитан команды, и мы с ним не спорили.

Наташа стала на правый край, а Саня, конечно, в центре.

— Играть в пас, — дал наставление на игру Саня, и матч начался.

Мяч сразу же оказался в ногах у Сани. Наши соперники побаивались капитана, а потому навалились на него чуть ли не всей командой.

Саня обвел одного за другим двух игроков и паснул Наташе. Та ударила сходу — гол!

Мы кидаемся обнимать, целовать Наташу. Разгневанная Наташа вырывается из наших объятий — что за девчоночьи привычки у мальчишек.

Наши соперники огорошены. Перед матчем они возмутились, что против них играет девчонка, и даже собирались выразить протест, но потом передумали — им же легче будет нас победить. И вдруг оказывается, что девчонка играет почище мальчишки. Значит, за ней нужен глаз да глаз. За Наташей теперь наблюдало сразу два защитника.

Но Наташа их обхитрила и успела паснуть Сане, и наш капитан забил гол.

Вновь наша команда бросается к Наташе, чтобы обнять и поцеловать ее. Молодчина, какой изящный, выверенный до сантиметра пас отдала Наташа капитану. Но Наташа начеку, она кидается к Сане. Они хлопают друг дружку по спине. Как истинные спортсмены. Как настоящие мужчины.

Я носился по полю в поисках мяча, мешал и чужим и своим. Но мяч ко мне не шел. Казалось, он избегал меня. Едва я появлялся у своих ворот, где шла ожесточенная борьба, как мяч перелетал уже к воротам соперника, и я устремлялся за ним вдогонку. Но стоило мне приблизиться к воротам соперника, как мяч вновь перекочевывал в нашу штрафную площадку.

И вдруг мяч оказался у меня в ногах. Я сперва растерялся, а потом увидел, что до ворот противника совсем недалеко, как

говорится, ногой подать, и, самое главное, что между мной и воротами никого нет, если не считать вратаря, разумеется. И тогда я на всех парусах понесся к воротам. И тут на моем пути вырос длинноногий защитник противника. Откуда он появился?

Я видел, как Саня махал мне рукой — пасуй!

Нет, дудки! Я сам хочу забить гол. Пусть Наташа увидит, какой я замечательный футболист!

Я протолкнул мяч между ног защитника, обошел его и из всех сил ударил.

Мяч почему-то не полетел в ворота, а, описав немыслимую кривую, попал в верхнюю девятку окна на первом этаже. Раздался звон разбитого стекла, и мяч исчез в квартире.

Мы замерли. Странно, но никто не удирал. Казалось бы — сделал дело — гуляй смело. А мы медлили. Наверное, разбирало любопытство, хотелось узнать, что будет дальше.

Я нацепил на нос очки и на всякий случай укрылся за широкой спиной Сани.

Из подъезда вышла бабушка в спортивном костюме с буквой «Д» на груди. В руках она несла целый и невредимый мяч, а во рту у бабушки, словно судейский свисток, перекатывалась папираса.

Я пригляделся — да это же удивительная бабушка, которая все про нас знает.

Мы невольно попятнулись, но бабушка остановила нас странными вопросами:

— Что за тактика навала? Где проходы по флангам? Почему мало двигаетесь без мяча?

Мы удивленно переглянулись — ну и бабуся, сыплет словами, как заправский тренер. А бабушка тряхнула коротко стриженными седыми волосами и поставила мяч на землю.

— Короче говоря, я берусь вас обучить. Первая тренировка сегодня. Сейчас.

Саня сунул руки в карманы джинсов и, насвистывая, демонстративно пошел с поля.

— Саня, останься, — позвала его бабушка, — я тебя прошу.

Мой друг на ходу оглянулся, удивленный, откуда странная бабушка его знает, но продолжал двигаться к своему дому.

— Саня тренируется на «Динамо», — начала объяснять Наташа, но бабушка перебила ее: — Я знаю, Саня без пяти минут профессионал. Ну что ж, начнем тренировку с любителями.

— Извините, — наконец, очнулся я и поспешил следом за другом.

— Кир, — окликнула меня бабушка, — я на тебя совсем не сержусь. У тебя просто срезался мяч.

Но я решил не рисковать и побежал за Саней. Настиг я друга уже у самого дома.

Мое появление Саня принял как должное и, словно продолжая разговор, сказал:

— Нарочно не придумаешь — бабушка, пенсионерка и тренер по футболу. Попомни мои слова — матриархат возвращается.

Вот тогда во второй раз прозвучало это слово, будто вытасненное на белый свет из старинных бабушкиных сундуков.

Я не успел открыть рот, потому что к подъезду подкатило такси, и из него высунулся бородатый шофер.

— Мужики, 22-я квартира здесь?

— Здесь, — подтвердил я.

А Саня побледнел:

— Из 22-й такси заказывали?

— Ага, — кивнул таксист. — В аэропорт торопятся.

Саня в два прыжка взлетел по лестнице. По привычке всегда следовать за другом я устремился за ним.

Саня открыл дверь и увидел, что мама пакует папе чемодан, а папа подает маме вещи. С первого взгляда Саня обо всем догадался.

— А я? — тихо, но четко произнес Саня.

Санина мама преспокойно продолжала заниматься своим делом. Санин папа за маминой спиной пытался руками, в которых он держал носки, показать, что во всем виновата мама, а он тут ни при чем, он бы всей душой, да ему не велят.

— А я? — Саня взял самую высокую ногу.

Тогда мама разогнулась, увидела сына и меня, мы с ней поздоровались.

— Мы же договаривались, — пошел в атаку Саня.

— Что ты будешь там делать, интересно знать? — мама запикивала последние вещи в чемодан.

— Играть в футбол, — с достоинством ответил Саня.

— Гонять мяч ты можешь и в нашем дворе, а пропускать два месяца учебы я тебе не позволю, — мама была неприступна, как ворота чемпионов мира.

— Там воздух, солнце, море, фрукты, — скороговоркой экскурсовода папа перечислил достоинства черноморского побережья.

— Хорошо, съездим летом на юг, — мама надавила на крышку и закрыла чемодан. — Я хочу, чтобы ты получилличный аттестат, хотя бы наполовину такой, какой будет у твоего друга. И вообще хватит одного футболиста на семью.

Мама вынула из кармашка свисток и свистнула:

— Прекратите пререкания с судьей!

Санина мама была спортивным врачом и еще судила баскетбольные матчи, потому не расставалась со свистком. Во дворе забибикало такси.

— Присядем на дорожку, — скомандовала Санина мама.

Мы посидели минуту в молчании, а потом стали прощаться. Папа пожал мне руку, обнял Саню и шепнул сыну на ухо:

— На следующий год железно возьму.

— Я тебя провожу, — мама взяла чемодан, папа подхватил спортивную сумку, и они пошли вниз, к такси.

Саня долго сидел, не подавая голоса. Я не прерывал его молчания, сочувствуя своему другу. Он так надеялся на эту поездку. Только ею и жил. И вдруг — осечка, так сказать, удар мимо ворот.

— Слушай, — ожил Саня, — твой отец пишет в газеты, выступает по телевизору?

— Да, а что? — я не мог понять, что задумал мой друг.

— Пошли к тебе домой, — подхватился Саня.

Долго унывать он не умел, потому что был человеком действия.

Саня больше не произнес ни слова. А мне показалось, что он хотел добавить вот что. Мол, мой отец не выдержал проверки. Посмотрим, осилит ли испытание твой отец.

Я был уверен, что мой папа не подкачает.

ПЕРВЫЙ МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

В тот же день Сане не удалось поговорить с моим папой — папу вызвали на студию телевидения.

Назавтра в школе меня остановила Наташа и стала взахлеб говорить о бабушке, которую, оказывается, звали Глафира Алексеевна.

— Ты знаешь, Глафира Алексеевна так здорово разбирается в футболе. Мы пару часов тренировались, а потом пили у нее дома чай.

Я понял, что Наташа изменила свое мнение о странной бабушке.

— Глафира Алексеевна очень огорчилась, что ты не остался на тренировку. Ты не бойся, она тебе и вправду ничего не сделает.

За себя я не боялся. Я боялся за Наташу. Но поскольку сегодня она была в школе, значит учительницы еще взвешивают все «за» и «против».

Девчонки сторонились Наташи. Мальчишки поглядывали на нее с почтением, но близко не подходили. А Наташа вела себя так, словно ей все равно. Может, поэтому она так потянулась к удивительной Глафире Алексеевне?

После школы мы всем классом отправились на экскурсию на парниковый комбинат. Поэтому у нас дома мы с Саней появились с опозданием.

— Папа, Саня хочет с тобой посоветоваться, — сказал я.

— Ага, я хотел у вас узнать, — начал Саня, но папа его решительно остановил:

— О делах на голодный желудок не говорят. Руки мыть и за стол.

Саня уплел полную тарелку борща и крикнул от удовольствия. Потом он одолел отбивную и лишь тогда отвалился от стола.

— Съедобно? — ненароком поинтересовался папа.

— Это вы сами готовили? — восхитился Саня. — Потрясающе!

— Овладеваю смежной профессией, — розовея от похвалы, небрежно отшутился папа и тут же сменил пластинку. — Так о чем вы собрались потолковать?

— Саня считает, что возвращается матриархат, — хмыкнул я. — Помнишь, было такое первобытное общество во времена царя Гороха?

— Помню, — подхватил папа. — Но если точно придерживаться фактов, матриархат был еще в допотопные времена.

— А сейчас снова наступает матриархат, — мрачно произнес Саня, не принимая нашего с папой шутливого тона.

— Ну и какими же фактами вы, молодой человек, располагаете? — папа старался выглядеть серьезным, но ирония то и дело пробивалась в его голосе.

— Вы сами, что ли, не знаете? — Саня стал загибать пальцы. — Дома всем заправляет мама, в классе верховодят девчонки...

— А я? — возмутился я. — Я — староста.

— В школе сплошные учительницы, — Саня не обратил внимания на мое замечание.

— И учитель один есть, — вставил я из чувства справедливости. — По физкультуре.

— Один не считается, — отрезал Саня. Он мыслил глобально. — А вчера — последняя капля. Бабуся, пенсионерка, стала тренировать мальчишек, стала футбольным тренером. Ну чем не матриархат?

Папа встал, откашлялся. Задумчиво прошелся по кухне. У папы это называлось разогреть мозги. Походив, он обычно садился за свои статьи.

— Ну что ж, Саня, — папа остановился. — Я должен признать, что твоя мысль не лишена интереса. Я бы даже сказал, парадоксальная мысль. На ум приходит театр абсурда. Но в твоих рассуждениях я нахожу гиперболу, то есть преувеличение. Женщины у нас равны в правах с мужчинами, поэтому бывший слабый пол так бурно проявляет всюду себя. Но, как и прежде, мужчина впереди, мужчина там, где трудно, где опасно...

С гордостью за мужчин папа выпятил живот, обтянутый передником. Восхищенный папиными словами, я посмотрел на Саню. Мой друг уставился на папин передник. Я тоже перевел

взгляд на папу — передник как передник, желтые цветочки по голубому полю.

Как истинный актер, папа почуял неладное и сорвал передник.

— У нас дома самый настоящий матриархат, — тянул свое Саня, — мама командует папой как хочет. Папа обещал взять меня на сборы, на юг, а мама не разрешила, и он пошел на пятную. Он попросту ее боится. Даже судьи на поле так не боялся.

— Ну ты зря так про своего отца, — примирительно заговорил мой папа. — Он был отважным футболистом. Как бесстрашно делал подкаты! Какие головоломные акробатические прыжки совершал!

— Он лишь попробует ерепениться, а мама ему: «Я тебя по кусочкам собрала, могу и разобрать». У папы была очень серьезная травма, — объяснил Саня, — а мама его вылечила, учила ходить, бегать. А потом они поженились.

— Пигмалион, — умилился папа. — Твой отец, Саня, благодарен твоей матери за то, что она вернула его к жизни. Это глубокое, искреннее чувство. Ни о какой трусости тут не может быть речи.

— А почему он побоялся взять меня с собой? — Саня был заядлым спорщиком.

— Ты знаешь, — задумался папа, — в данном случае твоя мама права.

— Настоящий мужчина поступает так: сказал — сделал, — стоял на своем Саня. — Нет, вы мне не докажете, у нас дома матриархат. Да и всюду тоже.

Я видел, что папа выдыхается. Саня железной логикой уложил его на обе лопатки.

— Я думаю, что традиционный брак приказал долго жить, попросту говоря, умер, — папа совершил последнюю попытку сразить Саню в честном споре и залез в дебри философии. — Ныне муж и жена действительно равны по всем статьям. Вот, к примеру, в нашей семье мы с мамой Кира прежде всего друзья, товарищи. У нас нет главы семьи, да он и не нужен.

Саня деликатно уклонился от спора о нашей семье, он лишь предложил:

— Давайте все же напишем письмо в газету. Или еще лучше — выступите по телевизору, у вас это здорово получается.

— О чем? — спросил папа, хотя и он и я догадывались, что сейчас больше всего волнует Саню.

— О матриархате, — мой друг был непоколебим.

Дверь открылась, и папа бросился в прихожую — пришла мама.

— Кирилл, это правда, что ты разбил вчера окно? — спросила она, поздоровавшись.

— Правда, — признался я.

До сей поры я не знал за собой никаких прегрешений, а потому не боялся говорить правду.

— Каким образом?

— Мы играли в футбол, я ударил и нечаянно попал в окно, — на всякий случай виноватым занудливым голосом протянул я, обеспокоенный тем, что мама задает слишком много вопросов — наверное, она все знает.

— У него мяч срезался, — вступился за меня Саня. — Такое случается и с игроками сборной.

Папа подвинул маме стул.

— Мапочка, садись и, пожалуйста, не волнуйся.

— Ты хочешь сказать, Кирилл, — мамина дотошность не знала предела, — что ты играл в футбол и разбил окно? Я тебя правильно поняла?

— Правильно, — склонил я голову, вспомнив, что чисто-сердечное признание облегчает наказание.

— Ну, Кир, удружил, нечего сказать, — всплеснул руками папа. — Сколько раз я тебе говорил, что играть в футбол — вредно для твоего здоровья. Ну а разбить окно — я не нахожу слов, это переходит все границы. Это позор для родителей и вообще подсудное дело.

Папа на мгновение замолк, и мама вставила реплику.

— Первый в жизни мужской поступок.

То, что произошло на кухне после маминого восклицания, можно смело было назвать немой сценой. Мы замерли в тех самых позах, в которых нас настигла мамина реплика. Папа с воздетыми вверх руками, я — со смиренно склоненной головой, а Саня — с широко открытыми глазами.

А мама, между тем, спокойно намазала маслом кусок черного хлеба и с аппетитом стала его уплетать.

— Инна, — первым очнулся папа, — ты хочешь сказать, что бить стекла — это хорошо?

— Я хочу сказать, что ужасно голодна, — ответила мама. — Ты меня покормишь?

— Ну, конечно, извини, — папа завертелся по кухне, загремел кастрюлями. — Все еще горячее, мы только что поели.

Саня подмигнул мне, и мы потянулись на выход.

— Вас не интересует, откуда я узнала о разбитом окне? — спросила мама, окуная ложку в тарелку с борщом.

Заинтригованные, мы с Саней сели на табуретки.

Привыкшая управляться с несколькими делами одновременно, мама ела и рассказывала:

— Меня остановила седая женщина в спортивном костюме с буквой «Д» на груди. Во рту она держала папиросу и дымилась, как пароход. Женщина попросила меня повлиять на своего сына, в котором пропадает футбольный талант. Я ответила, что у моего сына немало талантов, но футбольного, к сожалению, нет. Тут бабушка не на шутку рассердилась и объявила, что

мой сын вчера метров с тридцати великолепным ударом в девятку разбил ей окно.

— Удар был мощнейший, — подтвердил Саня. — Вратарь бы не взял, железно.

— Когда я услышала это, — продолжала мама, — я сразу сказала, вот теперь я абсолютно уверена, что это был не мой сын. Мой сын не способен разбить окно. Тогда бабушка попросила меня не волноваться, потому что она никому не собирается жаловаться. В свою очередь, я заявила, что давно мечтала ответить за подобный поступок моего сына. Бабушка сказала, что в этом нет необходимости, она лишь просит, чтобы мой сын принял участие в тренировках дворовой команды, а также привел своего друга Саню — известного мастера кожаного мяча.

Закончив свой рассказ, мама спросила напрямую:

— Так как насчет тренировок?

Известный мастер кожаного мяча, которому польстила похвала бабушки, ответил неопределенно:

— Мы подумаем.

В продолжение маминого рассказа папа вынужден был хранить гордое молчание. Наконец-то теперь у него появилась возможность высказаться.

— Инна, я совершенно не понимаю, к чему ты призываешь?

— Я хочу, чтобы мой сын был мальчишкой.

— А он, по-твоему, кто?

— Я хочу, чтобы он был настоящим мужчиной, чтобы он мог защитить девочку и забить гвоздь в стенку. — Мама показала на окно. — Два года гардину нельзя повесить — у папы и сына руки не доходят.

— Я, между прочим, целыми днями готовлю обеды и кормлю тебя и ребенка, — завелся и папа. — Мне осточертело быть домашней хозяйкой, если к тому же этого никто не ценит.

— Можешь меня не кормить, — мама отодвинула тарелку, в которой оставалось на самом доньшке. — Первый раз вовремя с работы пришла, а так допоздна ставлю опыты.

— Я был бы счастлив, если бы мог работать с утра до вечера, — папа сорвал передник, скомкал его и швырнул на пол. — Тогда бы я книгу написал или даже диссертацию, о которой ты мне плешь проела.

Саня потянул меня за рукав, и мы улизнули.

Занятые выяснением своих отношений, мама и папа не заметили нашего исчезновения. Мне было неловко перед Саней за своих родителей. Друг понял мое состояние и стал меня утешать.

— У вас это еще цветочки! А вот когда мои родители разойдутся — ого-го-го! Правда, мама быстро утихомиривает папу, она ему говорит: «Мы же с тобой в разных весовых категориях». Да, у вас тоже, я гляжу, нормальный матриархат.

Признаться, меня удивил сегодня папа. Обычно такой покладистый, во всем поддакивающий маме, он совершенно переменялся. Видно, на него подействовали Санины монологи.

— Пойдем походим по улице,— предложил я.

— Подождем твоего отца,— сказал Саня, усаживаясь на скамейку.

— Откуда ты знаешь, что он придет? — удивился я, прибившись рядом с другом.

— Богатый опыт,— ответил Саня.— Мой отец обычно выскакивает из подъезда и первое, что говорит: «Дышать нечем».

Не прошло и минуты, как во двор выскочил мой папа и на ходу рванул ворот рубахи.

— Ну абсолютно нечем дышать.

Мы не стали хохотать до упаду, потому что были хорошо воспитанными детьми.

Никого не замечая, папа понесся на улицу. Я хотел было его окликнуть, но Саня удержал меня.

— Не волнуйся, побегает полчаса и вернется. Я по своему отцу знаю.

Действительно, через полчаса папа появился возле подъезда и присел к нам на скамейку. Саня вынул из кармана пачку сигарет.

— Закуривайте, успокаивает.

Папа взял дрожащими пальцами сигарету. Саня ловко зажег спичку. Папа затаился и закашлялся.

— Вот, дьявол, с девятого класса не держал во рту этой гадости.

— Неужели ты курил? — я не узнавал своего папы.

— Еще как смалил! — засмеялся папа.— Но бросил решительно и бесповоротно, как и подобает настоящему мужчине.

Мы приготовились слушать папины воспоминания.

— У нас в девятом классе смалили все,— папа еще раз курнул и уже больше не закашлялся.— Учителя и директор махнули на нас рукой, как ни боролись, ничто не помогало. И вдруг все в один прекрасный день бросили. Что случилось? Учитель психологии — был у нас такой предмет — невзначай, между прочим, обмолвился, что тяга к курению — это не что иное, как остаток сосательного инстинкта. Мол, ребенок в младенчестве сосет материнскую грудь, а когда вырастает, начинает сосать папиросу. Мы тогда все считали себя ужасно взрослыми, усики уже у многих пробивались, и вдруг нас принимают за детей, у которых молоко на губах не обсохло. Так мы в одно мгновение бросили курить и с тех пор никто эту гадость в рот не берет.

Папа зашвырнул в урну сигарету, доказав нам на практике, как он умеет решительно расправляться с вредными привычками.

— С матриархатом мы начнем борьбу завтра же,— папа пожал руку Сане, и мой друг сразу понял, что заручился папиной поддержкой.— А сегодня мы с Киром должны кое-кому доказать, что не перевелись еще на свете настоящие мужчины.

Папа обнял меня за плечи, глянул — очки в очки — и выдохнул:

— Пошли на место преступления!

МАСТЕР СТАВИТ ТОЧКУ

Оказалось, что после того как мама с папой выяснили отношения и последнее слово, естественно, осталось за папой, мама будто ненароком произнесла:

— Кстати...

Папа замер. Ох, эти мамыны «кстати». Непроста они. Так и жди подвоха.

— Кстати,— проворковала мама медовым голосом,— стекло в окне до сих пор не вставлено, на дворе еще только апрель, а в доме живет немолодая женщина, пенсионерка.

Папа попался в нехитрую мамину ловушку.

— Вставим! Окно все-таки, а не египетская пирамида!

Мама подлила масла в огонь:

— Может, лучше обратиться в бытуслуги?

— Никаких услуг — сделаем все своими руками,— загорелся папа.— Пусть знают, что не перевелись на свете настоящие мужчины!

Вот тогда и прозвучала эта фраза, после которой папа, точно пробка, вылетел из дома.

А теперь, вдохновляемые этой фразой, мы с папой устремились к месту преступления, то есть к дому, где я разбил окно.

Время от времени папа останавливался и оглашал воздух мудрыми изречениями, сыпавшимися из него, как из рога изобилия.

У детской песочницы папа воскликнул:

— Есть еще порох в пороховницах!

Приближение гаражей папа озаменовал новой сентенцией:

— Со щитом или на щите!

Когда мы огибали кустарник, встретившийся на нашем пути, папа разразился изречением:

— Дорогу осилит идущий!

Едва показался дом, в котором жила странная бабушка, с папиных губ слетело еще одно крылатое выражение:

— Смеется тот, кто смеется последним!

Я подумал, что последнее изречение несколько не к месту, но ввязываться в дискуссию мне не захотелось, так как мы прибыли на место преступления.

Разбитое окно уже не зияло дырой. Желтая картонка плотно закрывала левый верхний угол.

— Девятка! — папа восхищенно зацокал языком. — И откуда ты бил?

Я показал на кустики, отгораживающие детскую площадку от спортивной.

— Метров тридцать будет! Отличный удар! — похвалил папа.

— Но я целился совсем в другую сторону, — во мне заговорило чувство правды, унаследованное от мамы.

— Это детали, — махнул рукой папа.

Мы вошли в подъезд и позвонили в первую квартиру.

Глафира Алексеевна обрадовалась, увидев меня.

Но папа был настроен скорее печально. Он попросил у Глафиры Алексеевны прощения за поступок своего отпрыска (ну и умеет папа изящно выражаться!), который (наверное, отпрыск?) ложится пятном и на него, отца (значит, не отпрыск, а поступок!). Но папа готов загладить вину своего сына и, не откладывая дела в долгий ящик, сейчас же, немедленно вставить новое стекло, а потому просит у любезной хозяйки разрешения измерить окно.

— Я вашей жене говорила — не надо беспокоиться, — Глафира Алексеевна искренне огорчилась, что из-за разбитого окна разгорелся такой сыр-бор. — Я вызвала мастера из бытуслуг, обещали, что завтра поставят новое стекло, а пока я залатала картонкой. Не дует, жить можно.

— Верьте вы их обещаниям, — снисходительно, как малому ребенку, сказал папа бабушке. — Мы измерим, и через час у вас будет сверкать новое стекло.

Тем временем мы уже просочились в кухню, где и было разбитое окно. Удивительное дело, но пострадала лишь внешняя рама, а внутренняя уцелела.

— Прекрасный удар! — папа вновь не удержался, чтобы не отдать должное сыну.

— Великолепный! — с жаром воскликнула Глафира Алексеевна. — Обратите внимание, мяч засел между рамами — и ни туды и ни сюды. Как в бильярдную лузу попал!

Папа похлопал себя по карманам и слегка приуныл. Когда папа покидал наш дом, в спешке он забыл рулетку. Глафира Алексеевна принесла свою и еще раз сказала, что не стоит беспокоиться. Но папа проявил характер и измерил окно вдоль и поперек.

Мы сели в трамвай и поехали на рынок. Там, по воспоминаниям папы, был магазинчик, где продавали стекло.

В тот день нам необычайно везло. И магазинчик оказался на месте, и народу в нем было немного, и уже через полчаса мы возвращались с покупкой. Папа бережно держал стекло за талию и сиял, как именинник. Лишь на мгновение его чело омрачилось, и он спросил:

— Ты когда в последний раз держал молоток?

— Вчера, — ответил я.

— А что было вчера?

— Урок труда.

Папа тут же успокоился и вновь засиял.

А я, наоборот, заволновался. Я вспомнил, что папа бросил курить в девятом классе и с той поры не держал во рту сигарет. Может, с того времени он и молотка в руках не держал?

Впрочем, подумал я, любишь кататься — люби и саночки возить, то есть сам разбил вдребезги стекло, сам и вставь новое.

Глафира Алексеевна ждала нас с нетерпением. Она накрыла стол и принесла самовар.

— Я очень рада, что у меня такие дорогие гости.

Папа приосанился. Все ясно — Глафира Алексеевна тоже без ума от папиных передач.

— Вам не мешает восстановить силы после долгой дороги, — сказала Глафира Алексеевна.

Мы с папой решили не огорчать гостеприимную хозяйку и сели за стол. Бабушка налила нам чай.

— Ты знаешь, Кир, — воскликнула Глафира Алексеевна, — я даже рада, что ты разбил мне окно. Я теперь со всеми вами познакомилась.

И словоохотливая бабушка поведала нам историю своей жизни. Оказалось, что она много лет проработала в учреждении с длинным и незапоминающимся названием. А сейчас вышла на пенсию. Живет Глафира Алексеевна одна.

— Одна как перст, — подчеркнула бабушка.

Папа слушал и уплетал за обе щеки печенье.

— Признаться, я никогда не ел такого вкусного печенья, — похвалил папа бабушку.

Глафира Алексеевна зарделась:

— Ну что вы, это так, проба пера.

— Вы не могли бы мне дать рецепт? — попросил папа.

Пока папа и Глафира Алексеевна вели кулинарные разговоры, я разглядывал комнату бабушки. Мне она очень понравилась. Потому что всюду были книги и журналы. Они стояли на полках, лежали на подоконниках, на столе, на диване.

Я потянулся уже за пухлой книжкой, как папа решительно поднялся из-за стола:

— Делу время, а потехе час!

У Глафиры Алексеевны нашлись и молоток и гвозди. Мы вынули остатки стекла, сняли картонку. Бабушка выбросила осколки в ведро, а картонку положила на стол — в хозяйстве пригодится.

Папа приставил стекло к раме — оно подошло тютелька в тютельку. Папа засиял еще пуще и кивнул мне, мол, начинай.

Я припомнил, как нас учили забивать гвозди на уроках труда, и осторожно ударил молотком, потом второй раз, третий.

Вскоре я осмелел и ловко загонял гвозди в раму, но не до конца, а так, чтобы шляпка прижимала стекло.

Папа придерживал стекло и хитрым способом вдохновлял меня. Он говорил, обращаясь к бабушке, но все его слова были про меня:

— Вот мы жалуемся на нашу молодежь, ругаем ее, мол, и старших не уважает, и работать не любит. Все дело в воспитании. Вот полюбуйте, пожалуйста. В семье, где труд в почете, дети не вырастают белоручками.

Глафира Алексеевна согласно кивала и все порывалась вставить словечко, да где там — папу невозможно было остановить.

Вдохновленный родительскими речами, я быстро справился с работой и собирался уже забить последний гвоздь как раз в том месте, куда я угодил мячом — в левом верхнем углу окна. Но папа забрал у меня молоток.

— Всю работу делает подмастерье, — торжественно произнес папа, — а точку ставит мастер.

Не знаю, что толкнуло папу взять в руки молоток. Может, его ввела в заблуждение та обманчивая легкость, с которой я управлялся с этим нехитрым орудием труда. А может, ему захотелось покрасоваться перед Глафирой Алексеевной в новой роли? Мне трудно судить, что вдохновило папу на подвиг. Как бы там ни было, папа взял в руки молоток, приладил гвоздь и ударил.

Я зажмурился. Раздался грохот. Когда я открыл глаза, то не поверил им. Хотя все законы физики против, но я увидел, что время покатилося вспять.

Словно не было долгой поездки на рынок и обратного путешествия в трамвае, когда папа сиял, как именинник. Словно не обивал я усердно и осторожно гвоздями стекло. Словно ничего этого не было, и папиной точки тоже не было.

Буквально в том же месте, где днем я нанес свой великолепный удар, зияла точно такая же дыра. Ну что ж, теперь я твердо знаю, что своим футбольным талантом обязан папе.

Повернувшись к нам спиной, бабушка беззвучно хохотала. Папа, однако, не терял присутствия духа.

— Сегодня на рынок мы уже не успеем, но завтра, в крайнем случае, послезавтра...

— Да вы не хлопчите, — утешала нас бабушка. — Завтра обещали из бытуслуг прийти.

Папа лишь махнул рукой, мол, нашли кому верить.

Глафира Алексеевна как в воду глядела — припрятала на всякий случай картонку. Бабушка ловко приколотила ее на прежнее место. Мы с папой переглянулись — ну и бабуся!

— Кирилл, — попросила бабушка, — приходи сам на тренировку и Саню приводи. Наташа тоже будет.

— Хорошо, — сказал я.

Мы с папой отправились домой, на прощанье пообещав бабушке, что завтра, в крайнем случае, послезавтра...

У нашего подъезда папа смущенно почесал подбородок.

— Кир, я всю жизнь учил тебя говорить правду...

— Папа,— нашел я выход,— мы скажем маме, что окно заделали и бабушке тепло, хорошо, не дует.

— Ну и отлично, а мы завтра, в крайнем случае, послезавтра...

Помахав мне рукой, папа помчался на улицу.

Наше долгое отсутствие лучше всяких слов убедило маму, и ей хватило моего короткого объяснения.

Уже засыпая, я вспомнил о Наташе. Вечером мне не удалось с ней повидаться. Но ничего — завтра встретимся, лишь бы у нее все было хорошо.

Я заснул, и мне даже в голову не пришло, что Наташу я увижу совсем не скоро.

ЧЕЛОВЕК С ДВУМЯ ИМЕНАМИ

Едва проснувшись, я почувал неладное. Обычно мы с мамой завтракали и собирались — она в институт, я в школу — под аккомпанемент папиного храпа с посвистыванием. Для нас это было все равно, что пение птиц в просыпающемся лесу. Мы с мамой пересмеивались, подшучивали над папиными утренними трелями, но тихо, чтобы не разбудить нашего властелина, то бишь главу семьи.

Сегодня в доме стояла гробовая тишина. Что случилось? Я вскочил с постели. Из нашего дома исчез, испарился папин дух, а кроме того, папины плащ и берет. Я заглянул в спальню — папы и там не было.

Я зашел в кухню. Мама пила кофе.

— Доброе утро, мамочка,— я поцеловал маму.— А где папа?

Мама растерянно пожала плечами.

— Первый мужской поступок,— удивился я.

Так начинался этот день, день исчезновений.

В школе не было сразу двоих — Наташи и Ляльки. Лялька нездорова, а почему нет Наташи? Я спросил у Калерии Васильевны.

— Мать забрала Наташу из нашей школы. Она посчитала, что это будет лучшим выходом из создавшегося положения,— объяснила Калерия Васильевна и добавила лукаво: — И тебе станет полегче.

— Я мужчина,— ответил я,— и не боюсь трудностей.

Калерия Васильевна была довольна ответом своего любимого ученика.

А между тем с ее любимым учеником, то есть со мной, стало твориться что-то нехорошее. Я еще сам не понимал, что со мной

происходит, но только чувствовал, что начал меняться. Точно папа, уходя, забрал и мою душу.

Кроме меня, конечно, Саня больше всех был огорчен исчезновением моего папы. Я, естественно, не сказал Сане всей правды, попросту потому, что и сам ее не знал.

— Он же обещал, что мы сегодня начнем борьбу с матриархатом, — переживал Саня.

После уроков мы вместе отправились домой. Первым делом забежали к Наташе. Звонили, звонили, никто не открывал. Тогда постучали в дверь. Ни приветов ни ответа. Вот когда я пожалел, что у Наташи нет брата. У него хоть можно было узнать, где Наташа.

— Наташка с родителями укатила на юг, — у Сани не было сомнений, — к Черному морю.

А что? Очень даже просто — сели в машину и поехали. Я не стал возражать Сане, и мы пошли к нам.

Когда я открывал дверь, мне вдруг показалось, что мне приснился дурной сон и никуда мой папа не уходил, а сейчас встретит нас в неизменном переднике и первым делом скажет:

— Все разговоры после обеда, а теперь — руки мыть и за стол.

Но в наше время чудеса, к сожалению, случаются редко. Папы дома не было, а также не было никаких записок и вообще каких-нибудь свидетельств того, что папа наведывался сегодня домой.

И в это время зазвонил телефон. Сердце у меня екнуло — папа.

На сей раз я не ошибся. В трубке бушевал сердитый папа.

— Я уже третий раз звоню, а тебя все нет и нет. Где ты бродишь?

— Из школы шел с Саней, — впервые в жизни я с удовольствием оправдывался.

— Шел, — уже добродушно ворчал папа. — Скажи лучше — еле-еле ноги переставлял и с Саней трепался.

— Ага, — радостно согласился я, — еле-еле плелся и болтал с Саней.

Услышав свое имя, мой друг наострил уши.

— Ну, здравствуй, Кирюша, — сказал папа. — Как вы... там?

— Здравствуй, папа. Мы — ничего, — ответил я. — А ты как... там?

— Я тоже... ничего, — папа резко переменял тему разговора. — Ты обедал?

— Обедал.

— Где?

— В школе.

— Ну сколько раз тебе говорить,— загремел папа,— что в школе ужасно кормят и ты можешь испортить себе желудок. Почему ты не ешь дома?

Я дипломатично молчал.

— Ах да,— спохватился папа, но тут же нашел выход.— Есть потрясающая идея!

— Какая? — обрадовался я.

— В школе, конечно, вполне сносно кормят,— говорил папа,— но будет лучше, если я тебе продиктую рецепты, а ты станешь готовить. У мамы, сам понимаешь, нет времени,— папа на секунду замолк.— Как она?

— По-моему, она не ожидала от тебя такого финта,— высказал я предположение.

— Заботься о маме,— попросил папа.— И вообще ничего не изменилось. Будем считать, что я в командировке.

— В длительной? — спросил я.

— Пока не знаю,— немного помолчав, ответил папа.— Ручку нашел? Записывай.

— Записываю,— сказал я.

Папа стал диктовать рецепт замысловатого блюда из мяса с сыром, а я старательно выводил каракули на листе бумаги. Чтобы папа не заподозрил, что я не переписываю его рецепт, я один раз спросил:

— А солить до или после?

— Конечно, после,— ответил папа и продолжал диктовать.

— Записал? — спросил папа и, получив утвердительный ответ, ободрил меня: — Выше голову, Кир. Не боги горшки обжигают!

Я понял, что папа сейчас положит трубку, и спросил:

— А маме сказать, что ты звонил?

— Ни в коем случае,— испугался папа.— Это наша с тобой тайна. Где твоя мужская солидарность? Будь здоров, я завтра позвоню.

— Буду,— я повесил трубку, но от телефона не отходил, будто ждал, что папа спохватится, позвонит и скажет самое важное.

— Слушай,— вдруг спросил Саня,— а сколько человек сразу может смотреть телевизор?

— Миллионов сто, наверное,— прикинул я.— А что?

— Ты по отцу соскучился? — задал в лоб вопрос Саня.

Я кивнул — чего спрашиваешь.

— Понимаешь, я хочу увидеть папу,— объяснил я,— но так, чтобы он меня не увидел.

— Это проще пареной репы,— хмыкнул Саня.— Включи телевизор.

— Но он выступает раз в неделю.

— Тогда пойдем на телевидение,— предложил Саня.— Завтра же. Телевидение — вот что нам нужно.

— А там он может меня увидеть,— напомнил я.

— Положись на меня,— сказал Саня.

Во дворе нас перехватила Глафира Алексеевна. Я вспомнил о разбитом и до сих пор не вставленном стекле и хотел улизнуть. Но точно угадав мои мысли, бабушка опередила меня:

— Не беспокойся, стекло уже вставлено. Мальчики, почему вы не пришли сегодня на тренировку, и куда исчезла Наташа?

Первую часть вопроса мы дипломатично опустили, а на вторую ответили, что мама забрала Наташу из школы, а где она сейчас, мы не имеем представления.

— И вы так спокойно говорите,— взорвалась Глафира Алексеевна.— Исчезла девочка, ваша одноклассница, подруга. Да я бы на вашем месте все вверх дном перевернула.

— Вы хотите сказать, что ее похитили? — облизнул губы Саня.

— Родная мать похитила,— хмыкнул я.

— Ну, хорошо — увезла без ее согласия,— бабушка не сдавалась.— Мальчики, найдите ее. Я уверена, она вас ждет.

— А тренировки? — напомнил Саня.

— Я вас освобождаю,— вздохнула Глафира Алексеевна.— Все равно без Наташи команда не команда. Мы такие с ней планы строили.

Слова бабушки нас встревожили не на шутку. Мы снова поднялись к Наташиной квартире и звонили, и стучали, но никто не отзывался.

— Ну, бабуля подняла панику,— ухмыльнулся Саня, расставаясь со мной.— Значит, завтра же после уроков отправляемся на телевидение.

Уже вечером я понял, что тревога бабушки была не напрасной.

Вечером в нашу квартиру ворвался Наташин отец. Я открыл ему и, честно говоря, немного струхнул. Но сегодня отцу нужен был не я, поэтому он отодвинул меня со своего пути и ворвался в наш дом.

— Где ваш муж? — набросился он на маму.

Я думал, что сейчас она вышвырнет его за порог, выдворит за пределы нашей квартиры, но мама, как и утром, отвечая на мой вопрос, лишь растерянно пожала плечами.

— Суду все ясно,— Наташин отец бухнулся в кресло.— Обкрутил, обвел вокруг пальца. Артист, ничего не скажешь, артист.

— Что произошло? — спросила мама.

— От меня ушла жена и дочку с собой увела,— Наташин отец вынул из кармана листок бумаги.— И записку оставила: «...чтобы спасти от дурного влияния отца».

Наташин отец протянул моей маме записку, но мама читать ее не стала.

— Я очень сожалею, но при чем тут мой муж?

Вот оно что случилось. Так ему и надо, этому пещерному жителю с высшим образованием. А Наташина мама какая молодчина! Взяла и увела от него дочку. Интересно, где Наташа обитает?

— Как она пела о нем,— криво усмехнулся Наташин отец,— такой славный, интеллигентный человек, так тонко разбирается в искусстве. А он взял и увел от меня жену и дочь.

— Да как вам в голову могло прийти такое? — возмутилась мама.

— Факты — упрямая вещь,— сказал Наташин отец и погрозил моему папе: — Ну, держись, если встречу, вырву последние волосы из золотых твоих кудрей.

Неведомая сила подняла меня и швырнула прямо на Наташиного отца.

— Не смейте так говорить про моего папу! И вообще, если вы только его тронете, я сделаю из вас металлолом.

— А, Ромео? — он не пошевелился, лишь поднял на меня глаза.— Ты целый день не видел Наташу и ты жив?

Я ничего не мог ему ответить.

— Я был у нее в библиотеке, говорят, взяла отпуск за свой счет, был в школе, говорят, мать подала заявление о переводе дочки в другую школу,— Наташин отец то ли нам рассказывал, то ли самому себе напоминал.— Я объехал и обзвонил всех родственников и знакомых — никто ничего не знает. А я уже целый день не видел дочери.

Наташин отец спрятал записку и вытащил ключи от машины.

— Ромео, ну не ерпенься, Кирилл,— миролюбиво предложил он,— поехали покатаемся.

— Поехали,— кивнул я.

Я и сам не знаю, почему согласился прокатиться с ним на автомобиле. Может, пожалел его, видя, как он убивается из-за того, что дочка убежала? А может, потому, что от его слов повеяло приключениями?

Сегодня, когда ушел мой папа, мне все хотелось попробовать, испытать. Наверное, я становился настоящим мальчишкой. Мальчишку тянет все неизведанное. А если уж его нос почует опасность и риск, мальчишка ринется туда сломя голову.

Мама уловила во мне неожиданную перемену. А поскольку папы дома не было и, значит, не с кого было спросить за мое поведение, мама на всякий случай решила меня не пускать и применила самое испытанное оружие из родительского арсенала — она спросила:

— Ты уроки сделал?

— Сделал,— соврал я, потому что мне очень хотелось покататься.

— Вы не волнуйтесь,— проявил мужскую солидарность Наташин отец.— Мы недолго. Обещаю доставить в целости и сохранности.

Маме уже нечем было меня удерживать, и она отпустила.

В машине Наташин отец чувствовал себя на своем месте, сидел, как влитой, и вел «Жигули» ловко, умело и даже немного успокоился. Правда, то и дело он поглядывал по сторонам.

Неожиданно он свернул к тротуару и резко остановился. Заскрежетали тормоза. Если бы я не был привязан, наверняка бы пробил носом ветровое стекло. А так лишь у меня свалились очки.

— Показалось,— огорчился Наташин отец.— Извини.

Он подождал, пока я подыму очки, а потом мягко тронул машину с места.

Я нацепил очки и увидел на тротуаре стайку девчонок, которые беззаботно лакомились мороженым. Одна из девчонок была в голубой куртке. Так вот почему он глазает по сторонам — надеется увидеть дочь.

Наташин отец похлопал меня по колену.

— Ты знаешь, я очень хотел, чтобы у меня родился сын. То есть я был уверен на сто процентов, я ни секунды не сомневался, что у меня должен быть мальчик. И вот — девочка, дочь. Зол я был на жену страшно, так жестоко меня обманула. А на дочку и не глядел вовсе. Хотя все родственники и знакомые в один голос пели, что дочка — вылитый папа. Я страдал ужасно, сидел в своем КБ допоздна, нагружал себя работой, лишь бы домой не идти.

Мы распрощались с постом ГАИ и выехали за город.

— Поводить хочешь? — спросил Наташин отец.

— Я не умею,— признался я, а у самого даже руки зачесались, до того неловко стало.

— Научу,— коротко бросил отец и, свернув на проселочную дорогу, остановил машину.

Наташин папа вылез, и мы поменялись местами.

— В это время дорога обычно пустая,— сказал отец,— но все равно руль покрепче держи.

Когда я ухватился за руль, мной овладело нестерпимое желание — мне захотелось мчаться с бешеной скоростью.

Наташин отец включил зажигание.

— Отпусти тормоз и плавно ручку на себя,— командовал он и, словно угадав мои мысли, предупредил: — И не торопись.

Машина дернулась и пошла. У меня страха и неуверенности как и не бывало. Рядом с этим человеком в кожаном пиджаке, которого про себя я не называл иначе, как пещерным жителем, я чувствовал себя, точно за каменной стеной. «Жигули» катились легко, покорные каждому моему движению. Я ловко крутил баранку, объезжая ухабы.

Когда проехали, наверное, метров десять, я гордо покосился на своего соседа в ожидании похвалы.

— Если бы ты видел, как лихо водит машину Наташка — прирожденный водитель, ас, — отец не мог ни о чем другом не думать и не говорить. — Она уже пару лет баранку крутит.

Я почувствовал легкую зависть к Наташе. Если бы меня мой папа столько лет обучал, я бы стал настоящим гонщиком.

Я глянул на спидометр — стрелка прыгала возле отметки 40. Тоже мне — несчастные сорок километров. Скорость для дошкольников. На велосипеде и то быстрее можно промчаться. Я совершенно забыл, что никогда не катался на велосипеде, который мне не покупали из-за моего зрения. Лишь в далеком детстве освоил трехколесный велосипед. Вот и весь мой водительский опыт.

— А можно побыстрее? — спросил я.

— Можно, — ничуть не удивился Наташин отец. — Переключи скорость.

Я переключил, и «Жигуленок», словно спущенный с привязи щенок, помчался вперед. Я вцепился в руль. Покосился на спидометр — 60 километров. Вот это другое дело — вполне приличная скорость. В эти минуты мне казалось, что я всю жизнь вожу машину. Для полного счастья мне не хватало лишь кожаного пиджака, и я был бы заправским гонщиком.

Внезапно впереди появилось нечто неопределенного, серо-буро-малинового цвета и неопределенных очертаний.

— Сбрось скорость, — посоветовал Наташин отец.

Не глядя, я взялся за ручку, и машина, вместо того чтобы покатить медленнее, взревела и помчалась быстрее.

— Сбрось скорость и нажми на тормоза, — скомандовал Наташин отец.

А я вцепился в руль и ничего не соображаю. И только вижу, как чуть ли не перед носом у меня переходит дорогу стадо коров. А одна — черная, с белыми пятнами — остановилась, подняла голову и задумчиво, словно автоинспектор, глядит на приближающуюся с бешеной скоростью машину. Мол, что за нарушение правил дорожного движения?

Наташин отец выхватил у меня руль и нажал на тормоза. «Жигуленок» резко замер перед самой коровой.

Та кивнула головой, мол, вот так бы давно, и неторопливо понесла через дорогу вымя. А следом за ней потянулись и другие коровы.

Я почувствовал, что спина у меня мокрая. А когда еле-еле отлепил руки от баранки, то увидел, как противно они дрожат, и поспешно спрятал их в карманы куртки.

— Для первого раза сойдет, — в устах Наташиного отца эти слова звучали высшей похвалой. — Если хочешь, завтра продолжим.

Я кивнул, мол, с удовольствием. Он сел за руль и съехал с дороги в лес. На поляне остановился, вылез из машины, потянулся так, что хрустнули кости. А потом снял пиджак, остался в свитере. Мускулы так и заиграли. Открыв рот, я глядел на него.

— Давай поборемся, — предложил Наташин отец. — Ты не бойся, я вполсилы.

— Я не боюсь, — ответил я и сбросил куртку.

Я и вправду не испытывал ни капельки страха, хотя Наташин отец был сильнее меня, наверное, в тысячу раз.

Мы сошлись, и не успел я опомниться, как очутился на земле. Быстро поднялся и снова кинулся на Наташиного отца, и тут же приземлился.

Нечто подобное со мной уже происходило. Но когда? Вспомнил — во сне, в том самом сне, где я видел Наташу.

— Смотри, как надо, — Наташин отец показал, как проводить захват, как делать подсечку.

Я поднатужился, но, чтобы опрокинуть его на землю, у меня не хватало силенок.

— Ты мужчина или тряпка? — бросил мне в лицо Наташин отец.

Я разозлился и повалил соперника, и сам улегся на него. Так, отдав все силы борьбе, падают в изнеможении победители Олимпийских игр.

Тяжело дыша, я поднялся на ноги.

— А Наташа, знаешь, как... — начал отец.

Я перебил его.

— Знаю.

Наташин отец протянул мне пачку сигарет. Мне неудобно было отказываться, и я вытащил дрожащими пальцами сигарету, прикурил и, конечно, закашлялся. Потому что эту гадость, как выражался мой папа, никогда не держал в зубах.

Но стоило Наташиному отцу посмотреть на меня с недоумением, как мой кашель сразу пропал, словно его и не было. Я затаивался и смалил, как заправский курильщик.

Мне вспомнилась папина сказочка о том, что Наташу околдовал злой волшебник. Раньше я считал, что злой волшебник — это Наташин братец, а его и на свете не существовало.

Теперь я твердо знал, что Наташу околдовал, вернее, научил всему ее отец. Он явно волшебник, но вовсе не злой. Чему только не научил меня Наташин отец и всего за один день — и машину водить, и бороться, и курить.

Ну, впрочем, дымить мне совсем не нравилось, и когда мы сели снова в машину, я потихоньку, чтобы не видел отец, загасил сигарету и спрятал ее в карман куртки.

А мой папа? Чему он меня научил? Произносить монологи о добре и справедливости?

Когда мы возвращались в город, Наташин отец продолжил прерванные воспоминания.

— Итак, я хотел сына, а у меня появилась дочь. И в один прекрасный день на меня снизошло. Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача. Слышал такие слова?

— Нет, не слышал, — покачал я головой.

— Верно, сейчас они не в моде. А в нашем детстве они были у всех на устах. И я решил — сделаю из дочки сына. Наперекор природе. Назло судьбе. Машины я умею конструировать, неужто человек потруднее? И я принялся за дело. Вот скажи, что дарят девочкам на день рождения, на Новый год?

— Куклы разные, — неуверенно ответил я.

— Верно, куклы и прочие финтифлюшки, — подхватил Наташин отец. — А я дарил сам и всех родственников и знакомых заставил, чтобы дарили машины, пистолеты, клюшки, футбольные мячи. В общем, годам к пяти моя Наташка была вооружена до зубов, как настоящий парень.

Он счастливо засмеялся. Машина уже въехала в город, и Наташин отец покатил медленнее, поглядывая по сторонам. На улицах загорались фонари.

Вот это настоящий папа! Не то что мой! Сколько раз я его просил — купи боксерские перчатки, ничего не получалось. Наташин папа купил бы без всяких просьб.

— Да Наташка ни в чем не уступала мальчишкам, — рассказывал отец. — Я ее и звал, как мальчишку — Николаем, Колькой, а мать и все остальные — Наташей.

Он замолк, а я подумал: ну и чудеса! До сих пор я знал, что у одного известного писателя было два имени — мужское и женское — Эрих через черточку Мария. Поэтому одни читатели были вполне уверены, что заливаются смехом над страницами писателя (см. Эрих), а другие читательницы не испытывали никаких сомнений, что льют слезы над творениями писательницы (см. Мария).

У нашего подъезда Наташин отец затормозил.

— Спасибо за поездку, — поблагодарил я и взялся за ручку дверцы.

— Тебе — спасибо, — ответил отец и попросил: — Найди мне Наташку. Вы же все быстрее узнаете. У вас свой беспроволочный телеграф. Я тебе разрешу дружить с Наташей, хоть каждый вечер к нам приходи и никогда не обзову тебя Ромео, честное слово. И отца твоего даже пальцем не трону. Ну, договорились?

Наташин отец протянул мне свою могучую длань.

— Договорились, — мы обменялись крепким мужским рукопожатием.

Дома меня встретила настороженная мама.

— Почему так поздно?

— Прокатались за город и назад,— небрежно ответил я.— Мам, а почему мы не покупаем машину?

— Не знаю,— ответила мама, потому что голова ее была занята другим.— Кир, я хочу тебе сказать, что в нашем доме все остается по-старому. Будем считать, что папа поехал в командировку.

— Длительную? — спросил я.

— Не знаю,— пожала плечами мама.

Моей маме, кажется, ведомо все на свете, а сегодня, когда ушел папа, она столько раз произнесла «не знаю».

Что это они с папой одними словами говорят? Сговорились что ли?

ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Утром я проснулся в отличном настроении. С удовольствием сделал зарядку. После вчерашней тренировки с Наташиным отцом слегка побаливали мышцы, но это ощущение было новым и приятным. Я чувствовал, как мышцы наливаются силой. А потом постоял под душем и растерся мохнатым полотенцем.

Мама поглядывала на меня с удивлением, но, как обычно, молчала. Наверное, она думала, посмотрим, на сколько тебя хватит.

Много раз я уже пытался делать утром зарядку, обливался холодной водой, в общем, как иронично замечала мама, начинал новую жизнь и каждый раз с первого числа. «Почему люди начинают новую жизнь с первого числа? — задавал вопрос мой папа и сам же на него отвечал: — Чтобы уже второго числа забыть о том, что они начали новую жизнь».

Но сегодня мне казалось, что я начал новую жизнь всерьез и надолго.

Я вспомнил про Наташу, и мне стало грустно.

Как-то в папиной статье я прочитал такие слова: «раздвоение личности» и спросил, что они означают.

— Это сложное философское понятие,— папа как раз вошел у плиты и ему было не до меня.

— А все-таки? — я был любознательным.

— Ну, это когда в одном человеке словно живут два человека,— растолковывал папа,— один хороший, а другой плохой. Они живут не мирно, а все время ведут бои, и вот кто берет верх, такой и человек — то хороший, то плохой.

Я тогда не очень поверил папе. Как это в одном человеке могут уживаться сразу двое? А теперь подумал, ведь в Наташе тоже жило сразу двое — она и ее братец, которого на самом деле вовсе не было.

Да, Наташе не позавидуешь. Каждый из родителей тянул в свою сторону. Сперва победа была за отцом. Сейчас вперед вырвалась мама. За кем будет следующий тур?

А потом я представил, как сегодня покатаюсь на «Жигулях», как Наташин отец обучит меня еще одному борцовскому приему, и настроение мое вновь стало ясным, точно голубое небо.

Правда, одна облачинка на нем появилась. Я подумал о папе. Каково будет ему, если его повстречает Наташин отец? Я только представил себе, как Наташин отец сжимает моего папу в своих могучих объятиях, и мне страшно стало.

После уроков мы с Саней забежали к нам домой, забросили сумки. Я предлагал подождать, пока позвонит папа и предупредить его о грозящей опасности. Но Саня не хотел ждать, и мы отправились на телевидение.

У входа нас спросили, в какую редакцию и к кому мы идем.

— В детскую, — ответили мы с Саней.

— К Красовскому? — переспросили нас.

Мы не возражали, и нас пропустили. Когда мы очутились в темноватом, длинном — ему не видно было ни конца ни края — коридоре, то слегка растерялись.

Саня хотел найти студию, в которой выступают, чтобы высказать все, что у него в душе накопело о матриархате. Я же мечтал повидаться с папой и предупредить его об опасности.

Время от времени по коридору проносились со страшной скоростью какие-то существа в брюках. Саня кидался к ним, как к родным. Но тут же давал задний ход — это была снова женщина.

— Мужики тут водятся или нет? — скрежетал зубами мой друг.

Не было нигде и папы. Я уже жалел, что пошел на студию. Дождался бы дома папиного звонка, и все было бы в порядке.

Мы едва не столкнулись с совсем юной особой в штроках мышиного цвета.

— Мальчики, вы к Красовскому?

— К Красовскому, — подтвердил Саня, и я тоже кивнул.

— Где вы бродите? — вспыхнула юная особа. — Репетиция уже началась. Скорее в большую студию.

Предводительствуемые юной особой, мы вновь промчались по длинному коридору, но уже в обратном направлении. Девушка отворила тяжеленную дверь, и мы вошли в студию.

Я зажмурил глаза от яркого света. Откуда-то вынырнул бордатый молодой человек в темных очках, повертел нас с Саней, оглядел со всех сторон и шепнул:

— Ребята, не подведите.

Я сразу догадался, что это и есть Красовский. И не ошибся.

Красовский подтолкнул нас к высокой энергичной женщине, которая всем вокруг командовала.

— Вот, Мария Николаевна, мои ребята.

Я смутился, потому что совершенно не знал, что нас ждет. Саня же, наоборот, с первой же минуты почувствовал себя

в студии, как рыба в воде. Он оглядывался по сторонам, широко улыбался.

На него первого и обратила внимание высокая женщина. Она была режиссером, то есть самой главной. Мы это сразу раскусили.

Санина физиономия произвела самое благоприятное впечатление на режиссера, потому что она расплылась в счастливой улыбке.

— Отпетый хулиган,— восхитилась Марина Николаевна.— С таким лучше не встречаться в темном переулке.

Саня огляделся, хотел было полезть в бутылку, то есть устроиться тарарам на всю студию, но бородач в темных очках обнял его за плечи, похлопал по спине, подмигнул, мол, все идет как надо, и мой друг сдержался.

Зато моя внешность привела режиссера в ужас. Она скринулась так, словно ничего более противного в жизни не видела.

— Это же типичный пай-мальчик,— возмутилась Марина Николаевна.— Красовский, Сережа, я вас просила привезти хулиганов.

— Замечательные хулиганы, Мария Николаевна,— скороговоркой выпалил Красовский,— лучших во всем городе не найти.

— Сережа, ну что за хулиган в очках да еще с такой благообразной внешностью круглого отличника и зубрилы? — Марина Николаевна внимательно меня изучала.— Кстати, его лицо мне удивительно знакомо, кого-то напоминает...

Еще минута, и я пропал. Если режиссер спросит, как моя фамилия, я ей отвечу правду, не буду таиться. Да и без фамилии меня узнают. Мне все говорили, что я вылитый папа, чем мой папа несказанно гордился, хотя я не понимал почему — на кого же мне быть еще похожим, если я сын своего отца.

Нас выручил Красовский.

— Марина Николаевна, представьте, под внешностью круглого отличника скрывается хулиган. Это будет оригинально, свежо, ново. Такого еще ни у кого не было.

После некоторого раздумья режиссер согласилась:

— В этом что-то есть...

— Есть, есть,— зачастил Красовский.— Они еще распояшутся, вы увидите.

— Начнем запись,— скомандовала режиссер.

Нас с Саней усадили на последний стол в таком закуточке, который изображал класс. За другими столами сидели уже девчонки и мальчишки.

— Внимание,— хлопнула в ладоши Марина Николаевна.— Снимается эпизод в классе. Мы его только что репетировали. Ребята пропесочивают двух разгильдяев и лоботрясов. А вы, лодыри, должны осознать свои ошибки и покаяться. Помните свои реплики?

— Помним,— подал голос Саня.

— Я с ними репетировал,— подскочил Красовский и напомнил: — Мы больше не будем. Поверьте нам в последний раз.

Мальчишки и девчонки обернулись и строго поглядели на нас. Я понял, что нам несдобровать.

Режиссер дала знак, и к нам с двух сторон стали приближаться камеры. Они скользили совершенно бесшумно. Съемки начались.

Все происходящее в студии Саню явно забавляло. Ухмыляясь, он слушал, как девчонки ругают нас почему зря. А чтобы и нам было понятно, что не кого-нибудь другого, а именно нас они песочат, девчонки время от времени показывали на нас пальцем, тем самым, который в старину назывался указующим перстом.

Я вспомнил папины слова о том, что настоящий актер тот, кто так умеет вжиться в образ своего героя, чтобы все поверили, что это не он, актер, а тот человек, которого он изображает. Ну что же, если мне выпало сыграть хулигана и двоечника, я должен, просто обязан быть хулиганом и двоечником. Кстати, именно этого ждет от меня режиссер Марина Николаевна.

Хотя Красовский и убедил режиссера, что попадаютсЯ хулиганы в очках, я ни разу такого не видел ни в жизни, ни в кино. Поэтому первым делом я снял очки. Бурно клеймившие нас девчонки сразу затуманились и даже голоса их вроде стали тише.

Хорошо, что я вовремя избавился от своих кудрей. Обычно хулиганы ходят с челками на лбу. Я достал расческу, и вскоре волосы уже закрывали мне весь лоб.

Тут я заметил, что у меня синий в красные полосы галстук. Ну где, спрашивается, и какой хулиган носит галстук? Такого в жизни не бывает. Я торопливо снял галстук и спрятал его в карман, а ворот рубашки расстегнул.

Да, белую рубашку хулиганы тоже не носят, но что поделаешь — тут ее негде быстро перекрасить. Придется — наперекор жизненной правде — щеголять в белоснежной сорочке.

Я сунул руки в брюки, развалился на парте и почувствовал себя стопроцентным лоботрясом. Короче говоря, вошел в образ, сжился с ролью.

Если бы сейчас меня увидел папа, он бы остался доволен своим сыном. Папины уроки принесли свои плоды — я действовал по системе Станиславского. До Станиславского актеры играли кто во что горазд, а теперь играют по правилам.

Я дождался, когда одна из наших обвинительниц сделала паузу и припала для вдохновения к стакану воды, вложил два пальца в рот и свистнул.

Все были поражены, а я больше всех. До сегодняшнего дня, как я ни старался, я ни разу не мог свистнуть. Не получался

у меня свист. А тут — словно по заказу. Вот что делает с человеком искусство.

Марина Николаевна принялась торопливо листать текст пьесы — вроде бы хулиганский свист не был задуман автором.

Девчонки обомлели, а та, которая пила воду, поперхнулась. Зато Саня глядел на меня с восхищением.

И телевизионные камеры тут же ко мне повернулись.

Саня понял, что на него смотрит сразу сто миллионов, вскочил, отвесил церемонный поклон и сказал:

— Добрый день, дорогие друзья! Что же творится на белом свете? Лучшего ученика, гордость школы обозвали при народе хулиганом, лоботрясом и разгильдяем. Посмотрите, разве он похож на хулигана? Ладно, ругайте меня последними словами, я человек тренированный. Но моего друга — не троньте. А почему такое происходит? А потому, что всюду командуют бабы — то есть девчонки и женщины. В классе — они, дома — они, в школе — сплошные учительницы, даже в средствах массовой информации — одни женщины. Знаете, как это называется? Матриархат! От такой жизни любой пацан за-свистит!

В конце Саниной речи я еще раз свистнул, как бы подтверждая его слова.

— Что за безобразие? Сорвали запись! — закричала режиссер.

По-видимому, она нашла, что в тексте пьесы нет ни моего художественного свиста, ни Саниного вдохновенного монолога.

— Красовский! Сережа! — позвала Марина Николаевна, но неуловимый Красовский вновь исчез.

Саня наклонился к моему уху:

— Пора уносить ноги, а то худо будет!

В одно мгновение я вышел из образа хулигана и вновь очутился в привычной оболочке примерного ученика. От испуга у меня задрожали коленки, когда я понял, что натворил.

Я вскочил и ринулся к выходу. Сослепу (я же снял очки, когда вошел в образ хулигана) я наткнулся на осветительный прибор. Тот грохнулся со страшным шумом. Раздался звон разбитого стекла. Девчонки завизжали. Я запутался в проводах, упал и почувствовал, что погибаю.

И тут кто-то быстро поставил меня на ноги, крепко сжал мою руку и решительно приказал Саниным голосом: «Надень очки!»

Я нацепил на нос очки и еще больше ужаснулся. В студии царила страшная неразбериха. Но осматриваться мне было некогда, потому что Саня тащил меня к выходу.

Мой друг открыл тяжелую дверь, и мы очутились в коридоре.

— Держите их! — крикнула нам вдогонку Марина Николаевна.

Как мы были рады, что никого нет в коридоре, а полумрак облегчал побег. Мы оглядывались — за нами никто не гнался.

Но тут Саня допустил оплошность. Он решил запутать следы, рванул влево в боковой коридор и потащил меня за собой.

Путь нам преградила стеклянная дверь. Мы с Саней сходу на нее налетели. Стекло не выдержало и грохнулось наземь. Саня упал, а я повалился на него.

ПАПА ПРИХОДИТ НА ВЫРУЧКУ

— Итак, фамилия, имя?

Инспектор детской комнаты милиции в капитанских погонах строго посмотрела на Саню.

Мой друг показал на забинтованную голову и промывчал нечто невразумительное, мол, когда упал, отшибло память.

— Все ясно, в результате травмы потерял память, а заодно и дар речи?

Женщина с погонами капитана слегка улыбнулась. Как ее назвать? Раньше были капитанские дочки, а теперь дочки становятся капитанами.

Саня поспешно кивнул забинтованной головой — инспектор детской комнаты верно уловила его мысль.

— А ты можешь отвечать? — капитан обратилась ко мне.

— Могу, — сказал я и поморщился.

Я счастливо отделался — у меня было всего несколько порезов на руках, их залили йодом, и до сих пор щипало.

Весь удар на себя принял Саня, потому и больше пострадал.

Я привык говорить правду, а потому не скрывал, как меня зовут и кто мои родители. Но при этом я думал — позор, до чего я докатился, попал в милицию.

Саня сидел с видом человека, который случайно очутился в милиции и готов немного потерпеть, пока недоразумение уладится, но не больше. Мой друг хранил гордое молчание вовсе не из-за того, что боялся попасть под горячую руку своей мамы, хотя ей и под холодную руку не рекомендовалось попадать — как-никак рука бывшей баскетболистки.

И все-таки Саня не боялся. Саня страдал.

Когда под тяжестью наших тел рухнула стеклянная дверь, в коридор высыпали люди. Появилась и Марина Николаевна. Все не на шутку перепугались. Мы с Саней были в крови (в основном, конечно, мой друг). Но в медпункте, куда нас мгновенно доставили, после обследования сказали, что ничего страшного не произошло, перевязали Саню, помазали йодом мои царапины и вклеили нам на всякий случай по уколу. А потом решено было нас передать в детскую комнату милиции.

— За хулиганский срыв записи высокохудожественного произведения, — заявила режиссер.

Саня ужасно обрадовался, когда узнал, что сейчас появится милиционер.

— Вот увидишь, он во всем разберется,— шепнул мне Саня.— И нас тут же отпустят.

Нацепив на нос очки, я вновь превратился в пай-мальчика, бояку и трусишку. А потому при одном упоминании милиции я задрожал противной и унижительной для человеческого достоинства дрожью. Больше всего я боялся, как бы сейчас не появился папа. Я был уверен, что папино сердце не выдержит, когда он меня увидит здесь и в таком состоянии.

Ну, то, что в медпункте были одни женщины, моего друга вовсе не удивило. И его мама была врачом. Но когда вместо одетого в плащ с поднятым воротником, в широкополой шляпе и в темных загадочных очках сыщика пред нами предстала румянощекая женщина в милицейской форме с четырьмя звездочками на погонах, мой друг и вправду потерял дар речи. Все, отчаялся Саня, и здесь сплошные женщины. Справедливости от них не жди. И тогда Саня замкнулся и ушел в себя.

Капитан дотошно всех расспросила, осмотрела место происшествия, составила протокол, а потом повела нас в детскую комнату милиции.

И вот мы сидим напротив инспектора, я отвечаю на вопросы, а Саня по-прежнему молчит.

— С какой целью вы пришли на студию? — обратилась ко мне инспектор.

— Папу повидать,— честно ответил я и объяснил.— Мой папа... выступает по телевидению.

— А почему ты на студии не сказал об этом?

Я знал, почему я не признался, кто мой папа. Если бы режиссер услышала мою фамилию, она бы тут же разыскала папу, а именно этого я больше всего и боялся.

— Ясно,— сказала инспектор,— не хотел, чтобы отец узнал. Но ведь все равно узнает. Я вынуждена буду сообщить родителям.

Да, как ни крути, наказания рано или поздно не миновать. Но лучше попозже.

— Как вы успели столько там натворить? — полюбопытствовала капитан.

— Мы нечаянно,— промямлил я.

— А поподробнее можно?

Я стал рассказывать, как мы случайно оказались на записи детского спектакля, как вошли в образ хулиганов и когда стали действовать, как в жизни, нам сказали, что мы сорвали спектакль.

Только несколько дней спустя я узнал от папы, из-за чего произошла эта путаница. Неуловимому Красовскому поручили привести двух способных мальчишек, которые справятся с ролями хулиганов, потому что прежние юные актеры переели

мороженого и слегли с ангиной. Красовский в суматохе забыл обо всем на свете, а когда мы подвернулись под руку, решил сделать из нас актеров. И, как видите, своего добился.

— О чем спектакль? — поинтересовалась капитан.

— Для детей младшего школьного возраста, — поморщился я. — Там лоботрясов и двоечников перевоспитывают в два счета. Прочитали им мораль, они тут же покаяться в своих грехах. Понятно, — сказала инспектор, — жизнью там и не пахнет.

— Ага, — поддержал я женщину в капитанских погонах, — как говорит мой папа, даром перевели продукты.

Саня долго выдерживал характер, а тут и он решил подать голос:

— Я там говорил о матриархате.

Инспектор неожиданно приняла его сторону:

— Ты прав, много бед от того, что в семье главенствует женщина.

Обрадованный, что нашел поддержку там, где вовсе не предполагал ее обрести, Саня решил высказать все, что накипело в душе.

— Человечество медленно, но неуклонно движется к своей гибели, — мрачно закончил Саня свои разглагольствования о матриархате.

Инспектор слушала его внимательно, ни разу не перебила, но сама начала с того, чем кончила.

— А почему женщина главенствует в семье? Вовсе не потому, что ей хочется, а потому, что вынуждена. Не кажется ли тебе, что женщины взвалили на свои хрупкие плечи самые большие тяжести? — инспектор показала на капитанские погоны. — А мужчины оставили себе рыбалку, телевизор, футбол. У тебя кто мама?

— Врач-травматолог.

— А папа?

— Футболист, — ответил Саня и тут же поправил себя: — Он был футболистом, а сейчас тренирует мальчишек.

— Вот видишь, — инспектор развела руками.

— Вижу, — печально вздохнул Саня.

— Кстати, — инспектор взяла ручку, — мы с тобой еще не познакомились.

И пришлось Сане выложить капитану все о себе. Когда инспектор заканчивала полное Санино жизнеописание, дверь распахнулась, и на пороге появился папа. А за ним, возвышаясь над папиной лысиной, выросла фигура режиссера.

— Он? — спросила Марина Николаевна.

Вместо ответа папа бросился ко мне, и мы обнялись.

Потом папа отстранил меня, быстро оглядел, оцупал. Я заметил, как блеснули слезы под стеклами его очков.

— Папа, со мной ничего не случилось,— радостно сообщил я и еще раз с удовольствием повторил: — Папа...

Как долго — целых два дня! — я не произносил этого слова — папа. Какое это прекрасное слово — папа.

Наконец, папа оторвался от меня и увидел Саню, всего в бинтах, ссадинах и царапинах. Папино доброе сердце не выдержало, папа бросился к Сане и прижал к груди моего друга.

— Мальчики, что вы натворили? — взволнованно бормотал папа. — Как вас угораздило?

При появлении папы инспектор вскоčila, от смущения разбурмянилась еще пуще и поправила прическу, бросив торопливый взгляд в зеркало, висевшее на стене.

— Это ваш? Ваши? — спросила капитан, когда папа обнял разом нас двоих.

— Мой, мой,— подтвердил папа и попросил: — Вы уж их простите, шалопаев.

— Да,— властно вмешалась Марина Николаевна,— я забираю свое заявление. Где оно у вас тут?

Инспектор нашла среди бумаг заявление и протянула режиссеру.

— Это было недоразумение,— Марина Николаевна эффектно разорвала лист на мелкие кусочки,— и пусть оно рассеется как дым.

Режиссер хотела было швырнуть бумажки, чтобы они разлетелись по комнате, и уже взмахнула рукой, но под строгим взглядом инспектора остановилась, вероятно, вспомнила, что она не в студии, и опустила бумажки в карман пальто.

Легкость, с какой расправилась со своим заявлением Марина Николаевна, возмутила инспектора.

— Как все просто у вас получается — недоразумение,— язвительно произнесла она и взмахнула рукой, передразнивая режиссера. — Надо было думать, прежде чем вызывать милицию. А разбитые стекла? А причиненный ущерб?

— Ах,— скривила губы Марина Николаевна, мол, было бы о чем говорить. — Мы все уладим.

Папа почуял, что между женщинами назревает перепалка, которая грозит надолго затянуться, и решил вмешаться.

— Я вас очень прошу, давайте прекратим это дело. Ребята хорошие, первый раз оступились, их надо простить.

Вновь чудесная перемена произошла на наших глазах с инспектором. Из строгой блюстительницы законов она превратилась в очаровательную женщину, одарившую моего папу самой нежной улыбкой.

— Милиция не может не прислушаться к просьбе такого известного человека. А ребята и вправду неплохие. На первый раз я вас прощаю, мальчики.

— Спасибо,— сказали мы с Саней.

— Спасибо,— папа прижал обе руки к груди,— и, как у вас не приятно, однако, мы бы хотели, с вашего разрешения, откланяться.

— Позвольте вам пожелать, уважаемый Борис Петрович, больших творческих успехов! А вам, товарищ режиссер,— тут у капитана вновь переменялся тон, а главное, выражение лица,— я бы посоветовала поучиться у Бориса Петровича, а не высасывать из пальца истории, тогда бы поменьше было разбитых стекол и приводов в милицию.

Марина Николаевна вспыхнула:

— Ну, знаете, не ваше дело судить об искусстве.

— Почему не мое?— загорелась и капитан.— Когда по телевизору демонстрируют настоящее произведение искусства, у милиции меньше работы.

Папа подмигнул нам с Саней, мол, пора и честь знать. Пока женщины выясняли, какие фильмы и спектакли следует показывать по телевизору, мы потихоньку улизнули.

На улице мы перевели дух.

— Здорово вы нас выручили,— восхитился Саня.

— Сейчас бы снять вам штаны да всыпать по тридцать первое число,— папа дал волю гневу.— Ну, скажите на милость, какая нелегкая принесла вас на студию?

— Я хотел тебя повидать,— признался я.

Папа смущенно кашлянул. Видя, что он не в своей тарелке, я спросил:

— А как ты нас нашел?

— О, это целая пьеса, правда, в одном действии,— папа обрадовался, что я переменял тему разговора, но вдруг спохватился: — Мальчишки, вы обедали?

— В школе,— начал я,— но после перенесенных волнений мы непрочь...

— Пообедать по-настоящему,— закончил Саня.

Мы забрели в ближайшее кафе, папа заказал уйму блюд, а в конце мороженое с шоколадом, и пока мы поглощали еду, папа рассказывал, как ему удалось найти нас.

— Вероятно, я появился на студии минут через пятнадцать после того, как вас увела милая капитанша. Вся студия еще гудела. Я видел пустой проем в двери. Между прочим, должен признаться, меня охватило дурное предчувствие. Может, потому, что я все время о тебе думаю,— папа вздохнул мне в плечо.— Но я отогнал прочь мрачные мысли и сосредоточился на предстоящей записи. И тут меня перехватила Марина Николаевна. Не поздоровавшись, она долго и внимательно меня разглядывала, причем бесцеремонно вертела моей головой, точно она была ее собственностью. Я человек воспитанный и привык во всем уступать женщинам, но и моему терпению пришел конец. «Марина Николаевна,— вежливо произнес я,— мне лестно то внимание, которое вы оказываете моей внешности, но по-

звольте узнать, чем вызван такой чрезвычайный интерес к моей персоне». Марина Николаевна, которая к тому времени уже по-свойски дергала меня за уши, словно желала удостовериться мои они или нет, наконец, резким движением оставила меня в покое, отчего я, чтобы устоять на ногах, вынужден был при-слониться к стене. Оттолкнула она меня со словами: «Ах, извините, Борис Петрович, ах, здравствуйте, дорогой, как я рада вас видеть, как вы поживаете?» Пробормотав: «Я тоже рад, весьма», я бочком, бочком попытался протиснуться сквозь узкий проход между стеной и Мариной Николаевной. Но она обняла меня за плечи и проникновенным голосом спросила: «Дорогой Борис Петрович, у вас сын есть?» — «Есть», — ответил я и почувствовал, как мое сердце выпрыгнуло из грудной клетки и, словно в замедленной съемке, падает вниз и вот-вот разобьется вдребезги. «Он на вас похож?» — допытывалась между тем Марина Николаевна. «Похож», — отвечал я. «Как две капли воды?» — «Как две капли...» — «И очки носит?» — «Носит, носит!» — Тут я уже взревел, к тому же сердце благополучно вернулось на прежнее место. «Да скажите, наконец, что с ним стряслось?» Тогда Марина Николаевна схватила уже себя за голову и возопила: «Боже, что я натворила!» Тут, вероятно, мне стало плохо по-настоящему, потому что Марина Николаевна подхватила меня и сказала: «Вы не волнуйтесь, Борис Петрович, с вашим сыном все отлично, просто замечательно — он в милиции». Я вновь, наверное, закачался, она взяла меня под руку и повела по коридору: «Пойдемте его спасать». По дороге в милицию я и узнал о ваших приключениях.

Перебивая друг дружку, мы с Саней рассказали, что с нами произошло на студии.

— Обеды готовишь? — спросил папа.

— Готовлю, — соврал я, ведь у меня уже второй день подряд не было ни капли свободного времени. И вдруг я вспомнил, ради чего пришел на студию и претерпел столько невзгод. — Папа, тебе угрожает опасность.

— Какая? Откуда? — поразился папа.

— Наташин отец грозитя тебя поколотить, — я решил предостеречь папу.

— Что этому троглодиту взбрело в голову? — опешил папа.

— От него ушла жена, — выпалил Саня.

— И Наташу увела, — добавил я.

— Молодец, давно пора, — похвалил папа Наташину маму. — Поэтической натуре невозможно жить с этим роботом. Но при чем тут я!

Я отвел глаза от папы. Самое противное на свете не верить человеку и подозревать его в дурном.

— А-а, — протянул папа. — Нельзя предугадать поступки пещерного жителя с законченным высшим образованием.

Мне показалось, что в папином голосе прозвучала тревога, и я поспешил его успокоить.

— Мама его вроде утихомирила.

— Наша мама может справиться и с роботом, — папа вернулся к Сане: — Как твоя борьба с матриархатом?

— 100:1 в пользу матриархата, — уныло сообщил Саня.

— Что? — не понял папа.

— На телевидении на сто женщин один мужчина, — ответил Саня.

— Ну что, мужики, выпьем за успех нашего безнадёжного дела?! — предложил папа, и мы чокнулись бокалами, в которых шипел и пузырился лимонад.

САНЯ МЕНЯЕТ ТАКТИКУ

У подъезда стояли желтые «Жигули». Наташин отец вертел ключами от автомобиля.

— Покатаемся?

Домой нас сегодня не влекло. Начнутся расспросы, откуда у вас ссадины и царапины, начнутся ахи да охи — кому это интересно слушать. Поэтому мы были рады хоть ненадолго оттянуть минуту встречи с нашими мамами. Папы нас дома не ждали.

Вот почему мы охотно поехали покататься с Наташиным отцом. Как старый знакомый, я сел рядом с водителем. Саня устроился на заднем сидении.

Наташин отец покосился на Санину забинтованную голову, но не спросил, где его так угораздило, и тем более не стал причитать, что тот совсем не думает о своих родителей.

Наташин отец по-мужски промолчал. Захочет Саня, сам расскажет, где с ним такое приключилось, а не пожелает, может промолчать. Я почувствовал, что моему другу это пришлось по душе.

Как и в прошлый раз, мы медленно ехали по городу, а Наташин отец вертел головой по сторонам — высматривал дочь.

— К сожалению, мне ничего не удалось узнать про Наташу, — вынужден был оправдываться я, хотя ничего и не предпринимал, чтобы разведать, куда исчезла девочка.

Наташин отец похлопал меня по колену. Вероятно, у него это было знаком особого расположения.

— Кому я сейчас завидую, так это Наташке, — мечтательно протянул Саня.

Пристегнутый ремнем к своему сидению, я не мог даже подать знак своему другу, чтобы тот остановился и не сморозил какую-нибудь глупость.

У Наташиного отца заходили желваки, он посмотрел в зеркальце на Саню, да что там посмотрел — прожег моего друга взглядом, а тому хоть бы хны.

— Любопытно,— процедил сквозь зубы Наташин отец,— почему ты ей завидуешь?

— Да Наташке любой позавидует,— продолжал Саня как ни в чем не бывало.— Загорает сейчас на песочке, на Крымском побережье иль купается до посинения в Черном море.

Взвизгнули тормоза, и машина остановилась. Очень хорошо, что это случилось, когда мы были за городом, а то мы бы наверняка в кого-нибудь врезались.

— Ты знаешь, где она? — Наташин отец обернулся к Сане.

— Кто? — Саня при резкой остановке свалился с сидения и у него, наверное, снова отшибло память.

— Наташа,— терпение отца готово было лопнуть.

— Не знаю. Но я бы на ее месте только на Черное море уд-рал.— Саня по привычке стал загибать на руке пальцы.— Ведь там солнце, море, овощи, фрукты...

Ну, Саня, попал пальцем в небо. 1:0 не в его пользу.

У самого на уме Черное море, так и другие, считает, им только и грезят. А Наташин отец подумал, что Саня знает адрес его дочери. Наташин отец сразу бы развернулся и покатил на юг, только бы ветер засвистел.

— Поводить дадите? — спросил я, чтобы отвлечь Наташиного отца.

— Дам,— охотно согласился Наташин отец.

Он свернул на знакомую проселочную дорогу. Я с опаской поглядел вперед — вроде, стада не видать.

Мы поменялись с Наташиным отцом местами, и когда в моих руках оказался руль, я вновь ощутил себя сильным и смелым, которому все нипочем.

Потом настала очередь Сани. Я думал, что мой друг отлично водит машину, у его папы есть «Жигули». Но Саня оказался таким же новичком, как и я.

— У моего папы совсем нет времени,— Саня вновь стал загибать пальцы.— У него же тренировки, командировки, сборы, первенства...

А потом мы разминались. Наташин отец учил нас всяким приемам. Тут Саня оказался на высоте. Кое-какими приемчиками владел. И Наташин отец боролся с ним с особенным удовольствием.

Разгоряченные, мы уселись на поваленном дереве отдохнуть. У нас прибавилось ссадин и шишек, у Сани почернела повязка на лбу, но мы были счастливы.

Наташин отец размяк, достал сигареты, протянул первому Сане — мой друг решительно отказался. Я хотел закурить, но присоединился к Сане.

Наташин отец не стал настаивать и закурил один. Видя, что он подобрел, Саня решил потолковать с ним о матриархате. В общем, мой друг повторил Наташиному отцу все, о чем уже

говорил моему папе и на телевидении. А в конце своего яркого монолога Саня поставил вопрос ребром:

— Как вы считаете, матриархат существует или нет?

Посмеиваясь в бороду, Наташин отец слушал Санины разглагольствования — так внимают речам младенца.

— Матриархат существует там, где мужчины слабаки, хуже баб, а где настоящие мужчины, — он сжал свою лапищу в могучий кулак, — там матриархатом и не пахнет.

Мы поняли, что в доме Наташиного отца матриархат не водится и никогда не заведется.

Саню сегодня словно кто-то тянул за язык. Он открыл рот и вновь ляпнул невпопад.

— А у вас жена увела дочь, чем это не матриархат?

Наташин отец заскрежетал зубами. Все — Саня погиб во цвете лет. Сейчас Наташин отец проглотит моего друга. Я придвинулся поближе к Сане. Вдвоем Наташиному отцу нас не слопать — подавится.

— Ну, парень, ты говори, да не заговаривайся, — Наташин отец встал и ушел к машине.

Я выразительно постучал по забинтованному Саниному лбу. Понимаешь ли ты, башка еловая, что сморозил глупость? 2:0 не в твою пользу. До Сани, наконец, дошло, что с его языка слетели не самые мудрые слова.

Саня подошел к Наташиному отцу и сказал честно и прямо:

— Простите, я не хотел вас обидеть.

Наташин отец был настоящим мужчиной, а потому обид не держал, зла не таил.

— Ладно, чего там. Ну что, ребята, поехали домой?

Весь обратный путь прошел в молчании. Саня на всякий случай не раскрывал рта, да и у Наташиного отца не было охоты разговаривать. А я за компанию не подавал голоса.

— До завтра, ребята, — Наташин отец попрощался с нами у подъезда.

Когда машина уехала, Саня решительно произнес:

— Человеку надо помочь. Видишь, как он мучается?

— Ему можно помочь одним — найти Наташу, — ответил я.

— Ну так надо найти. Ты искал? — напрямик спросил Саня.

— А где искать? — я пожал плечами. — Отец всех родственников и знакомых обошел — никто ничего не знает.

Во дворе мы протянули друг другу руки.

— А как же матриархат? — поддел я друга.

— Матриархат не волк, в лес не убежит, — уклонился от ответа Саня. — Ты смотри, наши отцы нас бросили...

— Твой отец уехал в командировку, — вступился я за Саниного папу.

— Это одно и то же, — махнул рукой Саня. — А тут отец так страдает, что дочь ушла...

Когда я появился дома, мама оглядела меня с головы до пят и ахнула. Мама поискала глазами папу, мол, куда тот смотрит, почему не воспитывает ребенка, мама сейчас устроит папе выволочку. Но папы нигде не было. Мама чувствовала, мама видела, что со мной происходит неладное, но не знала, с какой стороны ко мне подступиться.

Я так устал за длинный день, что у меня хватило лишь сил умыться, сказать маме: «Все нормально», раздеться и упасть на кровать.

СХВАТКА ОТЦОВ

Когда я вернулся из школы домой и открыл дверь, у меня закружилась голова. Я покачнулся и, чтобы устоять на ногах, прижался спиной к стене. Сомнений не было — в доме обитал папа, я чуял его дух.

— Папа! — крикнул я, бросился в кухню, открыл духовку, и новая волна аромата едва не сбила меня с ног. Чтобы не упасть, я опустился на стул и мог сколько угодно разглядывать умопомрачительное блюдо.

Говорят, от счастья не умирают. Я убедился в этом, потому что мгновенно очухался и кинулся на поиски папы. Ведь только он один мог приготовить такую вкуснятину.

— Папа! — крикнул я снова и обежал всю квартиру, но папы нигде не обнаружил.

И папа мне не откликнулся. Тогда я стал отворять дверцы шкафов, заглядывать под кровати, под диван. Но папы нигде не было. Действительно, зачем папе прятаться в собственном доме от собственного сына? Чепуха какая-то? Но я же чуял папин дух.

— Папа! — крикнул я еще раз и выскочил на лестничную площадку.

Если бы я догадался подняться на этаж выше, я бы увидел папу, который, презрев все грозящие ему опасности, отважно пришел домой и приготовил изумительное блюдо. Но внутренний голос мне ничего не подсказал, и я закрыл за собой дверь.

Помыл руки и приступил к еде. Я отрезал кусок мяса и отправил его в рот. Закрыв глаза, я медленно жевал, когда до меня долетели крики с лестничной площадки. Оказалось, что я неплотно закрыл дверь.

Я вскочил и выбежал на площадку. Глянул вниз, в лестничный пролет, и обомлел. В драке сцепились Наташин отец и мой папа.

— Наконец-то ты мне попался! — кричал Наташин отец. — Отвечай, где моя дочь?

— Извините, — как всегда вежливо, отвечал мой отец. — Но я не имею представления, где ваша дочь.

— Ах, так ты еще и врать,— Наташин отец схватил моего папу за грудки и потряс. Папиного голоса я уже не слышал.

— Папа! — от волнения я пустил петуха и кубарем скатился вниз, на помощь папе.

Меня опередила Санина мама, неожиданно появившаяся в подъезде. Она взяла обоих пап за шиворот и развела в разные стороны, словно нашкодивших щенков. Или как это делает судья на ринге, разводя по разным углам боксеров в весе мухи.

Осторожно, чтобы меня не заметили родители, на цыпочках я вернулся на свой этаж и занял прежний наблюдательный пункт.

— Постыдились бы, лысые, седые мужики,— отчитывала пап Санина мама,— а ведете себя, как сопливые пацаны.

— Он первый напал,— наябедничал Наташин отец.

— Нет, он первый,— шмыгая носом, оправдывался мой папа.— Я шел себе, а он...

— А ну расходитесь в разные стороны,— рассердилась Санина мама,— чтобы глаза мои вас не видели.

Пристыженные, папы безропотно покинули поле боя. Я услышал, как хлопнула входная дверь. Все ясно — папа сделал свое дело и ушел.

Перемахивая через три ступеньки, Наташин отец подымался по лестнице. Встречаться с ним у меня не было никакого желания, и я скрылся в своей квартире.

Загадочные люди, эти взрослые. Нас учат — прежде чем что-то сделать, надо сто раз подумать. А сами сперва делают, а потом уже думают.

На кухне сыто великолепное папино блюдо. Но есть его мне совершенно расхотелось.

Я ужасно расстроился, что на моих глазах одолели папу.

Я вчера его предупреждал — Наташин отец хочет поговорить с тобой как мужчина с женщиной. А папа не послушался, потому что он не трус. Это прекрасно, что папе неведом страх, но заодно хорошо бы иметь здоровые кулаки.

Мой папа принадлежит к людям, которых обожают мухи. Потому что он никого не обидит, даже мухи.

Но если бы еще и его никто не обижал, никто бы не посмел даже пальцем тронуть. Если бы мой папа был таким же сильным, как Наташин отец.

Зазвонил телефон, но я трубку не поднял. Я догадался, что это звонит папа, но сейчас я не мог с ним разговаривать. Утешать его у меня язык не повернулся бы. Да и разве настоящий мужчина нуждается в утешении?

Через минуту раздался новый телефонный звонок. Папа решил, что прежний автомат барахлит и нашел другой. Гудки следовали за гудками, а я не брал трубку.

Папа уверен, что я дома. Возможно, он видел, как я вхожу в дом. Но он и не догадывается, что я был свидетелем его позорного поражения.

— Папа не может быть поверженным и побежденным! Папа должен быть победителем — всегда и везде!

В отчаянии я прокричал эти слова в пустой квартире, откуда еще не выветрился папин дух, и убежал на улицу.

Я пошел по улице и незаметно забрел в парк, в тот самый, где когда-то мы гуляли с Наташей.

Я должен отомстить за папу. Я придумывал планы один коварнее другого. Облить Наташиного отца ведром холодной воды, когда он будет утром спешить на работу? Нет, слишком мелко и ничтожно. Выйти с ним один на один в чистом поле и сразиться в честном поединке? Он же за одну секунду положит меня на лопатки.

От собственного бессилия я готов был реветь, но сдержался.

Тогда остается единственный выход. Я сажусь за руль его машины, разгоняю «Жигули» по горной дороге, и мы летим вниз, в ущелье, в пропасть. Я даже зажмурил глаза, когда представил себе эту леденящую кровь картину.

Мне стало холодно, и я очнулся. Оказалось, что я сижу на скамейке в той дальней аллее, по которой мы бродили с Наташей. Я вскочил и замахал руками, чтобы согреться.

Стоп, вдруг вспомнил я. Он же отец Наташи. Если он погибнет, Наташа будет страдать, она очень любит своего отца.

Ладно, великодушно решил я, дарю ему жизнь. Но не ради его самого, а ради Наташи.

Наташа — вот кто мне сейчас нужен дозарезу. Если бы я мог перекинуться с ней словечком, да просто увидел ее, я бы сразу знал, что мне делать. И не слонялся бы бесцельно по парку.

Сколько уже дней прошло, как Наташа исчезла? Четыре дня? А кажется, что четыре года.

Куда она уехала? Чего это ее маме приспичило так поспешно увозить свою дочь?

Наверное, мамина душа не выдержала, когда Наташа ударила Ляльку. А кто подтолкнул Наташу на это? Я. Как ни крути, во всем виноват я один.

Я сорвался с места и вновь помчался по парку.

Теперь я не могу со спокойной совестью глядеть в глаза Наташи, потому что из-за меня так круто изменилась ее жизнь.

Когда я пришел домой, был уже вечер. Мама встретила меня вопросом:

— Где ты пропадал? Я сижу как на иголках.

Так говорят про человека, который от волнения не может сидеть и беспрерывно вскакивает.

— Гулял, — ответил я, не вдаваясь в подробности.

Мама долго молчала, и у нее накопилось много вопросов. Я почувствовал, что она сейчас обрушит их на мою бедную голову, потому опередил маму:

— Мама, можно я потом отвечу на вопросы?

— Когда потом? — обиделась мама.

Я сам не знал когда. Может, завтра? А может, послезавтра? А может, когда вернется папа и найдется Наташа? В общем, тогда, когда все будет хорошо.

Я пошел спать, но не мог долго уснуть. Вроде бы провел целый день в парке, на свежем воздухе. Отчего бы сразу не задать храпака? Но сон не торопился ко мне.

И тогда я понял, в чем дело. Обычно я засыпал под стрекот маминой машинки.

Говорят, когда за окном идет дождь, хорошо спится. Так на меня действовал стрекот маминой машинки. А сегодня я не слышал его. И вчера не слышал, и позавчера. В общем, как папа ушел, замолкла и мамина машинка.

Я стал разгадывать, какая существует связь между папиным уходом и маминой машинкой, но быстро запутался и уснул.

СТОПРОЦЕНТНЫЙ МАЛЬЧИШКА

На первом же уроке Саня пристал ко мне с расспросами.

— Почему ты не пришел вчера к Игорю Александровичу?

— А кто это — Игорь Александрович? — я порылся в памяти, но не мог вспомнить знакомого с таким именем-отчеством.

— Наташин отец, — Саня поразился, что я этого не знаю.

— Ого, — протянул я, — у вас уже фамильярные отношения.

— Да, мы друзья, — гордо признался Саня. — Игорь Александрович спрашивал, почему тебя нет.

— Слезы лил? — с подковыркой спросил я.

— Ну что ты! — Саня расплылся в улыбке. — Он настоящий мужчина — камень!

— Булыжник, — поддакнул я.

Саня обиделся за Наташиного отца.

— Какая тебя муха сегодня укусила?

Так спрашивают у человека, который начинает вдруг ни с того ни с сего совершать такое, что никто от него не ждал.

Саня оказался провидцем — весь тот день пошел у меня наперекосы.

Эти милые, дружеские разговоры мы вели на уроке алгебры. Калерия Васильевна бросала на нас вопросительные взгляды, то есть взгляды, в которых было много вопросов. Но я уже давно научился отвечать на вопросы.

Поскольку наше поведение было вызывающим, Калерия Васильевна и вызвала меня к доске.

Я глянул на доску, на которой было написано условие задачи, и взял в руки мел. Но что-то меня смутило. Я перечитал условие задачи и понял, что меня смутило. Я никогда не решал подобных задачек. Наверное, Калерия Васильевна в эти дни объясняла новый материал, а я на уроках не слушал и дома мне некогда было заглядывать в учебник.

С тех пор как папа совершил первый мужской поступок, я не открывал учебников. А ребята ушли далеко вперед.

Я положил мел на место в знак того, что признаю свое поражение в битве с задачей, и повернулся к Калерии Васильевне.

— Кирилл, ты нездоров? — с надеждой спросила классная.

— Нет, я чувствую себя превосходно, — я не принял спасательного круга, который мне великодушно бросила Калерия Васильевна.

— Может, дома что случилось? — классной очень не хотелось ставить мне двойку.

Это было ближе к истине, но я не ухватился за соломинку, которую мне предлагала учительница. Прятаться за чужую спину — занятие, недостойное мужчины.

— Я не знаю, как решить задачу, — четко и ясно сказал я, — потому что не учил уроков.

Я отрезал Калерии Васильевне все дороги к отступлению. Класс ждал, чем закончится наш диалог.

Учительница взяла ручку и открыла дневник. Она была в явном затруднении, какую оценку мне ставить. Раньше все было просто — кроме пятерок других отметок у меня в дневнике не водилось.

— Что с тобой? — прошептала классная и дрожащей рукой вывела двойку.

А что со мной? А ничего! С независимым видом я сел на свое место. Класс зашумел. Саня чуть не присвистнул от удивления.

Я очень расстроился, что получил два балла. Но вспомнил, как вела себя по-мужски в подобных случаях Наташа. Она делала вид, что ничего не случилось, и сохраняла полное спокойствие. Теперь я понимаю, чего ей это стоило.

Едва прозвенел звонок, я первым выскочил из класса, чтобы избежать разговора с Калерией Васильевной. Во дворе меня догнала Лялька. Синяк давно исчез с ее симпатичной мордочки, и вообще она вся сияла.

Девочка протянула мне пачку сигарет:

— Передай, пожалуйста, своей даме сердца, — лукаво произнесла Лялька.

— Что это? — я пропустил мимо ушей ее ехидное замечание.

— Возвращаю долг и с лихвой,— объяснила Лялька.— Некогда она со мной по-братски, то есть по-сестрински поделилась.

Я взял пачку и сунул ее в карман.

— Кстати, как она поживает? Можешь ей передать, что я на нее больше не сержусь, я ее прощаю.

И, прежде чем я нашелся, что ответить, Лялька уплыла. У Ляльки была удивительная походка. Как бы скоро она не шла, казалось, что она плывет. Поэтому всякий останавливался и глядел ей вслед.

Я не был исключением и тоже глядел, как Лялька пересекала двор в окружении мальчишек.

Значит, некогда Лялька выпросила у Наташи сигареты, чтобы прогнать на всю школу. А теперь соперница сама ушла, тем самым признав свое поражение. Лялька вновь стала некоронованной королевой класса.

А мальчишки, которые совсем недавно вились вокруг Наташи, забыли о ее существовании. Прошло всего четыре дня, и уже никто ее не помнит.

Наверное, один я помню. Оказалось, что и Саня не забыл Наташу. На втором уроке — а это был английский — Саня шепотом рассказывал мне, что вчера они с Игорем Александровичем вновь объехали родственников и знакомых Наташиных родителей. Правда, применили другую тактику. Саня заходил и спрашивал, где Наташа. Мол, он ее давний приятель, проездом в этом городе. Но никто ничего им не мог сказать, кроме того, что мама вместе с Наташей уехала в отпуск.

Кончились наши разговоры тем, что англичанка вызвала Саню, и мой друг схватил «пару». Следом за ним поднялся я, и новая двойка украсила мой дневник. Сперва англичанка растерялась, не зная, какую отметку мне ставить. А когда увидела двойку, выведенную дрожащей рукой Калерии Васильевны, больше не колебалась и поставила мне двойку.

Ее примеру последовали и другие учительницы. Короче говоря, после пятого урока у меня было пять двоек. Больше двоек я сегодня уже не получу. Не потому, что все уроки кончились. Оставался еще урок пения. Но учительница пения никогда не ставила даже троек, не говоря уже о двойках.

— Полоса,— попытался меня утешить Саня, но я не хотел слышать ничьих слов и сразу после звонка выбежал из класса.

Во дворе мне тоже не ходилось, и я свернул за угол школы. Там, за высокими кустами, возле изгороди, было укромное местечко, где любили подымить старшекласники. Преимущество этого местечка заключалось в том, что если тебя накроют, ты всегда мог оправдаться, сказав, что курил не в школе.

Я вспомнил мудрые советы о том, что курение успокаивает, нащупал в кармане Лялькину пачку сигарет и стал отважно продираться сквозь кусты.

При моем появлении два долговязых парня (акселерация все-таки существует!) испуганно спрятали руки за спину, но, увидев, кто перед ними, снова задымили.

— А, гордость школы,— насмешливо приветствовал меня парень и погладил свои усики.

— Проваливай, пока цел,— второй парень, нервный, его физиономию украшали прыщи, со мной не церемонился.

Он подошел ко мне слишком близко, и это было его ошибкой. Я продемонстрировал прием, которому меня обучил Наташин отец, и прыщавый растянулся на земле.

— Угощайся,— уважительно произнес усатый и протянул мне сигареты.

— Спасибо, я курю свои,— я распечатал пачку и достал сигарету.

Усатый услужливо зажег спичку. Прыщавый поднялся и, отряхиваясь, обиженно буркнул:

— А еще гордость школы.

Я затанулся, как заправский курильщик, и почувствовал, что все поплыло у меня перед глазами. Мне показалось, что я очутился в космосе. Во всяком случае, невесомость я ощутил.

Уплыли куда-то долговязые парни, может, перебрались на другой корабль, и вместо них появилась Наташа.

— Наташа! Где ты пропадаешь? — радостно пробормотал я.

— Какой ужас! — услышал я испуганный голос и совершил безмятежную посадку в кусты, если бы меня не поддерживали.

— Какой ужас! — повторил знакомый голос, и я увидел, что передо мной не Наташа, а Калерия Васильевна. — Я думала, что ты ее перевоспитаешь, а перевоспитала тебя она.

В третий раз по школьному коридору двигалась необычная процессия. Правда, немного укороченная. Долговязые парни успели смыться.

Вслед за Наташей и Лялькой по этому тернистому пути шел я.

Я старался высоко держать голову, но спотыкался, и тогда меня поддерживала классная. Честно говоря, меня огорчало лишь одно — в коридоре не было ни души и никто не был свидетелем моего триумфа.

Нет, один свидетель все-таки появился. Да это же Саня в задумчивости бредет по коридору. У моего друга даже рот раскрылся от удивления, когда он увидел меня.

В учительской я положил на стол улику — пачку сигарет. Учительницы ахнули, а Елизавета Петровна прошептала:

— Кирилл, неужели это ты?

Конечно, директор меня узнала, но то, что совершил я, было

настолько на меня непохоже, что Елизавета Петровна и задала такой странный вопрос, на который и не ждала ответа.

Я вспомнил, где стояла Наташа, когда ее привели сюда с пачкой сигарет, и занял то же место. И точно также принялся смотреть в окно, будто все происходящее в учительской меня не касается. Может, мое независимое поведение вывело из терпения учительниц, которые с журналами под мышкой стали расхаживать по классам. И на меня посыпались упреки, и я, чтобы не согнуться под их тяжестью, про себя их комментировал.

— Грубит учителям! (Когда это было?)

— Двоек за один день нахватал столько, сколько не получал за семь лет! (Что есть, то есть!)

— А теперь вот закурил! (Сдаюсь, все улики против меня!)

— А еще гордость школы!

— Надо принимать экстренные меры!

Последнюю фразу произнесла Елизавета Петровна и вздохнула.

— Придется рассказать твоему отцу, что ты куришь, и вообще обо всем. Очень не хотелось бы его огорчать, но придется. Кирилл, попроси своего отца, чтобы он завтра пришел ко мне.

Если директор сама не может справиться и вызывает папу, значит, я превратился в стопроцентного мальчишку.

— А папы нету,— честно сказал я.

— А где он? — спросила директор.

— Папа в командировке,— ответил я так, как мне велел папа.

— И когда вернется? — задала вопрос классная.

— Не знаю,— совершенно искренне ответил я.

Я бы все отдал, чтобы узнать, когда папа вернется.

Признаться, со страхом я ждал, что мне скажут привести в школу маму. Но этого не произошло. В нашей школе, где были сплошные учительницы, за исключением учителя по физкультуре, мамы авторитета не имели и уважением пользовались только папы. Учительницы считали, что папы знают секрет, как найти кратчайший путь к сердцу ребенка.

— Ну что ж, подождем, пока твой отец вернется,— директор многозначительно посмотрела на классную.

Все ясно, пока мой папа не вернется, Калерия Васильевна должна не спускать с меня глаз.

Наконец, я был отпущен. В коридоре меня ждал Саня с сумками — своей и моей.

— Пение заболело,— сообщил он,— урока не будет.

Я как чувствовал, что шестую двойку сегодня не схвачу. А завтра? Завтра посмотрим.

— Ну что там? — Саня показал на дверь учительской,

а когда я махнул грустно рукой, подбодрил: — Перемелется, мука будет.

И Саню потянуло, как моего папу, на мудрые изречения. А меня куда тянет? Уехать бы сейчас в маленький старинный городок, а то я совсем запутался в жизни. Маленький старинный городок, повторил я, и меня вдруг осенило.

— Эврика! — воскликнул я, и тут же для Сани перевел с греческого: — Нашел!

— Что нашел? — не понял Саня.

— Не что, а кого, — поправил я друга. — Наташу я нашел.

— Как? — недоверчиво покосился на меня Саня.

— Интуиция, — похвастался я и спросил: — Деньги у тебя есть?

— Есть, — ответил Саня. — Мама мне сказала после школы сходить в магазин.

— И у меня есть, — я прикинул содержимое наших карманов, вроде, на билеты должно хватить. — Поехали на вокзал.

Мы встиснулись в троллейбус, идущий к вокзалу, и я поведал Сане, как меня осенило.

— Ты знаешь маленький старинный городок, где родился великий поэт?

— Знаю, — ответил Саня.

— Так вот — Наташа обитает там, — торжествующе произнес я.

— Почему?

— Да потому, что в маленьком старинном городке родился не только великий поэт, но и Наташина мама. Она говорила, что самый воздух там напоен поэзией.

— Что-что? — переспросил Саня.

— Ну, стихи попадают на каждом шагу, — неуклюже перевел я с языка поэзии на язык прозы.

— А-а, — протянул Саня, — но почему отец не искал там Наташу? Неужели он не знает, где родилась его жена?

Знать-то он знает, но не придавал этому значения, потому что жизнь жены его не особенно интересовала. Все это я подумал про себя, а вслух сказал:

— Конечно, знает, но туда не поедет.

— Уверен? — спросил Саня.

— Если ты ему не расскажешь, — подколот я друга. — Вас же теперь водой не разлить.

— Зачем мне рассказывать? — смутился Саня.

— Давай сделаем так, — предложил я. — Съездим, разведаем, там ли Наташа, а потом посмотрим, что делать.

Мы сошли у вокзала, и Саня вдруг спросил:

— А когда мы поедем?

— Завтра.

— Но завтра не воскресенье,— осторожно напомнил Саня.— А школа?

— Что важнее — найти Наташу или протирать штаны в школе? — ответил я вопросом на вопрос.

Саня замаялся. Вообще мы с ним поменялись ролями. Совсем недавно он тащил меня с собой на телевидение, а сейчас не хочет ехать к Наташе.

Слово за слово я вытянул у Сани признание. Оказалось, что проход на телевидение окончился для Сани плачевно. Маму ему провести не удалось. Когда он стал сочинять небылицы вроде того, что заработал свои героические ссадины в битве с хулиганами, мама не поверила ни одному его слову. Она была врачом-травматологом и видела глубоко, как рентген.

И пришлось Сане рассказать всю правду. Увлечшись, он проговорился и о том, как мы с ним попали в милицию. Тут мамино терпение лопнуло, и она ему сделала массаж на тех частях тела, которые избежали повреждений.

Сейчас Саня под неусыпным маминым наблюдением. Она отпускает его лишь покататься с Наташиным отцом. И поэтому Саня никак не может уехать на целый день и прогулять школу.

— Все ясно,— я презрительно сощурился.— И тебя одолел матриархат.

Я повернулся и пошел к автовокзалу. Я знал, что большего оскорбления нельзя было нанести Сане. И буквально через минуту он догнал меня:

— Я с тобой.

Ну и отлично. Мы купили билеты на утренний автобус и договорились — скажем мамам, что завтра наш класс отправляется на экскурсию в маленький старинный городок, где родился великий поэт.

Саня отправился в магазин выполнять поручение своей мамы, а я, как обычно, в парк.

Набродившись по аллеям до того, что еле переставлял ноги, я вернулся домой поздно вечером.

Едва я успел поздороваться, как мама заговорила. Я понял, что мама и сегодня не намерена отмадчиваться.

— Я тебе благодарна, что ты приготовил изумительный суп и совершенно роскошное мясо.

Понятно, папа и сегодня нас посетил. Папа старается, замаливает грехи.

— Все необыкновенно вкусно, как...— мама запнулась, но набралась решимости и закончила свою мысль,— как будто готовил папа. Но почему ты сам не попробовал ни кусочка? И где ты так здорово научился стряпать?

Я понял, что это лишь самые первые из того вороха вопросов, которые мама намерена высыпать сегодня на меня. И я решил перехватить инициативу.

— Мама, мы завтра отправляемся всем классом на экскурсию в маленький старинный городок...

— Тот самый, где родился великий поэт? — мама обладала великолепной памятью. — Но почему в будний день?

— Новый метод изучения литературы, непосредственно у источника, — ответил я. — Между прочим, я пришел поздно, потому что покупал билеты и вообще занимался подготовкой поездки... Мам, собери, пожалуйста, мне рюкзак, а я лягу, завтра рано вставать.

Мама клюнула на мою удочку и пошла в кладовку за рюкзаком.

Так я оттянул еще на день ту минуту, когда мне придется отвечать на мамины вопросы.

Часть третья. НАТАША.

В СТАРИННОМ ГОРОДКЕ

Автобус развернулся на площади и остановился. Вот он, маленький старинный городок.

Мы спрыгнули с подножки, поправили рюкзаки за плечами и огляделись. Городок нам понравился с первого взгляда. Площадь окружали двухэтажные старинные дома. Сама площадь была вымощена камнем. Не сговариваясь, мы пошли по брусчатке. Звуки наших шагов нарушили тишину старинного городка.

От площади лучами расходились узкие улочки. В просвете между домами мы увидели развалины замка.

— Ух, ты! — воскликнул Саня. — Представляю, какой он был целый!

Мы снова двинулись по площади. Наше внимание привлек стенд, приглашавший в дом-музей великого поэта, и указатель, по какой улице идти к этому самому дому-музею. Выходило, что он как раз в противоположной от замка стороне.

— А где она жила, Наташина мама не сказала? — с надеждой спросил Саня.

— Нет, она сказала, что здесь самый воздух напоен поэзией и что на каждой улице можно встретить тень великого поэта.

Саня шумно втянул в ноздри воздух, но, по-видимому, так и не разобрался, чем он пахнет.

— Если бы у этой тени можно было спросить,— вздохнул Саня,— где живет Наташка.

Я не хотел говорить Сане — боялся, что он подымет меня на смех! — но едва мы ступили на камни старинного городка, как у меня возникло предчувствие — Наташа здесь! Стоило нам чуть побродить по городку, как предчувствие окрепло и превратилось в уверенность. Сейчас мне казалось, что воздух в городке напоен Наташей.

Мы присели на скамейку и полезли в рюкзаки. Чего только не собрали нам мамы на дорогу. Оглядев наши припасы, я бодро сказал:

— Неделю продержимся, а за неделю мы каждый дом в городке обойдем.

— А где ночевать будешь? — спросил Саня, сражаясь с жареной курицей.

— В замке,— произнес я, отправляя целиком в рот круто-сваренное яйцо.

— А не замерзнешь?

— Костер разожжем,— на все Санины вопросы у меня были ответы.

Покончив с едой, Саня повеселел.

— Пошли посмотрим развалины и — домой.

— Давай рассуждать логично,— сказал я.— В городке две достопримечательности — дом-музей и развалины замка. Куда Наташа отправится после школы?

— Конечно, в развалины,— убежденно произнес Саня.

— Почему?

— Да потому, что там можно целое сражение устроить,— захлебываясь, стал говорить Саня.— Представляешь, враги с копьями в руках забираются на крепостную стену, а мы их из пулеметов — тра-та-та...

— Девчонки в войну не играют,— перебил я друга.

— Наташа не девчонка, то есть она не обыкновенная девчонка,— поправил сам себя Саня.— Я уверен, что Наташа каждый день приходит на развалины.

— Нет,— покачал я головой.— После школы Наташу тянет к домику-музею. Она долго бродит по аллеям, а потом присядет на уединенную скамью, раскроет том великого поэта...

Меня прервал взрыв хохота. Саня корчился в судорогах смеха, выкрикивая бессвязное: «Ой, не могу, ой, держите».

— Ты меня уморил,— вытирая слезы, говорил Саня.— Чтобы Наташка бродила возле домика поэта и почтительно лепетала стишки...

— Стихи,— вставил я.

— Хорошо, стихи,— принял поправку Саня.— Чтобы Наташка читала стихи, та самая Наташка, которая заткнет за пояс любого пацана, если выйдет на поле, та самая Наташка, которая дерется, как богиня...

— Да, та самая Наташа!

— Давай на спор,— Саня протянул мне руку,— я иду к развалинам замка, ты к дому-музею... Кто первый найдет Наташу, тот и выиграл. Встречаемся в три часа...

— На что спорим? — спросил я.

— На пять щелбанов.

Мы скрепили наш договор рукопожатием и разошлись, каждый в свою сторону. Часы на башне пробили два раза. Остался час до того, как мы узнаем, кто из нас прав. Я не сомневался, что выиграл пари, и уже жалел, что надо было поспорить на все десять щелбанов. У меня руки зачесались, так захотелось вlepить Сане по лбу. Он не знает, что Наташа может быть другой. А я знаю. И здесь, в маленьком старинном городке, где все дышит поэзией, Наташа переменилась.

Я шел по тротуару, вымощенному плитами. За невысокой оградой начинался парк, а там, в глубине, окруженный высокими тополями, белел маленький одноэтажный домик. Он бы затерялся среди прочих домов, если бы в нем не родился великий поэт.

Я собрался прибавить шагу, но вдруг остановился. Потому что навстречу мне шла Наташа. Я снял очки, лихорадочно протер стекла, вновь нацепил на нос — нет, это не галлюцинация, не мираж, не привидение. Сомнений не было — ко мне приближалась Наташа. Она шла неторопливо, как человек, который не впервые бродит по этим улочкам, и все здесь ей знакомо, и потому совсем необязательно глазеть по сторонам, а можно просто идти, зная, ощущая, как приятен каждый шаг.

Я побежал. Нет, я помчался. Нет, нет, я полетел навстречу Наташе.

И вдруг я замедлил шаги, а потом и вовсе остановился.

Потому что навстречу мне шла не Наташа в голубой куртке, а ее мама в светлом плаще. Просто удивительно, до чего они схожи между собой. Постой, сказал я сам себе, значит, где-то поблизости должна быть и Наташа. Я стал усердно вертеть головой, но Наташи не увидел.

— Кирилл, Кирюша! — окликнула меня Наташина мама.

Наташина мама сияла от радости. Я тоже улыбнулся и привычно соврал, что мы здесь всем классом на экскурсии.

Но Наташину маму оказалось нелегко провести.

— Не лгите, Кирилл,— она покачала головой,— вы совершенно не умеете лгать. Но это же прекрасно! У вас на лице написано, что вы приехали к Наташе.

Я вынужден был признать, что Наташина мама права, и я действительно соврал, за что покорно прошу у нее прощения.

— Кирилл, — решительным взмахом руки Наташина мама остановила поток моих извинений, — я была уверена, что вы один ее найдете. А знаете как? Сердце вам подскажет.

Ну что ж, это была чистая правда.

— Ой, я вас совершенно заговорила, а вы же приехали Наташу повидать. Пойдемте скорей, она уже дома.

Наташина мама взяла меня под руку и повела назад по той же улице, по которой я шел к дому-музею. Я понял, что площади нам не миновать, а там меня поджидают Наташа и Саня. Да, Саня выиграл пари. Я невольно погладил лоб.

— Что, кружится голова? — от Наташиной мамы ничего не ускользало. — Здесь особенный воздух. Я тут отдыхаю душой. Скажу вам по секрету, и Наташа переменялась. Вы ее не узнаете, Кирилл. Признаюсь, я за нее начала беспокоиться, растет, как мальчишка, грубая, даже жестокая. И вот тут, на земле моего детства, сердце ее открылось добру, красоте, любви...

Мы как раз вышли на площадь. Часы на башне зазвенели и мелодично отбили три раза. Точно по их приказу, двинулся с места автобус и, описав круг по площади, исчез в узкой улице.

Наташина мама говорила не останавливаясь. При Наташином отце она, вероятно, рта не раскрывала. И сейчас хотела вознаградить себя за вынужденное молчание.

А я все никак не мог воспользоваться паузой (поскольку пауз попросту не было!), чтобы сообщить Наташиной маме, что вместе со мной в маленький старинный городок прибыл Саня.

Наконец, я сделал самое простое — остановился посреди площади.

— Я совсем забыл вам сказать, что приехал не один, — торопливо проговорил я свою реплику.

— А кто еще? — испуганно спросила мама.

— Саня.

— Ах, Саня! — Наташина мама вновь ожила.

Я поведал маме, как мы с Саней отправились в разные стороны на поиски Наташи, чтобы потом, в назначенное время сойтись на площади. И вот это время как раз наступило. Естественно, я не открыл маме, что мы побились об заклад, то есть поспорили на пять щелбанов. Но я не удержался и спросил:

— Где Наташа любит бродить после школы — возле дома-музея или у замка?

— Она нигде больше не бродит, — с гордостью за дочь сказала мама. — Наташа сразу после школы идет домой.

На площади ни Сани, ни Наташи не было видно. Мы ждали их минут пятнадцать, а потом направились к замку. Неподалеку от развалин у подруги детства жили мама с Наташей.

От замка уцелело совсем немного — одна башня да полуразрушенная стена. Но у кого было воображение, мог себе до-

фантазировать, как все происходило в те времена, когда замок возвышался над городком. Как преодолевали глубокий ров воины в железных латах и шлемах, как с высоких стен защитники замка сбрасывали на непрошенных гостей смолу и камни, как в редкие мирные дни бурлили тут пиры и как далеко было видно окрест — и поля, и речку, и леса.

На развалинах было полно мальчишек и девочек. Но ни Сани, ни Наташи мы не увидели.

— Они уже дома,— уверила меня мама.— Пойдемте скорей.

На двери деревянного домика висел замок.

— Странно,— мама пошарила под дверью, нашла ключ и отперла дверь.— Наташа давно должна быть дома.

Я прошел в комнату. Первое, что бросилось мне в глаза, была кукла. Она сидела в нарядном платье на диване с поднятыми руками, словно приветствовала гостей.

— Чья это кукла? — удивился я.

— Наташина,— спокойно ответила мама.

— И что, Наташа с ней играет? — хмыкнул я.

— Конечно, ведь она еще ребенок,— Наташина мама ставила на столе тарелки.

И вправду, ничего нет смешного. Наташин отец запрещал дочери играть в куклы, а природа и мама взяли свое.

— И сейчас себя ведет, как ребенок,— рассердилась Наташина мама.— Должна быть давно дома, пора обедать, и вы, Кирилл, уже проголодались.

Наташина мама схожа с моим папой еще в одном пунктике. Первым делом она спрашивает: «Есть хотите?», а если ты отвечаешь, что нет, она все равно не успокоится, пока не покормит.

Вдруг мама вскрикнула. Я оторвался от куклы и увидел, как Наташина мама медленно оседает на пол. Я кинулся к ней, подхватил маму и усадил на стул. В руке мама держала листок бумаги. Я понял, что этот листок и был причиной того, что она едва не упала.

Мама перечитала записку и поспешно бросила ее на стол, словно бумага пылала и жгла ей руки.

— Он оказался сильнее,— прошептала мама.— Снова победил он. Теперь уже окончательно и бесповоротно.

Она протянула мне листок, вырванный из школьной тетради.

— Вы опоздали, Кирилл. Читайте.

Я развернул листок, на котором торопливой рукой было выведено:

«Дорогая мама!

Прости меня, но я должна ехать к папе. Мы с тобой договаривались, что через пять дней я получаю право выбора. И я выбрала — еду к папе. Я знаю, что ему без меня плохо.

Спасибо тебе за пять чудесных дней!

Твоя дочь Наташа».

Саня поработал. Наплел с три короба Наташе, как мучается и страдает ее отец, разжалобил девочку, вот она и уехала. А про Наташину мать Саня и не подумал.

Но ничего, мысленно пообещал я своему другу, сегодня вечером я с тобой поговорю по-мужски.

А может, Саня оглушил Наташу и запихнул ее в рюкзак. Научился от Наташиного отца. В первобытном обществе вот так девушек и умыкали.

— Я действительно уговорила Наташу побыть со мной неделю, хоть пяток дней,— объяснила Наташина мама.— Но я думала, я была уверена, что она останется со мной, останется навсегда.

— Она к вам вернется,— сказал я.

— Вы так думаете, Кирилл? — встрепенулась мама.— Но почему?

— По письму видно,— убежденно произнес я.

Мама жадно накинулась на письмо и вновь пробежала его глазами.

— Здесь об этом ни слова.

— А между слов? То есть между строк?

— Пожалуй, вы правы,— лицо Наташиной мамы вновь осветилось надеждой.— Не будем отчаиваться, Кирилл. С нами поэзия, вся мировая литература.

Как я ни отнекивался, Наташина мама накормила меня до отвала, а сама даже не притронулась к еде.

А потом проводила меня на автостанцию. По дороге стала рассказывать о маленьком старинном городке, который она обожала.

— Я убеждена, каждый, кто побывал в нашем городке, обязательно захочет сюда приехать снова.

Описав прощальный круг, автобус катил по улице, а я все махал рукой — на площади замерла одинокая фигура Наташиной мамы.

ДИССЕРТАЦИЯ ИЛИ Я

Еще на лестнице я услышал знакомый голос. Папа! Папа вернулся!

Я открыл дверь и пулей влетел в комнату.

— Папа!

Слегка развалившись, папа сидел на своем привычном месте — в кресле, но не дома, а на голубом экране.

— ...Проблема сложнее,— вещал папа,— женщина изменилась, женщина хочет играть другую роль, не ту, что ей

предназначила природа, а мужчина к этому не готов, он мыслит по старинке.

Не раздеваясь, я сел на стул. Мама сидела на диване, укутавшись в плед.

Она бросила на меня настороженный взгляд, но не проронила ни слова. Наверное, не хотела мешать папе, который отводил душу на экране.

— Но, с другой стороны, женщина, избавившаяся от домашних хлопот и забот о семье, теряет нечто... драгоценное, женственное, чему поклонялись мужчины веками, что они воспевали в поэзии, музыке...

— Ты мечтаешь ввести домострой, — решительно перебила мама папу.

А папа, словно услышав маму, очаровательно улыбнулся с экрана.

— Не подумайте, пожалуйста, милые женщины, что я зову вас во времена домостроя. Ни в коем случае, я за равноправие в семье. Более того, я считаю, что в семье не должно быть лидера.

— Чепуха на постном масле, — подала голос мама. — Семья это маленький коллектив, а коллектива без лидера не может быть.

Я ошалело крутил головой, переводя взгляд с папы на маму. У меня было полное ощущение того, что они говорят друг с другом.

— Мне могут возразить, — тут же подхватил папа на экране, — что в коллективе без лидера не обойтись. Так вот лидерами в семье должны быть дети...

— Это что-то новенькое, — сказала мама с неожиданным интересом.

— Собственно, во многих семьях так уже и есть,— продолжал папа,— дети сели на шею родителям. Итак, лидер в семье это сын...

— Пожалуй, ты прав,— задумчиво сказала мама.

Я не верил своим ушам — мама впервые согласилась с папой. Наедине папа ни разу не сумел убедить маму, а вот по телевизору ему это удалось. Великая сила искусства!

Передача закончилась, мама выключила телевизор и обратила свой взор на меня.

— Где ты был? — спросила мама.

— Ты же знаешь,— я почувствовал себя лидером, то есть самым главным в семье, и поэтому отвечал спокойно.— В маленьком старинном городке.

Я повесил в прихожей куртку, повернулся к зеркалу, чтобы причесаться, и не узнал себя. На меня смотрел подросший, здорово похудевший, почти стройный (что значит пять дней не вкушал папиных обедов), с обветренным, загорелым лицом (ежедневные прогулки по парку, поездка в старинный городок явно пошли мне на пользу) юноша. Отрадное впечатление немного портили очки. Но ничего — очки украшают современного мужчину.

— На экскурсии? — расспрашивала дотошно мама.

— На экскурсии,— подтвердил я,— ты знаешь, там развалины замка...

— И весь класс ездил? — перебила меня мама.

Тон, которым мама задала новый вопрос, должен был меня насторожить. Но непривычное ощущение лидера успело вскружить мне голову, и я потерял бдительность.

— Ага, весь класс ездил, и Калерия Васильевна,— врал я напропалую, не отрывая взгляда от своего изображения в зеркале.

— Когда ты научился обманывать? — взорвалась мама.— Сегодня приходила Калерия Васильевна и все мне рассказала.

— Все? — задал я дурацкий вопрос.

— Все-все,— подтвердила мама.

Значит, классная не дождалась, пока папа вернется из командировки, и нанесла маме визит вежливости. Теперь маме известно о том, сколько я двоек получил, и о том, как курю на переменках, и о том, конечно, что прогулял целый день без уважительной причины.

— Я не ожидала от тебя, что ты будешь мне врать,— мама никак не могла успокоиться.— Мне кажется, что я этого не заслужила.

— Но я и вправду был в маленьком старинном городке,— вставил я на свою беду.

— А до Калерии Васильевны ко мне приходила Санина мама,— мама нанесла мне решительный удар.

Итак, мама знает и о том, что мы попали в милицию. Представляю, в какой ужас это маму повергло.

— Мама,— попытался я оправдаться,— в милиции мы оказались случайно...

— Слишком много случайностей,— отрезала мама,— а я вижу четкую закономерность — ты превратился из прекрасного мальчика, отличника, гордости школы в отпетого хулигана, лоботряса и двоечника. Калерия Васильевна считает, что на тебя плохо влияет Наташа.

— Мое превращение произошло тогда, когда Наташа исчезла из города,— ухмыльнулся я.

— Как же это случилось? — задала новый вопрос мама.

У моей мамы и вправду научный склад мышления. Вон как все она четко вычислила и вывела кривую моего падения.

— Мама, но ты ведь мечтала, чтобы я был таким? — выложил я свой последний козырь.

— Я хотела, чтобы ты стал настоящим мужчиной,— мама побила и эту мою карту.— Скажи, ты делаешь это мне назло?

Я покачал головой. Зачем мне делать маме назло? Просто когда-то я мечтал стать настоящим мужчиной, но у меня все никак не получалось. А стоило папе уйти из дому, как я буквально в считанные дни превратился в настоящего пацана. Да, все началось после того, как папа совершил первый мужской поступок.

— Все,— решительно заключила мама.— Я беру отпуск и вплотную занимаюсь твоим воспитанием — до конца учебного года осталось всего ничего.

Я задумался. Что же это получается? Наташина мама взяла отпуск, чтобы переделать дочку. Моя мама собирается заняться моим воспитанием и для этого берет отпуск. Как ни крути, а мужчины добились своего — женщины вернулись к домашнему очагу.

Между прочим, какой там очаг, у нас электроплита, огня не видно и не слышно. Но всякий раз, когда папа, обвязав живот маминым передником, священнодействовал у плиты, мне казалось, что я вижу, как пылает огонь в печи, и слышу, как трещат поленья. Кстати, почему я называю передник маминым, если я никогда его не видел на маме?

А когда папа хлопнул дверью, очаг погас и тепло ушло из дома. Мама зябла, куталась в клетчатый плед и жаловалась, что в этом году очень рано перестали топить.

Итак, сейчас мама с утра до вечера будет заниматься моим воспитанием. Правильно, чем маме еще заниматься, как не растить единственного ребенка?

Теперь мама задает мне все свои тысячу и один вопрос, а я должен буду на них ответить. У мамы железный характер — поблажки от нее не жди. Вон как она упорно сидит над своей диссертацией. Да, а как же диссертация? Если мама берется за

меня, значит, откладывается диссертация. И наоборот. Мама берется за диссертацию и откладывает меня.

— Мама, а как диссертация? — спросил я вслух.

— Ты важнее любой диссертации, — улыбнулась мама.

Польщенный, что я стою больше диссертации, я не отстал от мамы, пока кое-что не узнал. Мама познакомила с результатами своей работы ученый совет, то есть совет, состоящий из ученых мужей. Мнения ученых мужей разделились. Одни похвалили, но сдержанно, а другие, самые разговорчивые, объявили мамину диссертацию неперспективной, то есть такой, над которой нет смысла работать. Вот почему мама без особого огорчения берет отпуск, чтобы поработать надо мной.

И тут я вспомнил, как однажды мое яркое выступление в мамину защиту спасло ее диссертацию. Тогда мне стукнуло полгода, и мы с мамой были неразлучны. Не могли расстаться не то что на день, а даже на несколько часов.

Мама как раз закончила кандидатскую диссертацию и такую сложную, что никто в нашем городе не мог ее понять, и поэтому маме пришлось ехать на защиту в столицу. Мама взяла с собой меня. Говорят, что я в то время был млекопитающим, то есть питался материнским молоком, и потому, мол, не мог обойтись без мамы. Мне кажется, все было наоборот. Без моей помощи маме было бы трудно защититься. Могла ли противостоять ученому совету, состоящему сплошь из мужчин, слабая, незащищенная женщина с ребенком на руках?

Как сейчас помню, сражалась мама отважно, отбивая все наскоки. И уже ученые мужи должны были склонить голову перед мамой и признать свое поражение, когда один самый вездливый задал маме каверзный вопрос. Мама на минутку задумалась. И тогда вместо мамы ответил я. По свидетельству современников, я вопил благим матом. Совет ученых мужей был сломлен, смят, повержен, разбит наголову. Ни у кого больше не возникало никаких вопросов. И все наперебой поздравляли маму с успешной защитой.

Правда, злые языки утверждают, будто орал я не потому, что защищал маму и ее диссертацию, а потому, что наступило время кормления и по зову инстинкта я требовал пищи. Ну что можно ответить на эти обвинения? Есть люди, которые во всем видят только плохое.

Как бы там ни было, но четырнадцать лет назад я помог маме защитить диссертацию. А сейчас, когда маме трудно, мы с папой бросили ее на произвол судьбы. Папа пустился в бега, и я пустился во все тяжкие. Да, мужчина — опора женщины... Надо что-то предпринять.

Я не успел ничего придумать, как к нам в дверь позвонили. Я открыл — на пороге стоял сияющий Наташин отец.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался он и позвал меня и маму. — Пойдемте ко мне, у меня для вас сюрприз.

Я догадывался, какой сюрприз меня ждет. Я увижу Наташу.

Мы поднялись наверх. Из распахнутой двери доносилась музыка.

В хорошо мне знакомой комнате танцевала Наташа в длинном платье. Я глядел на девочку и не мог проронить ни слова. Ее мама сказала правду — Наташа изменилась. Она стала еще прекраснее.

На Наташу с любовью и с удивлением пялили со стены глаза мотоциклисты, боксеры, хоккеисты. Они узнавали и не узнавали девочку.

— Она вернулась! Сама вернулась! — отец ликовал, как маленький.

— Добрый вечер, — поздоровалась Наташа, продолжая танцевать.

— Привет, — наконец, открыл рот и я.

— Магнитофон — подарок Наташе по случаю возвращения, — объяснил моей маме Наташин отец и задергался в такт музыке. — Танцуйте, что вы стоите?

Мама сбросила плед на тахту и пустилась в пляс. Я тоже задрогал ногами рядом с Наташей. Хорошие сейчас танцы — каждый выпендривается как хочет.

И только сейчас я заметил в комнате постороннее лицо. Если говорить откровенно, это лицо мне было очень даже хорошо знакомо, потому что это был Саня. Но прежде Саня, как говорили в старину, не был вхож в дом. А сейчас он почетный гость, имеет заслуги перед Наташиным отцом — привез блудную дочь.

Саня танцевал своеобразно. То ли делал зарядку, наклоны влево и вправо, приседания, то ли плясал.

Я погрозил ему кулаком, мол, ответишь за то, что увез Наташу. Саня жестами показал, мол, попробуй сам свяжи Наташу; интересно, что у тебя получится.

Я знал — ничего не получится. Никто не заставит Наташу поступить против ее воли. Она сама вернулась к отцу и оставила мать точно также, как пять дней назад бросила отца и уехала с матерью.

С хитрым видом Саня поманил меня в коридор и, ни слова не говоря, вlepил пять щелбанов. Я потер лоб и подумал, а не много ли мне влетело сегодня за то, что я нашел Наташу. Ладно, ради Наташи все можно стерпеть.

ЗА СТОЛОМ ПЕРЕГОВОРОВ

Следующий день было воскресенье, и я с утра обложился учебниками — наверстывал упущенное, догонял ушедших вперед одноклассников.

Мама узнала у Калерии Васильевны, что мы проходили в эти дни, и я погрузился в океан знаний.

А мама стояла на страже. Она поднимала телефонную трубку и отвечала, что Кирилл не может подойти, потому как делает уроки.

С телефоном в тот день творилось что-то неладное, он трезвонил с самого утра. Спрашивали то Марину, то Галину, то аптеку, то милицию.

— Вокзал, — сказала мама, устав от звонков.

Иногда звонили, никого не звали и лишь сопели в трубку.

— Наверное, тебе звонит девочка и стесняется со мной говорить, — определила мама и разрешила: — Следующий раз сам подойдешь.

Когда вновь зазвонил телефон, я взял трубку.

— Наконец-то, — услышал я шумный вздох облегчения, и папа с места в карьер стал осыпать меня упреками. — Почему ты не подходишь? Кого я только не звал, и Марину, и Галину, а потом фантазия иссякла. Кстати, почему мама дома?

— Сегодня воскресенье, — напомнил я.

— Но она и по воскресеньям умудрялась работать, — сказал папа и обеспокоенно спросил: — Как у вас с обедом?

— Прекрасно, остался еще вчерашний, приготовленный тобой, — выпалил я и зажмурил глаза — что сейчас будет?

— А почему ты ничего не ел? — Как я и ожидал, папа выдал себя с головой. — Откуда ты знаешь, что я готовлю?

— А кто же еще? — вопросом на вопрос ответил я и добавил: — Папа, пора кончать эту игру.

— Какую игру? — не понял папа.

— Жизнь — слишком сложная штука, — и меня потянуло на изречения, от наследственности никуда не уйдешь. — Пора нам с тобой стать настоящими мужчинами. Я предлагаю тебе встретиться на нейтральной территории за столом переговоров.

— Когда? — спросил папа.

— Сегодня, — ответил я и добавил: — Промедление смерти подобно.

— Сейчас никак не могу, иду на утренний спектакль, потом на телевидение, — объяснил папа. — Давай в шесть вечера, в кафе у студии — помнишь, мы там с Саней были? Посидим, поговорим.

Мама была недовольна тем, что я слишком долго разговариваю по телефону и тем самым отвлекаюсь от уроков.

— Я вчера забыла задать тебе один вопрос, — сказала мама, когда я сел за стол. — Тебя не было целый день дома, а между тем был приготовлен обед.

— Что тут непонятного? Обед приготовил папа.

— А вчера, позавчера?

— И вчера, и позавчера, и третьего дня — тоже папа. Он приходил тайком и варил суп.

— Это очень мило с его стороны,— порозовела мама, но тут же скомандовала: — Занимайся!

Но не суждено мне было в тот день догнать своих ушедших вперед одноклассников.

К нам прибежала раскрасневшаяся Наташа. Она снова была в прежней форме — джинсы и кеды.

— Кир,— воскликнула она с порога.— Пошли играть в футбол. Мы все тебя ждем. И Глафира Алексеевна тоже.
— А Саня где?

— Саня на площадке,— рассмеялась Наташа.— Я его уговорила.

— А кто это Глафира Алексеевна? — поинтересовалась мама.

— Та самая одинокая пенсионерка, которой я разбил окно,— напомнил я.

— А теперь она нас тренирует,— добавила Наташа.

— Часок можешь размяться,— неожиданно разрешила мама.

Когда мы с Наташей пришли, тренировка шла вовсю.

— Кир, становись в нападение, вместе с Наташей,— командовала Глафира Алексеевна,— а Саня переходит в полузащиту. Саня, ты будешь диспетчером, организатором игры. И вообще на тебя вся надежда. Ты один стоишь целой команды.

Саня пыжится, гордится бабушкиной похвалой.

Я тоже радуюсь, что Глафира Алексеевна поставила меня в нападение, значит, не забыла мой меткий удар.

Бабушка прикладывала ко рту рупор, и потому ее голос гремел по всему двору.

Распахивались окна, в них появлялись любопытные головы. Болельщики выходили и на балконы. Конечно, это были мужчины. Кто, как не мужчины, самые заядлые любители и самые тонкие знатоки футбола? Наша игра им нравилась. Болельщики подбадривали нас криками и аплодисментами.

Мы носились по полю как угорелые. А Глафира Алексеевна то и дело подгоняла нас мудрыми советами:

— Кир, не жадничай, отдай мяч!

— Саня, снова перемудрил, играй попроще!

— Мальчики, бегайте! Помните, движение, движение и еще раз движение — вот три кита, на которых стоит современный футбол.

Мы до того набегались, что едва переставляли ноги, и бабушка объявила:

— На сегодня хватит, пойдемте ко мне пить чай.

Маленькая бабушкина комната была тесновата для нашей команды. Кто сел за стол, кто на диван, кто на подоконник, а Саня расположился прямо на полу.

И чашек у Глафиры Алексеевны не хватало. Поэтому мы пили чай по очереди. Сане первому бабушка налила чай и подала кусок торта.

— Глафира Алексеевна, — с полным ртом полюбypoпытствовал Саня, — а какой сегодня праздник?

— Праздник? — переспросила бабушка. — Вроде нет никакого праздника.

— А почему торт и прочее? — не отставал мой друг.

Мы все усталились на Глафиру Алексеевну.

— Вы пришли ко мне в гости, вот и праздник, — сказала бабушка. — А еще в нашей команде теперь играешь ты, Саня.

— Ага, — сказал Саня, — профессионала из меня не вышло, пойду в любители...

— И Кир с сегодняшнего дня с нами, — перечисляла Глафира Алексеевна, — и Наташа вернулась — тоже праздник. Видишь, Саня, сколько праздников?

Мы с Наташей разливали чай и разносили торт.

— Теперь мы все вместе, — продолжала Глафира Алексеевна. — Вообще наша установка на собственные силы. Никаких игроков со стороны, я имею ввиду, из соседнего двора. Наша опора — любители, самозабвенно преданные футболу, готовые ради него отречься от всего, например, от дурных привычек.

Руки бабушки привычно пошарили по столу в поисках папирос и спичек. Глафира Алексеевна устыдилась своего порыва и спрятала руки под стол. Я понял, как тяжело бабушке бороться со своей плохой привычкой, и спросил ее:

— Глафира Алексеевна, откуда вы так здорово разбираетесь в футболе?

— А вот отсюда, — Глафира Алексеевна показала на стоящий в углу телевизор. — Вы знаете, раньше я и представления не имела, что такое футбол и с чем его едят. А в прошлом году вышла на пенсию...

— Выходит, у вас наступили каникулы? — спросила Наташа.

— Верно, каникулы, — рассмеялась бабушка. — Куда поехать пенсионеру? Спасибо сослуживцам, подарили цветной телевизор, вот я и пристрастилась к футболу. Ни одной игры не пропускаю и сейчас разбираюсь в футболе, как заправский болельщик.

— Значит, лучше любого тренера, — сказал Саня.

Мы пили чай и весело болтали обо всем на свете. Мы чувствовали себя у бабушки как дома, и даже еще лучше. Дома нас все время наставляли и учили. А бабушка позволяла нам вести себя, как нам хочется.

Я глядел на ее еще совсем молодое, загорелое лицо и думал, а почему мы ее называем бабушкой? Только потому, что она пенсионерка?

Когда я пришел домой, на кухне все гремело и грохотало. Мама воевала с кастрюлями. Увидев меня, мама спросила:

— Я отпустила тебя на часок, а прошло сколько?

— Прошло два,— ответил я, бросив взгляд на часы.

— Два часа двадцать одна минута,— мама любила точность.— Значит, больше сегодня ты на улицу не пойдешь.

Ну что ж, не пойду так не пойду. А папа? Меня же папа ждет в шесть часов в кафе у студии. Мама обижалась, что я не говорю ей правды. Ладно, выложу ей все как на духу.

— Мама, мы с папой договорились встретиться в шесть часов у студии,— твердо сказал я.— Как мне быть?

— Ты должен ехать,— разрешила мама,— но до шести еще уйма времени, и ты можешь позаниматься.

Действительно, самое выгодное — всегда говорить правду. Может, и папе рассказать правду? Надо подумать.

В назначенное время я открыл дверь кафе. Папа меня уже ждал. Ждал не один — стол ломился от заказанных блюд.

Папа слишком буквально воспринял мое предложение встретиться за столом переговоров. Раз за столом, значит, за обеденным. К тому же, поскольку папа не видел своими глазами, как я ел, он считал, что я плохо питаюсь. Несмотря на то, что ежедневно сам приходил и готовил обед.

— Ты похудел,— опечалился папа.

Чтобы не огорчать папу, я принялся за еду. Заморив червячка, я приступил к переговорам.

— Папа, как ты относишься к НТР, то есть к научно-технической революции? — задал я первый вопрос.

Папа опешил, потому что ждал совсем иного вопроса, но быстро собрался с мыслями и заговорил:

— Неоднозначно. Видишь ли, раньше вместе со всеми я разделял восторг успехами НТР, а сейчас я отчетливо вижу теневые стороны, например, загрязнение окружающей среды.

Теперь папу не остановишь. Но я сам виноват, втравил его в дискуссию. Но папа неожиданно прервал свою тираду и вернулся за стол переговоров.

— Неужели ты позвал меня, чтобы потрепаться о НТР? — папа был не в своей тарелке.

— Кстати, об окружающей среде,— продолжал я плести нити заговора.— Ты же знаешь, что мамина работа поможет сделать воздух и воду чище?

— Я знаю,— ответил папа и переполошился: — А что случилось?

— Мамина работа под угрозой,— выпалил я.

— Кто же ее противники? — воскликнул папа и сделал такой жест, словно сейчас выхватит шпагу и сразится с теми, кто угрожает нашей маме.

— Мы,— ответил я.

— Почему? — не понял папа.

— Вместо того чтобы заниматься наукой и одарить человечество чистым воздухом, мама оставляет на полпути работу, потому что мы бросили ее на произвол судьбы.

Папа беспокожно заерзал на стуле.

— Но ты, по-моему, ее не бросил.

И тогда я рассказал папе о своих успехах за последние дни, чем вызвал у него прилив недюжинной энергии.

— Как ты мог до такого докатиться? — распалился папа.

— Папа, ты слышал о таком слове — безотцовщина?

Папа сник. Я понимал, что это нечестный прием, более того, это удар ниже пояса, но мне хотелось, чтобы папа услышал меня.

— Папа,— приободрил я отца,— у нас нет иного выхода — давай станем настоящими мужчинами.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ НАТАШИ

В тот день здорово шла игра у Наташи. Словно шутя, она обводила защитников, забивала голы с любого расстояния.

Поэтому Саня чаще всего ей и пасовал. И сейчас он отвлек на себя внимание защитников и отбросил Наташе мяч.

Мяч долетел до Наташи, а она его не видит. Стоит, задумавшись, и на губах ее играет улыбка.

Обычно про таких людей говорят, что они витают в облаках. Но я знал, где Наташа витала — она брела по плитам маленького старинного городка, спускалась к дому-музею великого поэта.

— Ты играть сюда пришла или мечтать? — набросился Саня на девочку.— Такой пас ей выложил, как на блюдечке. Остальное, как говорится, дело техники.

Наташа вспыхнула и, не проронив ни слова, ушла с площадки, села, обиженная, на скамейку и на нас даже не глядела.

Когда Саня играл, он ничего, кроме футбола, не видел. Таких игроков называют бескомпромиссными.

Во всех спорах Глафира Алексеевна брала сторону Сани, но сейчас она встала на защиту Наташи.

— Ну что ты на нее напал? Устала Наташа, и все тут.

— А у нас через неделю, в четвертьфинале, никто не спросит, устали мы или нет,— огрызнулся Саня.— Игру надо будет показывать.

— А игра у нас получится лишь тогда,— стояла на своем Глафира Алексеевна,— когда мы не будем валить друг на друга наши неудачи, когда мы не будем ссориться, короче, когда мы будем друзьями.

Саня прикусил язык и больше не стал спорить.

— Тренировка окончена! — объявила в свою иерихонскую трубу Глафира Алексеевна.

Нехотя мальчишки стали разбредаться. Глафира Алексеевна таинственно подмигнула мне, а сама двинулась в сторону гаражей.

Выждав немного, я пошел следом.

— Кирилл, мне кажется,— сказала бабушка,— что Наташа вновь задумала побег к маме. А если она удерет, команда рассыплется.

Как всегда, Глафира Алексеевна смотрела в корень.

— Кир, я тебя прошу, поговори с ней. Мне кажется, что Наташа не останется равнодушной к твоим словам.

Я был горд, что бабушка возлагала на меня большие надежды. Глафира Алексеевна обладала редким даром — она разбиралась и в людях и в футболе. Но бабушка и не догадывалась, к каким неожиданным последствиям приведет ее просьба.

— А я пойду с Саней побеседую,— вздохнула Глафира Алексеевна,— заедает его звездная болезнь — пережиток профессионального спорта.

Наташа сидела на скамейке, словно ждала меня. Я пригнулся рядом с ней.

— Наташа, я хотел с тобой поговорить.

— Ты назначаешь мне свидание? — встрепелась Наташа.

— Да,— почему-то ответил я, хотя минуту назад ни о каком свидании и не помышлял.

— Во сколько? — допытывалась Наташа.

— Прямо сейчас,— ответил я.

— Нет,— Наташа решительно покачала головой.— В семь часов, ладно?

— Ладно,— согласился я.

— Где? — Наташа прочно взяла инициативу в свои руки.

— Здесь, во дворе,— робко предложил я.

— Только не во дворе,— Наташа была категорически против.— Помнишь, в парке есть фонтан?

— Помню,— ответил я.

— Значит, ты мне назначаешь свидание в парке у фонтана в семь часов? — переспросила Наташа.

— Назначаю,— у меня пересохло в горле.

— Спасибо, может, и приду,— Наташа встала и гордо удалилась.

Вот тебе и на! Сама, можно сказать, заставила меня назначить ей свидание, и сама же носом вертит?

Откуда и что в Наташе взялось? Дни, проведенные в маленьком старинном городке, в воздухе, наполненном поэзией, не прошли для нее даром.

Я корпел над уроками и все время поглядывал на часы. Стрелки двигались сегодня с ужасающей медлительностью.

Сколько раз я провожал Наташу домой, сколько раз играл с ней в футбол или боксировал, но ни разу не шел к ней на свидание.

Я вспомнил о письме. О том самом письме, которое я послал Наташе и которое перехватил ее папа.

Порылся в ящике стола и нашел письмо. На всякий случай сунул его в карман куртки.

Меня охватило лихорадочное нетерпение. Да, а как я отпрошусь у мамы?

Я представил, как скажу: «Мама, мне надо пойти». — «Куда?» — строго спросит мама, а я, привыкший говорить правду, возьму и брякну: «На свидание». Нет, у меня не повернется язык такое вымолвить.

На свидание надо уходить без спроса, а еще лучше — убежать, удирать. Неужели придется солгать маме? Сколько запретов придумали для нас взрослые, что мы вынуждены их обманывать.

Но выручка пришла оттуда, откуда я и не ожидал. Меня спасла от обмана мама. Слегка смущаясь, она сообщила, что ей необходимо на минутку забежать в библиотеку, познакомиться с интересной публикацией в научном журнале (между прочим, во время отпуска), но если она вдруг задержится, что вполне вероятно, то я должен спокойно ложиться спать.

Ну и прекрасно. Пока мама сбегает в библиотеку, я схожу на свидание.

Кстати, что-то папа слишком долго раздумывает и не звонит, и не прибегает тайком готовить, и вообще не предпринимает активных действий? Неужели для него оказалась тяжела шапка настоящего мужчины?

Я причесался, надел белую рубашку и помчался в парк. По дороге забежал в цветочный магазин и с гвоздиками в руках появился у фонтана. Там уже было полно юношей. Все они делали вид, что глаз не могут оторвать от фонтана, что, собственно, они и пришли сюда, чтобы полюбоваться водяными струями и насладиться в теплый апрельский вечер прохладой, а сами все время косили глазом — не идут ли девушки.

Меня они встретили ухмылочками — мол, что за малой затесался в их ряды? Но я научился у Наташи держаться независимо и спокойно сносил их насмешки.

Юноши были посрамлены и сражены наповал, когда первой у фонтана появилась моя девушка. У Наташи это было первое свидание, и она не научилась еще опаздывать.

Мы взялись за руки, и я увидел, что мы с Наташей одинакового роста. Еще чуть-чуть, и я буду выше.

— Я часто вспоминала наш парк, — сказала Наташа, когда мы углубились в аллею. — Тебе понравилось в старинном городке?

— Понравилось, — ответил я.

— А что больше всего?
— Пожалуй, развалины замка...
— А мне один день — замок, другой — дом-музей.
— И сейчас тебя туда тянет? — осторожно выпытывал я.
— Очень, — со всей искренностью ответила Наташа.
— Но если ты уедешь, — вспомнил я о словах Глафиры Алексеевны, — наша команда рассыплется, а у нас на носу четвертьфинал.

— Все ясно, — вспыхнула Наташа, — тогда ты выполнял поручение Калерии, а теперь Глафиры...

Наташа вырвала свою руку из моей и побежала. Очень хорошо, что она была сегодня в платье, поэтому я ее быстро догнал.

— Я и сам хотел с тобой поговорить, — примирительно произнес я.

— А вы все понимаете, — неожиданно выпалила Наташа, — что я не могу играть.

— Почему?! — поразился я. — Ты лучше всех играешь! Нет, Саня лучше всех, а ты после него...

— Я девочка, — тихо сказала Наташа.

— Верно, — опомнился я.

— А никто из вас не видит, что я девочка, — с обидой в голосе произнесла Наташа.

— Я вижу, — возразил я. — И всегда видел.

— Это правда, — Наташа уткнулась носом в гвоздики и рассмеялась. — Ой, и дуреха я была, когда дралась с тобой. Представляю, как ты меня ненавидел.

— Нет, — я покачал головой, — я не могу тебя ненавидеть.

Мы вышли на площадку, где крутились карусели.

И тут в толпе гуляющих я увидел своих родителей. Папа вел маму под руку и темпераментно что-то ей говорил, а мама ему восторженно внимала. Они были так увлечены разговором, что не заметили нас.

— Твои родители помирились, — с завистью произнесла Наташа.

Ну, папа молодец. Претворяет в жизнь мой план. А мама? Так вот в какую библиотеку она торопилась. Что ж, теперь мы с ней квиты.

— Кир, а то письмо? — начала Наташа. — Ну, которое мой отец перехватил... Где оно?

— Вот оно, — я вытащил из кармана запечатанный конверт и протянул Наташе.

Как здорово, что я сегодня вспомнил о письме и захватил с собой.

— Не так, — покачала головой Наташа, — ты брось письмо в наш почтовый ящик. А я его оттуда возьму.

Я спрятал письмо, и мы, побродив еще немного по парку, отправились домой.

В подъезде мы попрощались. Наташа поднялась вверх, к себе. А я опустил письмо в почтовый ящик и пошел домой. Едва за мной захлопнулась дверь, как по лестнице раздался быстрый стук каблучков — Наташа бежала вниз, за письмом, чтобы на этот раз его никто не перехватил.

А на завтра случилось то, что должно было случиться. Наташа уехала в маленький старинный городок.

Наша футбольная команда, собравшаяся на тренировку, пребывала в унынии, а Глафира Алексеевна ходила по площадке, как разъяренная львица. Бабушка совершила непростительную ошибку. Она могла догадаться, что мы с Наташей будем говорить совсем не о футболе.

А еще на Наташу, наверное, произвело впечатление мое письмо, вот она вновь превратилась в девочку и ее неудержимо потянуло в маленький старинный городок. Я был горд, что сумел сочинить такое письмо, которое, пусть с опозданием, перевернуло душу Наташи.

Вдруг Глафира Алексеевна остановилась и хлопнула себя по лбу:

— Никудышный из меня психолог!

И звонко, по-детски рассмеялась. За эту непосредственность мы ее и любили.

— Давайте тренироваться!

Но тренировка шла вяло, нехотя, один лишь Саня играл, как обычно, в полную силу.

А вечером к нам домой заявился Наташин отец. Он не влетел, не ворвался, а вошел робко, огляделся по сторонам, словно человек, который что-то потерял и надеется здесь обнаружить свою пропажу.

— Она снова убежала, — без лишних слов отец протянул маме записку.

— Добрый вечер, садитесь, пожалуйста, — мама взяла листок бумаги.

— Извините, спасибо, здравствуйте, — Наташин отец перепутал все на свете и бухнулся в кресло.

Мама прочитала записку и вернула Наташиному отцу.

— Ну что вы скажете? — Наташин отец глядел маме прямо в рот.

— Я думаю, что вам надо запастись терпением, — произнесла мама. — Время все поставит на свои места.

Мамин ответ не удовлетворил Наташиного отца, и он дал мне записку. И вот что я прочитал.

«Папа!

Я поехала к маме. Запрещаю тебе приезжать за мной. Скоро вернусь. Будь благоразумен и не делай глупостей.

Твоя дочь Наташа».

— Что ты скажешь? — Наташин отец уже на меня глядел с надеждой.

— Я думаю, что надо прислушаться к совету дочери,— дипломатично ответил я.

— Не понимаю, чего ей не хватало? — Наташин отец обернулся за поддержкой к маме.— Эти дни она каталась как сыр в масле, вытворяла все, что хотела, на голове ходила... Я дал ей все, что она желала. Разве что птичьего молока у нее не было.

— А может, ей мать больше дала?

Глаза у мамы сузились — это означало, что она рассержена.

— Что она может предложить, кроме стишков,— снисходительно ухмыльнулся отец.— Нет, тут другое...

Он покосился на меня и ушел несолоно хлебавши.

— А Наташа жестоко поступает со своими родителями,— сказала мама.

— Сперва они, то есть он поступил с ней жестоко,— вступился я за Наташу.

— Все правильно,— рассудила мама,— но зачем им мстить?

Мне нечего возразить маме, но по моему молчанию она догадывается, что я по-прежнему на стороне Наташи, и больше вопросов не задает.

А воображение между тем переносит меня далеко от дома. Я вижу, как Наташа выходит из автобуса и ступает на землю маленького старинного городка. К ней бросается мама с букетом цветов, обнимает и целует дочку. Потом мамины подруги, а также родственники и знакомые заваливают девочку цветами.

С охапкой цветов Наташа входит в дом. Мама преподносит ей новое платье и шесть сиреневых томиков — полное собрание сочинений великого поэта, котоый родился в маленьком старинном городке.

На диване сидит кукла. Она подняла руки, словно приветствует долгожданную гостью.

А вот Наташа бредет с сиреневым тсмиком по парку, находит уединенную скамейку, открывает книгу и предается чтению.

Что же так привлекло Наташу? Между страницами лежит мое письмо. Наташа вновь перечитывает строки, которые пришились ей по душе.

«Ты мне понравилась в ту же минуту, когда я тебя увидел. И с тех пор (уже целых семь дней!!!) я только о тебе и думаю. Ты являешься ко мне даже во сне. Значит, я вижу тебя и днем и ночью. Поэтому я самый счастливый человек.

Тебе сегодня было нелегко. Но ты держалась мужественно, я восхищался тобой. Знай, у тебя есть верный друг. В трудную минуту ты можешь на него, то есть на меня, опереться».

Не отрывая глаз от газеты, папа несет ложку с супом ко рту. Затаив дыхание, мы с мамой следим за полетом ложки.

Особенно волнуюсь я, потому что сегодня у папы дебют. Дебют — это первое выступление на сцене.

Конечно, папа не новичок, не счесть его выступлений на нашей домашней сцене передо мной и мамой. Но сегодня папа впервые выступает в роли главы семьи.

Папа благополучно, не проронив ни капли супа, донес ложку. Я мысленно зааплодировал: «Браво, папа». Следом за первой вторая и третья ложки миновали мели и рифы и достигли места назначения.

Папа прочитал одну газету и, прежде чем взяться за другую, спросил:

— Как дела дома?

— Хорошо,— робко произнесла мама.

Папа поднял глаза на маму — почему такой неуверенный ответ? Мама заерзала на стуле и повернулась за подмогой ко мне.

— Отлично! — бодро ответил я.

Мой ответ успокоил папу, он вновь уткнулся в газету. А мама и я с волнением продолжали следить за полетом ложки.

Но папа уже освоился и чувствовал себя в новой роли как рыба в воде.

— Как дела в школе? — взгляд папиных очков остановился на мне.

— Замечательно,— я ни секунды не промедлил с ответом.— Превосходно!

Папа одолел первое блюдо, и я накладываю ему и маме второе. Теперь я подвизался передником, вот чей он — мне трудно сказать.

Был он раньше мамин, а носил его папа, сейчас он папин, а ношу его я.

— Кир, а где Наташа? — в папином голосе прозвучало прежнее любопытство.

— Снова у мамы,— я обрадовался, что папа снова стал папой.

— Природа взяла свое,— философски заметил папа.

— Вергит Наташа родителями как хочет,— как истинный ученый, мама говорила только правду.

Папа строго посмотрел на маму. Как она может ему перечь?

— Папа мне друг, но истина дороже,— переиначив древнего мыслителя, сказала мама.

Папа смягчился. Он питал слабость к старинным изречениям, и мамини слова пролили бальзам на его душу.

Нет, роль главы семьи, то есть человека, который задает вопросы и получает на них известные ему заранее ответы, папе определено не по плечу.

Когда мы приступили к третьему, к нам ворвался сияющий Наташин отец и громогласно объявил с порога:

— Она вернулась! Пойдемте к нам — разделите мою радость.

Помня о недавней стычке, мой папа неопределенно буркнул в ответ на приветствие Наташиного отца. Однако любопытство взяло верх — папа пошел вместе с нами взглянуть на блудную дочь.

Наташу мы застали висящей вниз головой на турнике. В такой необычной позе она глядела телевизор. Наверное, было ужасно смешно смотреть, как на экране танцевали дамы в пышных платьях и кавалеры во фраках.

Наташин отец с гордостью продемонстрировал нам портативный телевизор.

— Подарок по случаю возвращения.

Мои родители переглянулись — а каков будет следующий подарок?

Наша команда встретила возвращение Наташи криками «ура». Даже Саня проворчал что-то приятное.

Но больше всех обрадовалась Глафира Алексеевна. С возвращением Наташи мы нашли свою игру. И сразу прибавилось болельщиков, которые приходили поглазеть на наши тренировки.

— Неплохо для любителей, — услышал я снисходительный голос.

Я обернулся и увидел Саниного папу. Значит, он вернулся со сборов на Черном море. И вместе с Саниной мамой пришли поглядеть нашу игру.

— Саня хорош, — не скрывал восхищения папа, — но мастерство не растет.

— Взял бы и потренировал ребят, а то бедная женщина надрывается, — подала голос Санина мама.

— И вон тот мальчишка в желтой майке прилично играет, — не отвечая на мамино предложение, заметил Санин папа.

Вот умора! И Санин папа принял Наташу за мальчишку. Но она сегодня и вправду в ударе, обмотала одного защитника, потом второго и забила гол.

Я всегда удивлялся, почему взрослые занятые люди так любят смотреть игры мальчишек. А теперь понял — из-за голов. На взрослом футболе зрителей держат на голодном пайке, футболисты забьют мяч-другой и уже радуются. А у нас счет 20:19 не редкость. Вот почему нет отбоя от болельщиков, когда играют мальчишки.

— Борис, — услышал я мамин голос, — ты опаздываешь на премьеру.

Я оборачиваюсь. Санины родители ушли, появились мои. Папа, как всегда, поддерживает маму под локоток.

— Ну разве может театр сравниться с футболом? — разразился папа монологом. — Матч держит тебя в напряжении все девяносто минут игры, ты не знаешь, чем она окончится. А в театре, бывает, посмотришь минут пять и тебе уже ясна развязка, и ты зеваешь... Я уйду с болью в сердце. Наш-то хорош!

Последние слова папа прошептал маме на ухо, но я их услышал. Так громко шепчут актеры в театре, чтобы их слова долетели до тех, кто сидит на галерке.

Когда я вновь оборачиваюсь, то вижу, что мои родители ушли, а появился Наташин отец. Прислонившись к машине, он вертел в руках ключи и любовался дочкой.

— Перерыв, — объявила в рупор Глафира Алексеевна.

Мы не ушли далеко, а расположились тут же на скамейке. Наташа направилась к папе. Наверное, он предложил ей показаться, но Наташа осталась верна своему долгу и вернулась к нам. Наташин отец завел машину и уехал.

После перерыва с Наташей вновь стало твориться неладное. Я выкатил ей мяч в самые ноги, а она его не увидела. Стояла и задумчиво глядела куда-то вдаль. И мы все остановились, ждали, когда Наташа вернется из путешествия в маленький старинный городок.

— Вы что, меня не узнаете? — Наташа очнулась и удивленно оглядела нас.

— Не-а, — буркнул Саня.

— Узнаем, конечно, узнаем, — я поспешил утешить Наташу.

Глафира Алексеевна была так расстроена, что достала папиросы и спички и уже собралась закурить, но, увидев наши осуждающие взгляды, лишь чертыхнулась:

— Сколько можно измываться над ребенком!

Бабушка объявила, что тренировка окончена, и все разбрелись по домам. Остались мы вдвоем — Наташа, Саня и я.

Мы сели на скамейку и не знали, с чего начать разговор. Значит, завтра Наташа снова укатит к маме в маленький старинный городок. А когда вернется? Наверное, скоро. Если прежде Наташа уезжала на пять дней, то теперь возвращалась через день-другой. Но и в нашем городе она долго не задерживается, пару дней погостит и — прощайте!

— Ты поедешь к маме? — прервал тягостное молчание Саня.

— Не знаю, — пожала плечами Наташа.

— Тогда оставайся дома, — обрадовался я.

— Не знаю, — снова сказала Наташа.

Ну и ну! Наташа, как тот витязь на распутье. Она не знает, какую дорогу ей выбрать — то ли отправиться к маме, то ли остаться у папы. А может, ей хочется покончить с кочевым об-

разом жизни и перейти на оседлый? Но у Наташи нет дома, нет крыши над головой, ей нигде найти приют. Значит, она бездомная и беспризорная?

— Наташа, я предлагаю тебе переехать в наш дом,— решительно начал я.— Мы предоставим в твоё распоряжение отдельную комнату с балконом, откуда открывается прекрасный вид на парк.

Наташа даже не успела рта раскрыть, как в разговор вмешался Саня.

— Интересно, почему в твой дом? А чем мой хуже? Наташа, переезжай к нам. Мы предоставим тебе отдельную комнату с балконом, откуда открывается прекрасный вид на озеро. К тому же мой отец часто бывает в командировках, а мама на дежурстве, поэтому тебе никто не будет мешать. Делай, что хочешь.

— Вот именно — Наташа будет целый день одна,— ухватился я за слабое место в доводах своего соперника.— А мой папа, как тебе известно, человек творческого труда, и днем часто дома, поэтому Наташе не будет одиноко. К тому же папа искусный кулинар, и Наташе будет обеспечено полноценное питание.

— А моя мама врач,— и не думал сдаваться мой друг.— Значит, Наташе будет обеспечена квалифицированная медицинская помощь. А она ей сейчас необходима, чтобы восстановить душевное равновесие.

Ну, Саня! Прижал меня к стенке.

— Из-за своих разъездов Наташа здорово запустила учебу, отстала, и теперь ей приходится догонять одноклассников. Самой Наташе не справиться. Согласись, что с моей помощью Наташа быстро наверстает отставание.

Мы горячо говорили о Наташе, но совершенно забыли, что она сидит между нами на скамейке. Нас волновало одно — к кому она переедет жить.

— Ага,— Саню вроде убедили мои доводы, но он не преминул подставить мне ножку,— особенно после того, как ты в один день умудрился отхватить пять «пар».

— Когда это было! — от возмущения я пустил петуха.

И тут Наташа рассмеялась. Мы сразу прекратили наши споры и устались на девочку — какой она сделает выбор.

— Спасибо, мальчики, меня очень тронула ваша забота,— сказала Наташа,— но в доме Глафиры Алексеевны есть подвал. Там я и поживу, пока все образуется.

Мы с восхищением поглядели на Наташу. Она нашла самый интересный, романтичный выход.

Наташа тут же принялась за дело. Она сбегала домой и вернулась с дорожной сумкой.

— Оставила папе записку, что поехала к маме,— сообщила нам Наташа.

Саня взял у Наташи сумку, и мы по одному вошли в подъезд к Глафире Алексеевне. Впрочем, нам незачем было соблюдать осторожность, ведь мы бывали частыми гостями у нашей бабушки и беспрерывно заходили к ней в подъезд.

По лестнице мы спустились вниз, в подвал. Вероятно, Наташа уже бывала тут. Она удивительно легко ориентировалась в подвальной полутьме и уверенно вела нас, перешагивая через трубы.

У стены, под маленьким окошком, в узком пространстве за котлом Наташа выбрала себе убежище.

— Мальчики,— предупредила Наташа,— о том, что я здесь, не должна знать ни одна живая душа.

— За кого ты нас принимаешь? — Саня даже обиделся.

Поскольку Наташа перешла на оседлый образ жизни, мы решили, что с завтрашнего дня она отправится в школу. Переговоры с директором и классной поручили вести мне. Я гордился оказанным доверием, но понимал, что выполнить поручение будет нелегко — не очень веселую память по себе оставила Наташа.

Я сразу же помчался в школу. Беспокоило меня одно, застану ли я Елизавету Петровну. Но мне повезло — в школе собирался педсовет и пришли все учительницы.

Я вызвал в коридор Калерию Васильевну.

— Я понимаю,— начал я издали,— сколько нервов вам испортил в последнее время. И очень сожалею об этом.

— Я уже про все забыла,— простила меня Калерия Васильевна.

— А уж про Наташу и говорить нечего,— подошел я к тому, ради чего явился.

— Верно,— согласилась классная,— кстати, где она сейчас?

— Наташа в опасности,— выпалил я.

Я сам и не догадывался тогда, что сказал чистую правду. А потом я принялся живописать, как неблагоразумные родители приманивают дочку драгоценными подарками, и бедная Наташа вынуждена проводить все время в поездках между папой и мамой, а потому совершенно забросила учение. А ей необходимо окончить седьмой класс.

— Лучшим выходом из создавшегося положения будет, если Наташа снова вернется в нашу школу,— закончил я свой монолог. Я чувствовал, что был сегодня красноречив, как папа. Потому что меня вдохновляла благородная цель.

Классная выслушала меня и задумалась. Я уже пожалел, что так долго разглагольствовал. Ну, действительно, зачем Калерии Васильевне такая обуза, как Наташа. Зачем классной снова брать к себе девочку и мучиться с ней? А может, Калерия Васильевна сомневается, что Наташа догонит одноклассников?

— Я вам обещаю,— торжественно произнес я,— что Наташа окончит седьмой класс на пятерки и четверки. Я в лепешку расшибусь, но добьюсь этого.

— Я рада, что не ошиблась в тебе, Кирилл,— лицо Калерии Васильевны просветлело.— Я знала, что в трудную минуту ты поможешь Наташе. Пошли к Елизавете Петровне.

Директору не надо было долго объяснять, она все сразу поняла.

— Значит, сейчас Наташа живет у отца? — задала Елизавета Петровна простой вопрос.

— Сейчас Наташа живет в нашем городе,— наконец, выкрутился я.

Елизавета Петровна подумала и разрешила Наташе с завтрашнего дня прийти в школу, потому что сейчас самое главное — окончить седьмой класс, а все формальности они уладят потом.

Гордый, что так здорово все получилось, я побежал к Наташе и Сане. По дороге я неожиданно остановился у детского магазина. Всю витрину занимали куклы — маленькие и большие, в нарядных платьицах, кудрявые, с милыми глазками. Сто раз по дороге из школы домой я проходил мимо магазина и совсем не обращал внимания на кукол.

Я вспомнил, что в маленьком старинном городке Наташу ждет кукла.

Я забежал домой и сказал папе, что видел потрясающие марки, и попросил денег.

— Завтра купишь,— отмахнулся папа.

Он сидел за машинкой, в которой был вставлен чистый лист бумаги.

— Папа,— вдруг спросил я,— а где ты ночевал, когда тебя дома не было?

Я подумал, наверное, у папы есть пристанище и там можно будет поселить Наташу. При ближайшем рассмотрении подвал не произвел на меня романтического впечатления. Наоборот, от подвальных стен повеяло тревогой.

— У приятелей, в общем, где придется,— недовольно пробормотал папа и, чтобы отвязаться от меня, дал деньги.

Я побежал в магазин, выбрал самую большую куклу и вскоре с огромной коробкой появился в подвале.

Наташа и Саня времени даром не теряли. Саня обнаружил в подвале матрац, принес из дома одеяла, подушку — постель для Наташи была готова.

Когда я пришел, Наташа и Саня пили чай из термоса и ели бутерброды.

— Все в порядке,— небрежно похвастался я,— завтра ты снова пойдешь в школу.

— Спасибо,— сказала Наташа,— присаживайся, поужинай.

Меня не надо было упрашивать. Я сел на матрац и вскоре уплетал бутерброды, запивая их крепким чаем из Саниного термоса.

— А что ты принес? — Сани не давала покоя коробка. Я развязал шпагат, вынул из коробки куклу и протянул Наташе.

— Тебе, чтобы ты не скучала.

— Нашел чего принести — куклу, — хмыкнул Саня. — Да Наташке боксерские перчатки нужны. Верно?

Наташа ничего не ответила, но по благодарному взгляду, который она бросила на меня, я понял, что угадал ее желание.

Уже начало смеркаться, когда мы, пожелав спокойной ночи, оставили девочку одну.

Странная получается ситуация, думал я, лежа дома в мягкой теплой постели. Наташин отец считает, что Наташа у мамы и терпеливо ждет, когда она вернется. А мама уверена, что дочка у отца, и надеется, что Наташа в скором времени к ней придет.

А Наташа оказалась между небом и землей, то есть между папой и мамой.

ВСЕ СТАЛО НА СВОЕ МЕСТО

Утром я сказал маме, что у нас в школе временно не работает столовая, и взял с собой термос с чаем и целлофановый мешочек, набитый бутербродами.

Мне удалось опередить Саню и принести еду Наташе. Девочка ждала меня умытая и одетая.

— Как ты спала? — спросил я.

— Нормально, — Наташа не теряла оптимизма.

Вскоре пришел Саня, и мы вдвоем зашагали в школу. Наташа посередине, а мы по бокам, точно охраняя ее от всяких напастей.

Появление Наташи мальчишки встретили восторженно. Произошла даже молниеносная битва за место под солнцем, то есть за место рядом с Наташей.

Раньше Наташа сидела одна-одинешенька, а теперь каждый из мальчишек мечтал примоститься хоть на самом краешке ее парты.

Наташа поглядела на меня, потом на Саню и сказала, что будет по-прежнему сидеть одна. Я понял, что она не хотела обижать ни Саню, ни меня.

А девчонки делали вид, что в классе равным счетом ничего не изменилось. Лялька даже улыбалась, хотя по ее глазам я видел, что она совсем не рада возвращению Наташи.

Конечно, две королевы на один класс — это слишком. Мирное сосуществование между ними невозможно. Я ждал, когда произойдет взрыв, но первый день прошел спокойно. Наташа

вела себя смирно, глядела в рот учительницам. Я подумал, может, все и обойдется.

На первой же переменке с Наташей уединилась и долго говорила Калерия Васильевна. На урок девочка пришла в отличном расположении духа.

Но больше всех обрадовалась тому, что Наташа никуда не уехала, Глафира Алексеевна. На радостях бабушка провела очередную тренировку. Правда, Наташа на поле не вышла. Несмотря на ощутимую потерю, мы играли здорово. Я заменил Наташу в нападении. Теперь мы вдвоем с Саней таранили оборону противника.

По ходу игры Глафира Алексеевна и Наташа обменивались мнениями, и лишь потом бабушка говорила в рупор свои замечания. Тогда я понял, что Наташа стала у нас вторым тренером.

Когда тренировка окончилась, мы с Наташей и Саней отправились к нам домой на обед. После школы я намекнул папе, что с его разрешения приведу гостей — Наташу и Саню. И папа постарался на славу. Обед был такой, какого я еще не едал.

Папина борьба за свободу и независимость в собственном доме завершилась его победой. Папа стал главой семьи и, как истинный хозяин, вел все дела в доме, то есть готовил обед и все прочее.

А мама отложила отпуск на лето и вновь занялась своей наукой, и работа у нее пошла на лад.

— Как твоя борьба с матриархатом?— спросил у Сани папа, когда после обеда мы обрушили на него поток похвал.

Саня махнул рукой. Мол, чего вы спрашиваете, сами знаете, что дело безнадежное.

— Ребята,— папа поднялся,— все прекрасное на земле создано мужчинами, влюбленными в женщин, вдохновленных женщинами.

Папа обвел руками кухню. Я понял, что папа имеет в виду и обеды, которые он мастерски готовит. Раньше он старался ради мамы, а сегодня ради Наташи.

А еще я подумал вот о чем. Для того, чтобы мальчишки хорошо играли в футбол, девчонке совсем не обязательно бегать вместе с ними по полю. Она может просто глядеть на игру, и этого достаточно, чтобы мальчишки забивали по сто мячей за один матч.

— Я за такой матриархат,— папа поднял обе руки.

И я не понял, то ли он голосует двумя руками за такое положение дел, то ли сдается на милость женщинам.

— Папа, спасибо тебе за отменный обед,— я поднялся со стула.— Извини. Нам надо делать уроки.

— А я тороплюсь на телевидение,— папа пошел одеваться.

Втроем мы быстро справились с уроками на завтра, а потом я захватил учебники и вместе с Наташей отправился в подвал.

Там мы собирались заниматься, чтобы Наташа смогла поскорее догнать наш класс. Саня обещал прийти попозже.

Из нашего дома мы выбиравлись, соблюдая осторожность. Наташа не хотела встречаться со своим отцом.

Мы благополучно миновали двор и скрылись в подвале. Наташа здорово запустила занятия, но оказалась очень сообразительной. Занятия с ней доставляли мне одно удовольствие.

Все, что я объяснял Наташе, она понимала с полуслова, а потом объясняла кукле.

— Ты все поняла? — спрашивала Наташа у куклы. И кукла кивала, что все дошло до нее в лучшем виде.

Я смеялся. Наташа так здорово умела говорить кукольным тоненьким голоском.

В подвале быстро стемнело, и мы отложили учебники.

Я подумал, как хорошо, что у Наташи есть это пристанище. Здесь нас никто не найдет, потому что ни одна живая душа на свете не знает, что мы тут спрятали Наташу.

Мне вспомнилось, как некогда я пытался попасть к Наташе в дом, а меня ждал от ворот поворот, и вот сейчас мы вдвоем, и можем о чем угодно говорить, а мы молчали. Наверное, мы боимся вспугнуть тишину, которая всегда наступает в мире перед тем, как придет вечер. Честное слово, я не знал, что так приятно молчать вдвоем.

— Скоро каникулы, — шепотом произнесла Наташа. — Я поеду на все лето в маленький старинный городок.

— А я — не знаю куда, — ответил я. — Родители собираются на юг.

— Ты будешь мне писать?

— Обязательно.

— Каждый день?

— Два раза в день.

Наташа тихо засмеялась, как вдруг на лестнице раздались тяжелые шаги. Саня? Нет, непохоже. Да и идет не один человек, а двое, может, трое. До нас долетели невнятные голоса.

Наверное, в подвал зашли слесари-сантехники из домоуправления починить какую-нибудь неисправность. Значит, сейчас они раскроют нашу тайну и прости-прощай Наташино убежище!

Мы переглянулись. Наташа тихонько скатала постель, я сложил книги, подхватил сумку, и мы схоронились за котлом. Авось не заметят, авось пронесет.

Булькая, полилась из бутылки жидкость. Зазвенели, сойдясь, стаканы. Нет, это не слесари-сантехники из домоуправления.

Голоса стали громче. Уже можно было разобрать отдельные слова. Но при всей моей приверженности к правде я не могу привести здесь ни единого слова. Стыд удерживает мое перо.

Выпитое подействовало на пришельцев. Их стало разбирать любопытство, они разбрелись по подвалу. Одного из них не легкая принесла к Наташиному убежищу.

— Эй, смотрите, кукла! — позвал он своих дружков неприятным писклявым голосом.

Поскольку обладатель писклявого голоса по-прежнему изъяснялся на том же неудобоваримом наречии, я вынужден дать его слова в переводе на нормальный человеческий язык.

Вот досада, все спрятали, а куклу забыли. Я выглянул из укрытия и увидел широкую спину, обтянутую красным свитером.

Обладатель писклявого голоса обернулся, и я смог хорошо его разглядеть. Он оказался ужасно толстым парнем. Жирная физиономия от вина была красной, нечесанные патлы свисали на самые глаза. Трое его дружков были и пониже и пожиже — обыкновенные пацаны.

Толстяк, наконец, заметил нас с Наташей.

— Глядите, голубки воркуют!

Тройка верноподданно заржала.

Ну что ж, драки не избежать. Двое против четверых. Силы неравные. Но я совершенно забыл, что со мной Наташа. Да одна Наташа стоит четверых. Как она шутя расправилась на стадионе сразу с тремя хулиганами!

Значит, Наташа берет на себя троих. На мою долю остается один. С одним я запросто справлюсь. Еще не выветрились из памяти уроки борьбы, которые преподавал мне Наташин отец. Кого же мне выбрать? Да вот этого, самого здорового, в красном свитере.

— Извините, мы вам не помешали? — потешался толстяк, а дружки хихикали.

Ишь ты, оказывается, он умеет говорить по-человечески и на него благотворно действует присутствие девочки.

— Помешали, — разозлился я, — и проваливайте, пока целы!

Дружки толстяка кинулись вперед, но он удержал их.

— Фу, как невежливо! — сморщился толстяк. — Давайте выпьем!

Толстяк вынул из кармана брюк бутылку вина.

Наташа вцепилась мне в плечо и прошептала:

— Я боюсь.

Ну и ну! Вот до чего довели Наташу поездки в маленький старинный городок — она стала настоящей девчонкой, то есть превратилась в боязливое существо, которое пугается одного вида мыши, не говоря уже о хулиганах.

Значит, на Наташу мне теперь нечего надеяться. Ну что ж, все стало на свое место. Раньше девчонка заступалась за мальчишку, а теперь мальчишка защищает девчонку. Мужчи-

на всегда оборонял женщину. Так было испокон веков. Так будет и сейчас.

— Не волнуйся,— ободрил я Наташу, отдал ей очки и направился к непрощеным гостям. Толстяк распечатал бутылку и налил вино в стакан, услужливо поданный одним из пацанов.

— Первый бокал даме,— толстяк решил, что я пришел за вином.

Резким ударом я выбил у него из рук стакан и, воспользовавшись замешательством, провел приемчик, после чего толстяк очутился на бетонном полу.

Не ожидавшие такого поворота событий, пацаны отпрянули. Толстяк попытался встать, но это ему не удалось.

Тогда коренастый красивый парень со злыми глазами переступил через толстяка и пошел на меня. Мне повезло. Между стеной и трубами был узкий проход, и пацаны могли нападать на меня лишь поодиночке.

Я попытался было провести приемчик, но коренастый разгадал мою хитрость, и мы оба свалились на пол, но поспешно вскочили на ноги, готовые к новой схватке.

— Саня! — позвала на помощь Наташа.

К нам на выручку мчался Саня. Пацаны пытались его остановить, но Саня пробился и встал между мной и коренастым.

Охая, поднялся толстяк и, окинув взглядом свое воинство, приказал:

— Уходим.

Незванные гости покинули поле боя, уведя под руки своего предводителя. Когда за ними затихли шаги, Саня повернулся к Наташе:

— Собирай вещи, тебе нельзя оставаться здесь ни минуты.

— Никуда я не пойду,— Наташа покачала головой,— потому что мне некуда идти.

— Но они могут вернуться,— вскричал я.

— Они трусы, я их знаю, и больше не придут,— Наташа вновь стала прежней, смелой, как мальчишка, девчонкой.— Да и дверь тут закрывается.

Наташа провела нас к выходу и продемонстрировала, как дверь закрывается на задвижку.

— Теперь вы спокойны?

Мы пожали плечами. Как мы можем быть спокойны, если Наташа в опасности?

И все-таки мы ушли, оставив Наташу одну в подвале.

В ту ночь я долго не мог заснуть. Что же получается? Наташа вроде живет не на улице, а под крышей, и все равно бездомная и беспризорная. Наташа ничья дочка, потому что борьба между ее отцом и ее матерью закончилась вничью.

Когда я все-таки уснул, меня стали одолевать кошмары.

Мне снилось, как в подвал врываются четверо парней и нападают на Наташу. Но Наташу голыми руками не возьмешь, она дерется, как львица, и пацаны удирают, как зайцы. Тогда я успокаивался и вновь погружался в сон, пока кошмар не наваливался на меня с новой силой.

Утром я подхватился и выбежал во двор. Через несколько минут я уже был в бабушкином подъезде. Торопливо спустился по лестнице в подвал и толкнул дверь.

Дверь легко отворилась. Дверь была не заперта.

А в подвале кто-то ходил, я отчетливо слышал шаги.

Я распахнул дверь, ворвался в подвал и увидел Саню.

Мой друг в растерянности бродил по подвалу. Увидев меня, Саня поднял голову:

— Наташа пропала!

Я кинулся к Наташиному закутку. Исчезли ее постель, сумка, книги и кукла. А самое главное, нигде не было Наташи.

— Зря ее послушались,— протянул Саня.

— А кто вообще придумал поселить ее в этом мрачном подвале? — распалился я.

— Она сама,— ответил Саня.

— Она,— рассердился я,— а у нас головы на плечах или что?

— Надо заявить в милицию,— Саня первый понял, что надо делать.— Ты помнишь приметы этих пацанов?

— Конечно,— ответил я.— Пошли к капитанской дочке.

Я напомнил Сане о том, как наш поход на телевидение закончился посещением детской комнаты милиции и дружеской беседой с милой женщиной в капитанских погонах, которую мы за глаза прозвали капитанской дочкой.

— Ну, капитанская дочка в два счета найдет Наташу,— обрадовался Саня.

Решительным шагом мы направились к выходу, как противно заскрипела дверь и нашим удивленным взорам предстала Наташа.

— Мальчики, вы уже здесь? — воскликнула она.

Мы кивнули. Мы были ужасно рады, что видим Наташу, целую и невредимую. Наташа прижалась своей щекой к моей, а потом обняла Саню.

— Мальчики, не волнуйтесь, я живая. Я ночевала у Глафиры Алексеевны и там буду жить. Пойдемте к бабушке, завтра уже на столе.

Вслед за Наташей мы покинули подвал и поднялись к Глафире Алексеевне.

Бабушка укоризненно покачала головой:

— Ребята, как вы могли до такого додуматься!

Только через несколько дней я узнал, как было дело.

Чтобы не подавать нам плохой пример, бабушка днем не

курила. А поскольку совсем отказаться от дурной привычки она не могла, Глафира Алексеевна дымил на сон грядущий.

В тот вечер она вышла во двор и едва зажгла спичку, как услышала плач. Глафира Алексеевна огляделась по сторонам, кто ревет в такую позднюю пору. А потом догадалась, что плач доносился из подвала.

Бабушка решительно постучала в маленькое окошко. Плач прекратился, и в окошке показалось лицо девочки. При свете спички Глафира Алексеевна узнала Наташу.

Бабушка кинулась в подвал и, забрав Наташины пожитки, силком увела девочку к себе.

УДАР ЧЕРЕЗ СЕБЯ В ПАДЕНИИ

Вчетвером мы вышли из подъезда и пошагали к школе. Наташа и бабушка посредине, а мы с Саней, как верные оруженосцы, по краям.

Глафира Алексеевна на сей раз оставила дома спортивный наряд и облачилась в строгий костюм и надела кокетливую шляпку с цветочком. У перекрестка мы остановились в ожидании зеленого света, и нас догнала Лялька.

— Доброе утро! — поздоровалась она.

Королевы смирili друг дружку взглядами и обменялись сдержанными поклонами.

Зажегся зеленый свет, и бабушка с Наташей и Саней устремилась через улицу. Я замешкался. Мне неудобно было оставить одну Ляльку, которая как раз сняла туфлю, чтобы выбросить попавший туда камешек. Когда Лялька вновь стояла на двух ногах, горел уже красный свет.

— Милая старушка, — заметила Лялька. — Это Наташина бабушка?

— Нет, это наша общая бабушка.

Увидев, что Лялька ничего не поняла, я объяснил ей, что Глафира Алексеевна тренирует нашу футбольную команду и вообще заботится о нас.

— И о Наташе? — спросила Лялька.

— О Наташе больше других, — ответил я.

— Как трогательно, — протянула Лялька.

Мы с Лялькой перешли улицу и побежали к школе — уже вовсю звенел звонок.

Проводив нас, Глафира Алексеевна отправилась домой, чтобы разрабатывать план игры в четвертьфинале.

С каждой тренировки мы играли все лучше, и все больше болельщиков собиралось, чтобы поглазеть на нас.

Однажды на тренировке появилась женщина в милицейских погонах. Я пригляделся — да это же капитанская дочка! И Саня узнал ее.

Но зачем она здесь появилась? Явно неспроста.

И Глафира Алексеевна почуяла неладное. Она время от времени поглядывала на женщину-милиционера, а потом не выдержала и объявила:

— Перерыв!

Мы с Саней бросились к капитанской дочке.

— Здравствуйте,— широко улыбнулся Саня.— Вы нас узнаете?

— А, артисты,— обрадовалась инспектор.— Вы здесь живете?

— Здесь,— подтвердил я и полюбопытствовал: — А что вас привело сюда?

— Ребята, вы знаете Глафиру Алексеевну Голубович?

— Так это же наш тренер,— я кивком головы показал на бабушку.

— Ах, вот как,— задумалась инспектор и задала новый вопрос: — И Наталью Карамышеву вы знаете?

— Знаем,— хором ответили мы.

Капитанская дочка улыбнулась и сказала:

— Мне надо поговорить с вашим тренером.

Бабушка и инспектор двинулись навстречу друг другу, встретились у самой площадки и обменялись несколькими фразами. До меня долетело:

— Кем вам приходится несовершеннолетняя Наталья Карамышева?

Что ответила бабушка, я не услышал. Глафира Алексеевна взяла капитанскую дочку под руку и повела к себе домой.

— Что случилось? — нас с Саней окружила вся команда.

— Почему Глафиру Алексеевну увела милиция? — беспокойно спросила Наташа.

— Все наоборот,— я вступился за истину,— бабушка пригласила милицию к себе домой.

— И потом, капитанская дочка подсуживать не будет,— Саня вступился за инспектора.

Мы сгрудились возле бабушкиных окон, чтобы в любую минуту прийти на помощь к Глафире Алексеевне.

Возле подъезда затормозили знакомые «Жигули», и из них вышел Наташин отец.

— Наташа, ты вернулась?

Наташа подбежала к отцу и уткнулась лицом в кожаный пиджак.

— Пошли домой,— отец похлопал дочку по спине.

Наташа оглянулась на нас, на подъезд, из которого до сих пор не появлялась бабушка.

— Папа, это ты вызвал милицию?

— Ну что ты,— отец даже не вздрогнул.

— Папа, зачем ты обидел Глафиру Алексеевну?

Наташа в гневе была очень похожей на своего отца.

Отец приглушил голос и заговорил. Наверное, пытался

оправдаться. Наташа слушала его, и губы у девочки дрожали.

А я вспомнил, как пару дней назад вместе с нами в школу шла Лялька. Может, она видела, как Наташа выходила из бабушкиного подъезда, и не преминула обо всем поведать Наташину отцу. Вполне вероятно, что Наташин отец в бешенстве мог заявить в милицию.

А может, он и сам увидел дочку. Ведь Наташа, не таясь, жила у бабушки. Да, жить между папой и мамой невозможно. Рано или поздно все выходит наружу.

Обо всем об этом я размышлял, пока во дворе не появились бабушка и капитанская дочка. Мы их сразу взяли в тесное кольцо. Рядом со мной очутилась Наташа.

— Я очень рада была с вами познакомиться,— инспектор сердечно пожала бабушке руку.— Побольше бы таких энтузиастов, и кривая правонарушений резко бы пошла вниз. А вам, ребята, желаю удачи на футбольном поле.

Про себя мы послали ее к одному не очень симпатичному герою народных сказок, а вслух стали прощаться. Значит, нашей бабушке ничего не грозит.

Когда инспектор ушла, Наташа спросила у бабушки:

— Глафира Алексеевна, это мой папа сделал?

— Наташа, сегодня ты ночуешь дома,— сказала бабушка,— а в остальном все остается по-прежнему.

— Я не пойду домой,— Наташа сжала губы.

— Я тебя прошу, Наташа,— настаивала бабушка.

— Ладно,— Наташа опустила голову.

— Вот и отлично,— Глафира Алексеевна сразу повеселела и вооружилась рупором: — А теперь продолжим тренировку.

Мы вновь собрались на площадке, и бабушка сказала:

— Я хочу показать вам удар через себя в падении. Это очень коварный для противника удар.

Глафира Алексеевна стала спиной к воротам:

— Саня, пасни, пожалуйста.

Саня мягко, щеточкой набросил ей на ногу мяч.

Глафира Алексеевна собралась было подпрыгнуть, взлететь над площадкой, чтобы продемонстрировать удар, который принесет нам победу. Но неожиданно опустилась и распласталась на земле.

Мы ахнули и подбежали к Глафире Алексеевне. Наша тренер лежала с закрытыми глазами и не подавала признаков жизни.

— Ее надо перенести в дом,— первой пришла в себя Наташа.

— Ее ни в коем случае нельзя трогать,— Саня вспомнил, что он сын врача, и закомандовал:— Кир, вызови «скорую».

Я вскочил и пулей помчался на улицу к телефону-автомату. Дрожащей рукой набрал «03» и закричал в трубку:

— «Скорая»? Немедленно выезжайте... Человек умирает.

Я сказал адрес и побежал на площадку. Вокруг бабушки уже собралось много народу. Я протиснулся поближе.

Саня держал бабушкину руку.

— Ну что? — шепотом, словно наша тренер меня могла услышать, спросил я.

— Пульс слабого наполнения, — огорченно ответил Саня и спросил: — Вызвал?

— Ага, сказали, что мигом...

«Скорая» и вправду примчалась очень быстро. Из машины вышли рыжебородый молодой доктор и медсестра с сумкой.

Доктор велел всем отойти, и мы, волнуясь, издали наблюдали, как он слушает бабушку.

— Граждане, — попросила сестра, — помогите перенести больную.

Мы кинулись к машине, вытащили носилки. Вместе со взрослыми осторожно подняли бабушку и положили на носилки. Потом подняли носилки и понесли к машине.

Бабушка оказалась на удивление легкой, точно маленькая девочка. Она ни разу не застонала. Наверное, не хотела нас беспокоить.

Рыжебородый доктор спросил у Наташи:

— При каких обстоятельствах это произошло?

— Глафира Алексеевна собралась нам показать удар через себя в падении, — ответила Наташа. — Это очень коварный для противника удар. Она хотела подпрыгнуть, но упала и потеряла сознание.

— Что-что? — поразился рыжебородый.

До него, конечно, ничего не дошло. Где ему, молодому, широкоплечему представить, что Глафира Алексеевна, имея большое сердце, тренировала нашу футбольную команду.

— А родственники у нее есть? — поинтересовался доктор.

— Я, — ответила Наташа. — Доктор, а что у нее?

— Сердце, — коротко бросил рыжебородый и велел: — Садитесь в машину.

«Скорая» взяла с места и стремительно покатила на улицу.

Мы в унынии слонялись по площадке. Собственно, никакой площадки у нас и не было. Посредине двора было пространство, вытоптанное нашими неутомимыми ногами. Здесь не успевала вырасти трава. Едва подсыхала земля, как мы начинали носиться по площадке.

Итак, завтра — матч. А мы осиротели. Нашего тренера отвезли в больницу. Мы бродили как неприкаянные. Что нас ждет завтра?

И тут прибежала Наташа.

— Как Глафира Алексеевна? — мы окружили Наташу.

— По дороге она пришла в себя и сразу набросилась на меня, — Наташа улыбнулась. — Как ты смела уйти с поля? Со мной ничего не случится, а завтра матч.

Нет, нашу бабушку не так просто болезни одолеть. Наша бабушка — крепкий орешек.

— Как ни призывал ее доктор не волноваться, Глафира Алексеевна успокоилась лишь тогда, когда машина остановилась, и я вышла, — рассказывала Наташа. — А сейчас, мальчишки, продолжим тренировку.

Мы сразу подтянулись. Мы поняли — теперь наш тренер Наташа.

— Я хочу показать вам удар через себя в падении, — сказала Наташа. — Это очень коварный удар для противника.

Наташа стала спиной к воротам.

— Саня, пасни.

Саня мягко набросил мяч Наташе на ногу. Девочка взлетела над площадкой, взмахнула ногами, и мяч очутился в воротах.

— Ура! — закричали мы и бросились к Наташе.

Но строгий взгляд нового тренера заставил нас остановиться.

— А теперь ты, Саня! — предложила Наташа.

Саня стал спиной к воротам.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАТРИАРХАТА

Только в начале тайма мы сражались на равных с нашими соперниками. А потом почувствовали, что те сильнее. Противник запер нас в нашей штрафной, и мы играли только на отбой. Я вынужден был уйти в защиту.

Лишь Саня отважно играл в нападении, но после того как его пару раз сбили, мой друг, без пяти минут профессионал, решил беречь ноги и уже не пытался в одиночку пробиться к воротам противника.

Мы играли на стадионе, который расположен в парке. Там всего одна трибуна, но она полна народу. Среди болельщиков и наши родители.

Мой папа болеет темпераментно, бурно жестикулирует. Мама сдержанно, но с интересом смотрит матч.

Санин папа наблюдает за игрой с непроницаемым взглядом, а мама открыто радуется или негодует.

Наташиной мамы нет на трибуне. Рядом с Наташей сидит ее отец. Время от времени он что-то говорит дочке, наверное, советует, как играть. То и дело к девочке оборачиваются наши родители — тоже с мудрыми советами. Бедная Наташа! Из-за нас ее совсем замучили родители!

Гол назревал. Но раздался спасительный свисток судьи. Перерыв! Первый тайм окончился вничью.

Мы далеко не ушли, растянулись на травке под трибуной. К нам спустились Наташа и родители.

По глазам Наташи я видел, как много она хочет сказать

нам, но родители не дали ей и рта раскрыть. Первым, как всегда, начал папа:

— Все идет отлично, мои юные друзья, но не хватает остроты, я был сказал, перца, пресно играете. Нет задора, огня, нет вдохновения!

Наташин отец не обладал красноречием моего папы, а потому выразился кратко и ясно:

— Пожестче играйте, на грани фола.

Санин папа тоже был немногословен:

— Попробуйте взвинтить темп! У них левый защитник тихоход. Атакуйте по правому флангу!

Вот глазастый Санин папа! Я тоже заметил, что левый защитник у наших соперников слабо бегаёт, но не подумал, что надо прорываться по правому флангу. А потом было уже не до прорывов.

Мама нам не давали мудрых советов, а утешали нас. И это было еще хуже.

Когда родители отправились на трибуну, Наташа сказала:

— Глафира Алексеевна уверена, что вы выиграете. Я тоже надеюсь на вас.

С первой минуты второго тайма мы бросились в атаку. Мы прорывались по правому флангу, там, где был тихоход-защитник. Я оказался в штрафной, ударил и — мимо. Саня проскочил между трех защитников, но тоже промазал.

Потом у наших соперников было несколько возможностей поразить ворота, но счастье было на нашей стороне.

А Глафира Алексеевна уверена, что мы выиграем, а у нас ничего не получается. Почему вчера наша бабушка потеряла сознание? От того, что пыталась нам продемонстрировать удар через себя в падении? Нет, сердце у нее заболело от обиды. Ее обидели понапрасну. Она все отдавала нам, а кто-то взял и пожаловался на нее в милицию. Доброе бубуш-кино сердце и не выдержало.

Кстати, удар через себя в падении. Мяч у меня, а Саня стоит спиной к воротам. За каждым его движением следят долговязые защитники, они в затылок ему дышат.

Я паснул другу. Саня подпрыгнул, взлетел над площадкой, взмахнул ногами, и мяч оказался в сетке. Вратарь соперников лишь проводил его растерянным взглядом.

— Ура!!! — закричали наши болельщики на трибуне.

Я видел, как родители бросились обнимать Саниного папу. Ну ясно, кто же еще, если не папа, мог научить сына такому потрясающему удару. А потом все крепко жали руку моему папе — благодарили за отличный, выверенный до сантиметра пас, который сделал его сын, то есть я.

Наши соперники едва успели начать с центра, как прозвучал свисток судьи. Мы вырвали победу на последней минуте.

Родители сбегают вниз, обнимают, целуют нас.

— Спектакль удался на славу, — воскликнул мой папа.

— Ребята, у меня окончатся зональные соревнования, — прижал обе руки к груди Санин папа, — и возьмусь вас тренировать.

Санина мама потешно вздохнула — свежо предание, а верится с трудом.

— Эх, Наташка, Наташка, — гнул свое Наташин отец, — если б ты была мальчишкой, быть бы тебе старшим тренером сборной.

Наконец к нам протиснулась Наташа и сказала всего два слова:

— Спасибо, мальчики!

А нам больше и не надо. Мы все поняли.

— Ребята, поскорее переодевайтесь, — поторопила нас Санина мама.

— Мы вас ждем, — сказала моя мама.

Мы отправляемся в раздевалку. По дороге Наташа предложила мне и Сане:

— Давайте съездим к бабушке в больницу.

— А родители? — спросил я. — Они же нас ждут.

Наташа пожала плечами.

А я подумал, нашел, у кого спрашивать про родителей.

Мои папа и мама помирились, а Наташины по-прежнему живут в разных городах. И каково Наташе, если она любит и папу и маму.

Как это ни огорчительно, но мы вынуждены были оставить наших родителей с носом, а сами отправились в больницу. Умытые, причесанные, мы ехали в трамвае, и ветер, врываясь в распахнутые окна, пузырил наши рубашки.

Саня держал в руках объемистый сверток. Я прижимал к груди большой букет цветов.

В больнице к Глафире Алексеевне не пустили.

— Она в тяжелом состоянии, — сообщила сестра.

— Но нам необходимо, — настаивал Саня.

— Мы принесли ей радостную весть, — добавил я, — от которой она сразу встанет на ноги.

— Андрей Павлович, — сестра позвала на помощь рыжебородого доктора, проходившего по коридору.

— А, старые знакомые, — приветствовал ребят доктор, — вашей бабушке уже лучше, но навещать ее рано.

— А передачу можно?

Саня протянул сверток, я — цветы, а Наташа — записку. Доктор подержал сверток, словно взвешивал его, и передал сестре.

Сестра понесла сверток, цветы и записку Глафире Алексеевне.

— А когда бабушка выйдет на поле? — спросил Саня.

— Когда Глафира Алексеевна выпишется из больницы? — я перевел Санины слова на доступный язык.

Рыжебородый доктор вдруг странно хрюкнул и затрясся в хохоте.

— Ой, ребята, не могу. Седая пенсионерка, больное сердце и футбольный тренер. Анекдот. Никто не поверит, если расскажу.

— Вы кончили? — холодно осведомился я, а Саня без лишних слов стал закатывать рукава.

— Как вам не стыдно смеяться над пожилой и больной женщиной, — вспыхнула Наташа и увела нас из больницы, от беды подальше.

Во дворе мы остановились и, запрокинув голову, стали глядеть на окна. Мы надеялись, что бабушка подаст голос. Тем более что мы все для этого сделали.

Внезапно на седьмом этаже распахнулось окно. Из него высунулось ухо рупора. На нем сверкнул солнечный луч.

— Наташа, мальчики, спасибо за победу, — услышали мы знакомый голос Глафиры Алексеевны, усиленный рупором.

Рупор мелькнул и исчез. Вместо него в окне появилась рыжая борода и увесистый кулак, погрозивший нам.

Мы засмеялись и покинули больницу.

На трамвайной остановке Наташа протянула мне руку:

— До свидания.

— Ты куда? — оторопел я.

— К маме.

Наверное, у меня был ужасно растерянный вид, потому что Наташа улыбнулась и сказала:

— Не волнуйся, я завтра вернусь.

Что же такое — все начинается сначала? Наташа снова будет мотаться между мамой и папой?

— Вот и наступил последний день матриархата, — сказала Наташа, пожимая руку Сане.

— Это почему? — недоверчиво произнес мой друг.

— Глафира Алексеевна не скоро выйдет из больницы, — объяснила Наташа, — а я с сегодняшнего дня буду только больницей. Правда, самой активной. Придется вам, мальчики, становиться мужчинами.

— Это мы запросто, — не очень уверенно сказал Саня. — Да и папа мой обещает...

Я знал, что без бабушки и Наташи нам будет тужо.

Казалось бы, я мог гордиться. Мы с Наташиной мамой победили. Но мне было грустно. Я еще не знал, что последний день матриархата был последним днем нашего детства.

Наташа это поняла раньше нас. И она не стала затягивать прощание. Наташа вскочила в трамвай и, высунувшись из окошка, долго махала нам рукой.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. КИР.

Необычная процессия — 3
Папенькин сыночек — 10
Перехваченное письмо — 17
Поверженная королева — 21
Три испытания — 26
От ворот поворот — 33
Свист крыльев за спиной — 37
Я изменяю внешность — 41
Всеобщее посмешище — 47
Матриархат возвращается — 52
Заговор родителей — 56
Тайна брата — 61

Часть вторая. САНЯ.

Разбитое окно — 66
Первый мужской поступок — 73

Мастер ставит точку — 79
Человек с двумя именами — 83
Искусство перевоплощения — 93
Папа приходит на выручку — 98
Саня меняет тактику — 105
Схватка отцов — 108
Стопроцентный мальчишка — 111

Часть третья. НАТАША.

В старинном городке — 119
Диссертация или я — 124
За столом переговоров — 129
Первое свидание Наташи — 134
Между папой и мамой — 140
Все стало на свое место — 146
Удар через себя в падении — 152
Последний день матриархата — 156

Владимир Георгиевич Машков

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАТРИАРХАТА

Повесть

Для старшего школьного возраста

Минск, издательство «Юнацтва»

Зав. редакцией В. М. Новик. Редактор В. Б. Идельсон. Мл. редактор Г. Д. Зинченко. Художественный редактор В. И. Клименко. Технический редактор С. А. Абрамчук. Корректор А. К. Юшина.

ИБ № 309

Сдано в набор 10.12.84. Подп. к печати 05.11.85. АТ 07396. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10. Усл. кр.-от. 20,5. Уч.-изд. л. 10,57. Тираж 90 000 экз. Зак. 975. Цена 40 к.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

Фотонабор и верстка выполнены с использованием автоматизированной системы переработки текстовой информации АККОРД, разработанной в УНИИПП. г. Львов.

